

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

23 2026
ЧАСТЬ IX

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (626) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена Чимаманда Нгози Адичи (1977), нигерийская писательница.

Будущей писательнице дали имена Чимаманда и Нгози, что с языка народа игбо, к которому она принадлежит, переводится как «Мой Бог не ошибается (неисчерпаем)» и «Благословение». Она родилась в Энугу и была пятой в семье из шести детей в городе Нсукка на юге Нигерии, где в Университете Нигерии ее отец Джеймс Нвое Адичи работал профессором статистики и проректором. Мать Грейс Айфеома работала регистратором-секретарем в этом же учебном заведении и была первой женщиной на этом посту за всю его историю.

Еще школьницей Адичи слагала стихи и в 1997 году опубликовала поэтический сборник «Решения». С детства она слушала рассказы отца и матери о гражданской войне в Нигерии (1967–1970), во время которой те лишились всего своего имущества и потеряли родителей, и решила, что напишет об этом. В шестнадцать лет Чимаманда Нгози написала пьесу «За любовь к Биафре», вышедшую в свет в 1998 году. Решающее влияние на молодую писательницу оказали романы Чинуа Ачебе и Лей Камара «И пришло разрушение» и «Африканский ребенок». В результате она изменила тему произведений на африканскую и негритянскую.

Чимаманда полтора года изучала медицину и фармакологию в Университете Нигерии. Но осознав, что медицина — не ее призвание, в 1996 году уехала учиться в США. Прослушав курс лекций по коммуникации и политологии в Дрексельском университете в Филадельфии, она перевелась в Университет Восточного Коннектикута, чтобы жить поближе к сестре Айджеоми, у которой была медицинская практика в Ковентри. В 2001 году Чимаманда с отличием окончила этот вуз и получила степень бакалавра.

Вскоре она стала магистром в области литературы в университете Джонса Хопкинса, а также магистром искусств, специализируясь в африканистике в Йельском университете.

Четыре ее произведения — «Ты в Америке», «Дерево в бабушкином саду», «Этот утренний харматан» и «Американское посольство» — были отмечены различными престижными номинациями и премиями.

В Коннектикуте она приступила к своему первому роману «Пурпурный гибискус», в котором повествование ведется от имени главной героини — пятнадцатилетней Камбили Ачике, которая вместе с братом по имени Джаджа страдает от произвола отца-бизнесмена, самодура и католического святоши. Действие произведения развивается на фоне событий в постколониальной Нигерии. Семья

Ачике разваливается, но в итоге все заканчивается счастливо. Роман был издан в 2003 году и в течение следующих двух лет был удостоен двух литературных премий стран Содружества наций в категориях «Лучшая первая книга (Африка)» и «Лучший дебют (в целом)» и еще семи наград, включая номинацию на литературную премию «Оранж» (2004).

В названии ее второй прозаической книги «Половина желтого солнца» отражен один из мотивов флага Биафры — непризнанного государства, существовавшего на территории Нигерии во время гражданской войны в Нигерии 1967–1970 годов. В этом романе показано, как межэтнический конфликт народов хауса и игбо, а затем и эта война повлияли на судьбы главных героев — сельского юноши Угву, его хозяина Оденигбо и двух сестер-близнецов Оланны и Кайнене. Роман был награжден семью премиями, а в 2013 году по мотивам «Половины желтого солнца» был снят одноименный фильм. В конце того же года роман отметили на Международном кинофестивале в Торонто.

В 2009 году вышла книга Чимаманды Адичи «Штука у тебя на шее» — сборник из двенадцати рассказов, преимущественно на нигерийскую и американскую тематику. Один из них, «Холм прыгающей обезьяны», содержит элементы автобиографии. В рассказе «Американское посольство» показана женщина, которая добивается убежища в США, но в конце концов отказывается от этого намерения, потому что не хочет, чтобы ее сына убили ради визы.

В 2010 году Адичи вместе с другими авторами вошла в список «Двадцатка моложе сорока», составленный журналом «Нью-Йоркер» в категории «Художественная литература». В следующем году ее рассказ «Потолок» вошел в список «Лучшие американские рассказы».

В 2013 году она опубликовала свой третий роман, «Америка». Этот труд был удостоен двух наград — премии газеты «Чикаго трибюн» в категории «Художественная литература» и премии Национального круга книжных критиков в категории «Художественная литература».

Адичи неоднократно выступала с докладами на лекциях и конференциях. На конференции TED писательница выступила с докладом «Опасность отдельно взятого рассказа», в Гилдхолле (Лондон) она прочитала лекцию на тему культурных связей между странами Содружества «Читать реалистичную литературу — значит искать человечность», на конференции TEDx Адичи произнесла речь «Мы все должны быть феминистами».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тупица С. Г.

Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений и правила ее преодоления 583

Удальцов А. Л.

Совершенствование процесса судебной экономической экспертизы 585

Хабарова А. О.

Психологические аспекты допроса несовершеннолетних 587

Хабарова А. О.

Проблемы предварительного расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних 591

Хахук Т. З.

Следственные действия как основной способ процессуального собирания доказательств ... 595

Чемериченко А. С.

Меры правового регулирования малого бизнеса 598

Черных Л. В.

Трансформация правового статуса государственных служащих в условиях развития публичного управления 600

Черных Л. В.

Особенности привлечения государственных гражданских служащих к дисциплинарной и административной ответственности 602

Чернышев К. В., Любенко А. Р.,

Казакалиев М. Т.

История взаимоотношений российского государства и адвокатуры в контексте принципа независимости 605

Чуркина К. М.

Правовое значение и перспективы электронных доказательств в гражданском судопроизводстве 607

Чуркина К. М.

Пределы судебного усмотрения при разрешении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции в гражданском судопроизводстве 610

Шмидт Д. Я.

Проблемы использования системы видеоконференц-связи при производстве следственных действий 613

Эфендиев Т. Э.

Правовая определенность и пределы пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу 616

Эфендиев Т. Э.

Баланс правовой определенности и исправления судебной ошибки при пересмотре судебных актов 617

Якоб П. А., Андросова Е. Ю.

Возрастная дискриминация на рынке труда: правовые способы защиты лиц предпенсионного возраста 619

Якунина П. А.

Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности за нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов 621

ИСТОРИЯ

Андреева Ю. Р., Шакиров Э. Р.

Великая хартия вольностей 1215 года и её значение 624

Афанасьев Р. М., Раднаев В. Ж.

Германское гражданское уложение 1896 года: предпосылки создания и значение для континентальной правовой системы 625

Кузнецова О. М.

Женщины — медицинские сестры на страже защиты Родины. О сестринском подвиге и героизме в аспекте истории России: от прошлых лет к современности 628

Нугуманова Н. М., Поварницина К. Д., Шаронова Д. А.	
Салическая правда: нормы семейного и наследственного права	635

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Нигматуллина Э. Б.	
Русский символизм в культуре fin de siècle: философия и художественная практика	638

ПЕДАГОГИКА

Анфалова Е. Ю.	
Проектная деятельность как средство развития критического мышления у младших школьников на уроках математики	643

Бабич А. С.	
Изучение опыта работы учителей-логопедов по профилактике общего недоразвития речи у детей дошкольного возраста	646
Беликова Н. А., Хороших Н. Н., Черепнёва О. В.	
Развитие эмоционально-эстетических чувств у дошкольников специализированной группы	649
Волков А. Н.	
Перспективы реализации модели управления процессом формирования гражданственности и патриотизма школьников.....	650
Горбунова А. В.	
Особенности предметно-пространственной среды дошкольного учреждения как условие психолого-педагогического сопровождения детей с нарушениями зрения	653

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений и правила ее преодоления

Тупица Сергей Геннадьевич, студент

Научный руководитель: Третьяк Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье рассматривается конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений, её основные виды и правила преодоления, обеспечивающие законность и справедливость уголовной ответственности.

Ключевые слова: конкуренция уголовно-правовых норм, квалификация преступлений, общая и специальная норма, конкуренция части и целого, специальные нормы между собой, правила преодоления конкуренции.

Под квалификацией преступлений понимается деятельность уполномоченного субъекта, направленная на установление соответствия между признаками преступного деяния и признаками конкретного состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Однако правоприменитель часто сталкивается с ситуацией, когда одно общественно опасное деяние одновременно попадает под признаки нескольких составов преступлений. В доктрине уголовного права такая ситуация получила название конкуренция уголовно-правовых норм.

Несмотря на свое фундаментальное значение, на сегодняшний день в законодательстве отсутствует легальное определение конкуренции уголовно-правовых норм, законодатель в ч. 3 ст. 17 УК РФ дает лишь частное правило преодоления конкуренции. В связи с этим в науке уголовного права сложилось множество подходов к пониманию этого явления. Наиболее удачным, нам кажется определение Л. В. Иногамовой-Хегай, которая под конкуренцией понимала состояние урегулированности одного общественного отношения одновременно двумя или более нормами, приоритетной из которых всегда является одна норма. [1 с. 105]

Для уяснения сущности конкуренции и выработки правил ее преодоления необходимо выделить ее основные виды. Так, Наибольшее практическое значение имеет содержательная конкуренция — она возникает, когда несколько норм по-разному описывают признаки одного и того же преступного поведения, и именно с ней чаще всего сталкивается правоприменитель. Внутри содержательной конкуренции, в свою очередь, выделяются конкретные подвиды: конкуренция общей и специальной норм; конкуренция части и целого; конкуренцию специ-

альных норм между собой. Такое разнообразие видов говорит о том, что конкуренция не единообразное, а многогранное явление, когда выбор приоритетной нормы всегда зависит от того, как именно соотносятся между собой конкурирующие статьи.

Наиболее часто встречающимся видом конкуренции является конкуренция общей и специальной нормы. Именно для этого вида конкуренции законодатель считал необходимым нормативно закрепить правило ее преодоления, согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме. [2] Данное предписание стало единственным легальным правилом преодоления конкуренции, что придаёт рассматриваемому виду особую значимость, но одновременно порождает в науке дискуссии о пределах его действия и способах разрешения ситуаций, прямо не урегулированных законом.

Необходимо отметить, что под конкуренцией общей и специальной норм понимается такое соотношение уголовно-правовых предписаний, при котором одна норма описывает преступление в общем виде, охватывая любые случаи его совершения, тогда как другая норма выделяет из этого широкого круга отдельные, специфические случаи, сохраняя все основные признаки общей нормы и добавляя к ним специальные признаки, отражающие особенности конкретной разновидности преступного поведения. По справедливому замечанию Зацепина А. М., существование специальной нормы наряду с общей имеет практический смысл лишь тогда, когда она иначе — в сторону усиления или смягчения — решает вопросы уголовной ответственности, что выступает закономерным результатом дифференциации законодателем меры от-

ветственности в зависимости от типовой степени общественной опасности различных вариантов одного и того же посягательства [3 с. 84]. Таким образом, специальная норма, по своей юридической природе, обладает приоритетом перед общей именно потому, что она точнее отражает специфику содеянного и содержит законодательную оценку именно тех обстоятельств, ради выделения которых она и была создана.

Конкуренция части и целого традиционно рассматривается как самостоятельный и практически значимый вид содержательной конкуренции, заслуживающий анализа наравне с конкуренцией общей и специальной норм. Возникновение этого вида конкуренции обусловлено особенностями законодательной техники: наряду с элементарными составами, описывающими отдельные преступные деяния, уголовный закон содержит составы сложные (составные), объединяющие несколько деяний, каждое из которых при изолированном совершении способно образовать самостоятельное преступление. При типичной для практики взаимосвязи таких деяний законодатель конструирует единый состав, охватывающий всё содеянное в комплексе и тем самым полнее отражающий характер и степень общественной опасности посягательства. Нормы здесь находятся в отношении подчинения не по объёму признаков (как общая и специальная), а по содержанию: норма-целое полнее отражает содеянное, нежели норма-часть, и потому именно она подлежит применению.

Общее правило квалификации при такой конкуренции состоит в том, что применяется норма-целое, наиболее полно охватывающая все фактические признаки совершённого деяния. Это базируется на фундаментальном положении: каждое лицо должно нести ответственность за все свои противоправные действия в полном объёме, а норма-целое отражает их совокупность точнее, чем норма-часть, фиксирующая лишь отдельный фрагмент преступного поведения. Если содеянное образует единое сложное преступление, охватываемое одним составом, его искусственное дробление и квалификация по нескольким статьям недопустимы — это искажало бы подлинную юридическую природу посягательства и создавало бы риск двойного вменения, что противоречит принципам справедливости и законности. Вместе с тем из этого правила существует принципиальное исключение: если преступление-часть является более тяжким, нежели преступление-целое, деяние должно квалифицироваться по совокупности. Данное исключение не позволяет содеянному получить менее строгую правовую оценку лишь потому, что оно формально поглощено более широкой, но

менее опасной нормой, — в противном случае виновный, совершивший деяние с объективно повышенной общественной опасностью, нёс бы ответственность по норме, не отражающей эту опасность в должной мере.

Помимо вышеуказанных видов конкуренции, в доктрине выделяется конкуренция специальных норм между собой. Существенным отличием является то, что обе нормы являются специальными по отношению к общей, однако различают по объёму признаков. Общее правило, разработанное наукой уголовного права, заключается в том, что применения подлежит та норма, которая содержит наиболее строгую санкцию. Таким образом, законодатель исходит из того, что более строгая санкция поглощает менее строгую. Это положение подтверждается и судебной практикой. Так, в п. 17 Постановления Пленума Верховного суда от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» сказано, что «в случае совершения кражи, грабежа или разбоя при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных несколькими частями статей 158, 161 или 162 УК РФ, действия виновного при отсутствии реальной совокупности преступлений подлежат квалификации лишь по той части указанных статей Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой предусмотрено более строгое наказание. [4]

На практике может возникнуть ситуация, когда между собой конкурирует квалифицированный и привилегированный состав. В таких случаях приоритет имеет привилегированный состав. Данный подход основывается на принципе гуманизма и логике законодательной воли: если законодатель счёл необходимым смягчить ответственность при наличии определённых обстоятельств, то именно эти смягчающие обстоятельства и должны определять итоговую квалификацию, даже если в содеянном одновременно присутствуют признаки, отягчающие ответственность. Иное решение, а именно выбор квалифицированного состава вместо привилегированного, вошло бы в прямое противоречие с законодательным принципом справедливости. Кроме того, выбор привилегированной нормы обусловлен и тем, что она полнее отражает специфику содеянного, поскольку указывает на обстоятельства, уменьшающие степень общественной опасности.

Таким образом, конкуренция уголовно-правовых норм является сложным уголовно-правовым явлением, которое порождает для правоприменителя ряд проблем. От правильности ее преодоления во многом зависит соблюдения принципа законности и дифференциации уголовной ответственности.

Литература:

1. Иногамовой-Хегай, Л. В. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая. 2-е издание. Учебник / Л. В. Иногамовой-Хегай. — 2-е издание. — Проспект, 2019. — 278 с. — Текст: непосредственный.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 09.04.2026) // «Консультант Плюс» — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.06.2026).

3. Зацепин, А. М. Конкуренция норм уголовного права и квалификация преступлений / А. М. Зацепин. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurenciya-norm-ugolovnogo-prava-i-kvalifikatsiya-prestupleniy/viewer> (дата обращения: 04.06.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // «Консультант Плюс» — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 04.06.2026).

Совершенствование процесса судебной экономической экспертизы

Удальцов Андрей Леонидович, студент

Научный руководитель: Гурбаева Лариса Федоровна, кандидат экономических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретические и методические основы судебной экономической экспертизы, выявляются ключевые проблемы ее проведения и предлагаются пути совершенствования процесса. Анализируются понятие, задачи, виды, предмет, объект и методы судебной экономической экспертизы. Особое внимание уделяется проблемам нормативно-правового регулирования и отсутствия единых стандартов.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, нормативно-правовое регулирование, методы экспертизы, предмет экспертизы, объект экспертизы, стандарты проведения экспертизы.

Введение

Судебная экономическая экспертиза — важный инструмент в системе правосудия, позволяющий установить истину и обеспечить законность в экономической сфере. Ее результаты служат доказательной базой в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах. Однако в настоящее время процесс проведения судебной экономической экспертизы сталкивается с рядом проблем, требующих решения. Цель статьи — выявить эти проблемы и предложить пути их устранения.

Понятие и задачи судебной экономической экспертизы

Судебная экспертиза — предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла [1].

Судебная экономическая экспертиза представляет собой комплекс мероприятий, направленных на оценку экономических фактов и обстоятельств, имеющих значение для разрешения судебных споров. В теоретическом плане, судебная экономическая экспертиза основывается на принципах научности, объективности, независимости и законности [2].

Таким образом, судебная экономическая экспертиза представляет собой специализированную форму судебной экспертизы, фокусирующуюся на анализе финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов с применением знаний в сфере экономики, финансов и бухгалтерского учета.

Основные задачи судебной экономической экспертизы включают:

- установление экономической обоснованности хозяйственных операций;
- выявление признаков экономических преступлений;
- определение размера ущерба;
- анализ финансового состояния организации;
- установление признаков преднамеренного или фиктивного банкротства;
- подтверждение или опровержение финансово-экономических обоснований;
- анализ кредитной и налоговой политики организации;
- определение рыночной стоимости активов;
- исследование обстоятельств, связанных с формированием и распределением прибыли;
- предоставление суду квалифицированных заключений по вопросам, требующим специальных знаний в области экономики и финансов.

Также М. Э. Червяков формулирует: «Основная задача судебной экономической экспертизы вытекает из общей задачи судебно-экспертной деятельности — способствовать получению доказательственной информации, используя все возможности, предоставляемые специальными знаниями в области налогообложения, бухгалтерского и налогового учета и отчетности» [6].

Виды судебной экономической экспертизы

Стоит обратить внимание на отсутствие единой классификации судебных экспертиз, а также на различие имеющихся классификаций в различных ведомствах, осуществля-

ющих государственную судебно-экспертную деятельность. При этом классификация судебных экспертиз по роду (виду) (предмету экспертного исследования) наиболее распространённая и основана на области специальных знаний, применяемых для проведения исследований.

Так, к основным видам судебной экономической экспертизы можно отнести:

- судебную бухгалтерскую экспертизу (СБЭ);
- судебную финансово-аналитическую экспертизу (СФАЭ);
- судебную налоговую экспертизу (СНЭ);
- оценочную экспертизу.

При этом указанное отсутствие единой классификации судебных экспертиз приводит к несогласованности подходов, различиям в требованиях к квалификации экспертов и сложностям в межведомственном взаимодействии.

Предмет и объект судебной экономической экспертизы

Предмет судебной экономической экспертизы — фактические данные, исследуемые и устанавливаемые в судопроизводстве на основе специальных знаний в области экономики, учета и финансов. К предмету относятся соответствие отражения финансово-хозяйственных операций требованиям законодательства, правильность документального оформления операций, достоверность данных бухгалтерского учета и отчетности и т.д.

Объект судебной экономической экспертизы — материальные носители информации, необходимые для проведения исследования: первичные учетные документы, регистры бухгалтерского учета, отчетность, организационно-распорядительные документы, материалы проверок и ревизий, электронные данные и другие материалы дела.

Четкое определение предмета и объекта экспертизы критически важно для обеспечения объективности, законности и эффективности производства экспертизы.

Седых М. С. отмечает: «Одной из наиболее значимых проблем судебно-экономической экспертизы является отсутствие четкой регламентации основных теоретических понятий. Теоретические основы такие как: понятия предмета и объекта, цели и задачи данного вида экспертизы не поддаются регламентации в нормативно-правовых актах из-за специфики рассматриваемой отрасли судебных исследований». [5].

Стоит отметить, что процессуальное законодательство не дает четкого определения предмета и объекта судебной экономической экспертизы, при этом различные формулировки предмета и объекта судебной экономической экспертизы встречаются в научных публикациях и учебных материалах, где авторы предлагают различные трактовки на основе теоретических исследований.

Методы судебной экономической экспертизы

Методы судебной экономической экспертизы делятся на две группы:

— общие (общенаучные): анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, моделирование, абстрагирование и конкретизация, системный анализ;

— специальные: документальные методы, расчетно-аналитические методы, экономический анализ, статистические методы, экономико-математические методы.

Каждый метод выполняет свою роль в системе исследования финансово-хозяйственной деятельности, а их совместное применение обеспечивает объективность, полноту и доказательность экспертных выводов. Стоит выделить наиболее частое применение комплексного подхода к проведению судебной экономической экспертизы: через сочетание общих (общенаучных) и специальных методов.

Также, наиболее эффективным представляется подход к проведению экспертизы, который предполагает индивидуальный подбор методов и методик, что позволяет максимально точно установить юридически значимые факты.

При этом существует проблема недостаточной проработанности методик и отсутствие единых стандартов, что приводит к вариативности выводов экспертов по схожим вопросам, увеличивают риск субъективности и снижают сопоставимость результатов экспертиз.

Проблемы нормативно-правового регулирования

Анализ нормативно-правового регулирования судебной экономической экспертизы выявил следующие проблемы:

- отсутствие четких определений основных понятий (предмет, объект);
- отсутствие единой классификации судебных экспертиз;
- отсутствие общепринятой методологии и единых стандартов;
- разрозненность требований к проведению экспертиз в разных сферах экономики;
- устаревшие подходы, не учитывающие современные финансовые инструменты и электронные данные;
- недостаточная детализация методик для сложных случаев.

Пути совершенствования процесса судебной экономической экспертизы

Для решения выявленных проблем предлагается:

- разработать и закрепить на законодательном уровне единую классификацию судебных экспертиз, что позволит унифицировать подходы к видам и объемам экспертных исследований, упростить межведомственное взаимодействие и повысить сопоставимость результатов;
- создать единые стандарты и методики проведения судебной экономической экспертизы с учетом современных финансовых инструментов и электронных данных — это снизит субъективность выводов и повысит достоверность результатов;

— обновить нормативную базу, включив в нее актуальные методики, учитывающие специфику сложных финансовых операций и цифровых технологий;

— усовершенствовать механизмы взаимодействия между следственными органами и экспертами на этапах назначения и проведения экспертизы для обеспечения полноты и достоверности исходных данных;

— внедрить программы повышения квалификации для экспертов-экономистов с акцентом на изучение новых методик и технологий;

— разработать рекомендации по выбору методов экспертизы в зависимости от специфики дела, что обеспечит более точный и объективный анализ финансово-хозяйственной деятельности;

— стимулировать использование цифровых технологий и автоматизации в процессе экспертизы для повы-

шения эффективности и сокращения сроков проведения исследований.

Заключение

Совершенствование процесса судебной экономической экспертизы требует комплексного подхода, включающего нормативное регулирование, стандартизацию методик, повышение квалификации экспертов и внедрение современных технологий. Реализация предложенных мер позволит повысить качество и достоверность экспертных заключений, сократить процессуальные риски и обеспечить более эффективную защиту экономических интересов общества и государства. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретных стандартов и методик, а также на оценку их практической применимости.

Литература:

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024 № 191-ФЗ). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
2. Данилов, А. А. Судебно-экономическая экспертиза. Вопросы теории и практики / А. А. Данилов, Копытовский Д. С. — Текст: непосредственный // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». — 2023. — № 3 (60) Т.4. — С. 69–75.
3. Городнова, Н. В. Судебная экономическая экспертиза: понятие, сущность и методический инструментарий / Н. В. Городнова, С. В. Феофанов. — Текст: непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. — 2021. — № 3. — С. 605–622.
4. Михеева, М. В. Судебная экономическая экспертиза: учебник / М. В. Михеева. — М.: Московский ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2021. — 256 с. — Текст: непосредственный.
5. Седых, М. С. Актуальные проблемы судебно-экономической экспертизы / М. С. Седых. — Текст: электронный // Наука через призму времени. — 2019. — № 9 (30). — С. 43–45. — URL: <https://naupri.ru/journal/2138.php>.
6. Тимченко, В. А. Объекты судебно-экономической экспертизы / В. А. Тимченко. — Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2020. — № 2. — С. 200–206.
7. Червяков, М. Э. Методологические аспекты проведения судебно-экономической экспертизы / М. Э. Червяков, А. Е. Левочкина. — Текст: непосредственный // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2020. — № 6. — С. 45–52.

Психологические аспекты допроса несовершеннолетних

Хабарова Алина Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Завьялов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Введение

Допрос — это процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющих значение для расследуемого дела. Это самое распространенное, но и самое сложное следственное действие [1]. Если анализировать ст. 187 УПК РФ, можно сделать вывод, что допрос на предварительном следствии — это регламентированный уголовно-процессуальным законом устный диалог между

должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело (дознатель, следователь), и подозреваемым, обвиняемым, свидетелем и потерпевшим в целях получения фактических данных, имеющих доказательственное значение.

Цель статьи — всесторонне охарактеризовать особенности, определяющие специфику допроса несовершеннолетних, а также особенности тактики допроса несовершеннолетних. Рассмотрены особенности допроса

несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, стадии формирования показаний, а также подготовка к допросу следователя. Также изучен выбор тактических приемов при проведении допроса.

Расследование уголовных дел в отношении несовершеннолетних

С позиции уголовного процесса, допрос можно рассматривать как следственное действие, которое заключается в получении и фиксации следователем, в соответствии с правилами, изложенными и установленными в уголовно-процессуальном законодательстве сведений о фактических обстоятельствах, имеющих значение по делу, от допрашиваемых лиц [2].

Расследование уголовных дел в отношении несовершеннолетних и их последующее судебное рассмотрение обладает спецификой в связи с необходимостью особой правовой защиты несовершеннолетних, обусловленной психологическими и физиологическими характеристиками лиц, не достигших совершеннолетия. Этим предопределяются особенности тактики производства отдельных следственных действий, в том числе и допроса с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Специфика проведения названного следственного действия обусловлена уже тем, что допросу подлежит ребенок, ставший объектом торговли, например, в целях сексуальной или иной эксплуатации. При этом зачастую он выступает едва ли не единственным источником сведений, содержащих поисковую информацию о преступнике, месте, времени, способе совершения общественно опасного деяния [3].

Как показали результаты ряда исследований, одна из распространенных и серьезных ошибок, допускаемых следователями, заключалась в том, что они не усматривали различий между допросом взрослого и несовершеннолетнего, а тем более малолетнего. В протоколе допроса показания ребенка излагались языком взрослого человека, вопросы формулировались без учета особенностей его психологии, допрос производился без необходимого изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

Особенности допроса несовершеннолетних

Особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей обусловлены своеобразием их возрастной психики и характером восприятия ими происходящих событий, особенностями формирования показаний в целом. Для несовершеннолетних лиц характерны недостаточный уровень знаний, отсутствие жизненного опыта, профессиональных знаний, неспособность правильно оценить ситуацию, поступки (своих и других лиц), склонность к внушению и фантазированию [4].

Исследование показаний несовершеннолетнего

Формирование показаний несовершеннолетнего представляет собой психологический процесс, характеризующийся полным и точным восприятием определенных событий и обстоятельств при помощи органов чувств и осознанием, запоминанием воспринятого, переработкой и удержанием его в памяти, воспоминанием и правильной передачи при допросе полных и достоверных сведений о событиях и обстоятельствах.

В ходе производства допроса несовершеннолетнего обвиняемого носителем доказательственной информации выступает человек. Таким образом, в процессе передачи информации необходимо учитывать определенные психологические механизмы. Только знание таких закономерностей осуществить эффективное проведение следственного действия посредством получения полных, объективных данных. Помимо этого, учет психологического механизма позволяет соответствующим образом оценить полученный результат следственного действия.

Традиционно исследователи в юридической литературе выделяют три основных этапа (стадии) психологического механизма формулирования показаний: восприятие, запоминание, воспроизведение. Некоторые авторы определяют иные стадии указанного процесса.

Например, Г. А. Зорин выделяет еще следующий этап: обратная связь, корректировка показаний. А. Н. Васильевым и Л. Н. Карнеевой предложено разделять не три, а четыре стадии формирования показаний: восприятие, запоминание, припоминание, воспроизведение. И. А. Макаренко выделяет следующие стадии формирования показаний несовершеннолетних лиц: восприятие, сохранение информации, формирование будущих показателей, воспроизведение [5].

Важным элементом формирования показаний несовершеннолетних при проведении их допроса (опроса) выступает восприятие. Восприятие является психическим процессом, который представляет собой осмысленный (принятие решений) и означенный (связанный с речью) синтез разнообразных ощущений, получаемых от целостных предметов или сложных, воспринимаемых как целое, явлений.

При резком физическом или эмоциональном переутомлении возможно нарушение восприятия. В этом случае происходит повышение восприимчивости к обычным внешним раздражителям, при таком состоянии возможно проявление ложного восприятия, иначе называемого галлюцинациями. Суть их состоит в том, что восприятие возникает без реального раздражителя, существующего объекта.

Воспринятое наблюдаемое событие еще не говорит о правильном его воспроизведении. Ощущения и восприятия дают толчок для образования временных нервных связей (ассоциаций) в коре головного мозга. Это и есть процесс запоминания, когда начинает свою деятельность память.

На запоминание влияют уровень развития допрашиваемого (опрашиваемого) несовершеннолетнего, особенности памяти, ситуация обстановки, когда информация была им воспринята.

Завершающей стадией формирования показаний несовершеннолетних является стадия воспроизведения, которая имеет важное значение для дела — получение допрашивающим полной и точной информации, учитывая то, как воспринял и понял данный материал допрашиваемый. Воспроизведение есть умственный процесс, который восстанавливает содержание информации в той или иной знаковой форме.

Отличительной особенностью стадии воспроизведения является то, что в ней участвуют допрашиваемый и допрашивающий. Следователь стремится получить наиболее полные и точные сведения для дела. В процессе допроса осуществляется дача показаний — форма воспроизведения событий из прошлого времени.

Таким образом, зная определенные знания, умения в отношении процесса формирования показаний несовершеннолетних потерпевших (свидетелей), следователь будет проводить качественный допрос с получением полной, достоверной информации по делу, а также может рассчитывать на успешное расследование преступления в целом.

Подготовка к допросу следователем

Каждый раз следователь сталкивается с новыми жизненными явлениями, событиями, действиями. В зависимости от возраста и психического развития, как ранее рассматривалось в научной статье, несовершеннолетние имеют различные характер, темперамент, поведение. В связи с этим, следователю приходится собирать, анализировать немалое количество информации, где для результативного допроса без предварительной подготовки не обойтись.

Однако встречаются случаи, когда неопытные следователи не считают нужным проводить подготовку к допросу и поэтому долгое время не могут найти в материалах уголовного дела необходимый материал.

Подготовка к допросу есть совокупность предварительных действий, проводимых следователем для результативного допроса, экономии времени при полном обеспечении процессуальных гарантий охраны прав допрашиваемых лиц [6]. Подготовка к допросу способствует получению от несовершеннолетнего свидетеля наиболее полных и достоверных показаний. Подготовка к допросу, не включая возрастные особенности лица и его процессуальное положение, состоит из следующих элементов: информационной, организационно-тактической и технической подготовки.

При информационной подготовке изучаются данные уголовного дела, систематизируются информация и документы, определяется круг обстоятельств, по которым нужно получить показания; изучается личность несовершеннолетнего свидетеля, а при необходимости приме-

няются специальные знания в области наук психологии и педагогики. Следовательно необходимо при подготовке к допросу создать его информационную базу.

С. В. Матвеев выделяет такие элементы, как: глубокое изучение допрашиваемым лицом материалов дела; ознакомление следователем личности допрашиваемого; определение места допроса.

Изучая материалы уголовного дела, следователь для начала решает, с кем именно ему необходимо провести допрос и по каким вопросам, вследствие этого используются ранее полученные следственные материалы.

Затем внимательно прочитываются и анализируются заявления, постановления, протоколы и иные документы, где в большой степени уделяется внимание объяснениям несовершеннолетнего свидетеля. При изучении материалов дела определяются обстоятельства и факты, которые предстоит выяснить. Последние, собственно, и составляют сам предмет допроса. Следователю следует заранее определить, какие вопросы при допросе нужно выяснить, уточнить или проверить. Достаточно изучив информационный материал, и, соответственно, свободно ориентируясь поданным дела: событиям, действиям, именам или каким-либо другим деталям во время допроса, имеется большая вероятность оказать на допрашиваемое лицо хорошее впечатление, что в результате даст основу для получения более правдивых и полных показаний от несовершеннолетнего свидетеля [7].

В начале допроса необходимо выяснить взаимоотношения между свидетелем и обвиняемым, с другими свидетелями, насколько заинтересован свидетель по данному делу.

Немаловажно для наиболее полного ознакомления личности допрашиваемого лица изучать его анкетные данные, которые должны содержать информацию о том:

- 1) каковы условия для проживания, воспитания несовершеннолетнего, где учится или работает, с какими лицами проводит большую часть времени;
- 2) насколько развиты интеллектуальный уровень, навык владения речью, его интересы, занятия;
- 3) как успешно преуспевает в учебе, насколько развита сообразительность, внимательность;
- 4) стоит ли на учете за употребление алкоголя, курения, наркотических средств, была судимость или нет;
- 5) каковы отношения со сверстниками, взрослыми, какие отличительные черты характера несовершеннолетнего и т. д.

Такие данные могут исходить как от процессуальных источников: различные протоколы, материалы уголовного дела, так и не процессуальных: сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, которые содержатся в памяти следователя”.

Тактические приемы, применяемые при проведении допроса следователем

Следователь ответственен за выбор **тактических приемов** при проведении допроса и ориентируется,

прежде всего, на существование специфических особенностей различных возрастных групп, а также с недостаточной разработанностью в юридической психологии вопросов дачи показаний несовершеннолетних. Данные особенности, в первую очередь, связаны с возрастом несовершеннолетнего. Дети по своей природе более внушаемы, отчего и очень чувствительны к постороннему воздействию. Некоторые малолетние свидетели, оказавшись в центре внимания, могут подстраивать свои показания по тем, которых от них ждет следователь. Кроме того, ребенок может сказать не то, что помнит, а то, что его попросили рассказать значимые для него взрослые. Дети склонные к фантазированию, на допросе зачастую говорят неправду, веря в собственную правдивость.

В отечественной психологической науке на базе немалого педагогического опыта сложился следующий подход к определению возрастной периодизации лиц, не достигших совершеннолетия. Данную проблему изучали следующие авторы: Е. А. Пащенко, А. В. Лысенко, В. В. Романов

- 1) младенческий возраст (от рождения до 1 года);
- 2) раннее детство (от года до 3 лет);
- 3) дошкольный возраст (от 3 до 6–7 лет);
- 4) младший школьный возраст (от 6–7 до 11–12 лет);
- 5) подростковый возраст (от 11–12 до 14–15 лет);
- 6) старший школьный или ранний юношеский возраст (от 14–15 до 17–18 лет) [8].

Следует охарактеризовать психологические особенности каждой из перечисленных возрастных групп, которые являются существенными при производстве допроса. Нельзя не отметить тот факт, что многие особенности обусловлены полом, типологическими свойствами, его отношением к социальным аномалиям, в том числе к алкоголизму, наркомании и преступности. Важную роль играет само общество, где развивалось и воспитывалось лицо.

Первая группа включает в себя младенцев с момента рождения до одного года. В силу объективных причин подробное рассмотрение данной категории не имеет дальнейшего значения ввиду её незначимости.

Следственной практике известны весьма редкие случаи допроса детей второй возрастной группы (от 1 года до 3 лет). Допросы таких детей, целесообразно заменить игрой, беседой или опросом, так как для них характерна наблюдательность, присуща детализация.

Допрос несовершеннолетних третьей группы, представляющих дошкольный возраст (от 3 до 7 лет) составляет особую сложность. Следует учитывать, что эти дети при восприятии действительности не могут выстроить причинно-следственную связь сложного события. Они запоминают фрагментами. При воспроизведении события, свидетелями которого они являлись, дети настоящей группы более подробно описывают второстепенные его стороны. Ситуация усложняется и тем, что им свойственна внушаемость и склонность к фантазированию. Таким образом, следователю может поступать противоречивая информация, что затрудняет ход расследования и выявления правдивых событий.

При допросе детей четвертой возрастной группы, младшего школьного возраста (от 7 до 11 лет) отмечается развитие навыков сознательного восприятия действительности, построения логических суждений, формируется понимание причинно-следственной связи, а также зарождается практический опыт общественного общения и морального поведения.

У детей пятой возрастной группы подростковой (с 11 до 15 лет). Подросткам присуще импульсивность, быстрая и резкая смена настроения, в какой-то мере неуравновешенность. Эти качества могут стать «камнем преткновения» в общении со следователем. В данном возрасте ребенок сам способен определять свое окружение, выражая при этом стремление к общению с людьми. Неблагоприятное окружение может значительно повлиять на формирование искаженных представлений о таких философских понятиях, как дружба, смелость, любовь, товарищество. Важно, что именно в этот период у ребенка появляется самостоятельность в работе, появляется «чувство взрослости». Все эти качества способствуют запечатлению и воспроизведению информации.

При допросе несовершеннолетних шестой возрастной группы (15–18 лет) применимы психические закономерности взрослого человека, однако у некоторых юношей и девушек этого возраста можно заметить появление некорректных нравственных оценок наряду с повышенным стремлением к независимости.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие основные выводы. Успех расследования того или иного уголовного дела во многом зависит от проведенного допроса подозреваемого, обвиняемого [1]. Вместе с тем проведение данного следственного действия усложняется, если в качестве допрашиваемого лица, владеющего значимой для дела информацией, выступает несовершеннолетний [1] [2]. Именно процессуальные и тактические приемы, включающие в себя психологические и этические основы производства допроса, раскрывают суть производства допроса несовершеннолетних [3]. Особенности детской психологии являются основой формирования требований, предъявляемых к тактике допроса. В каждом случае при определении тактики допроса учитываются возраст, пол и уровень развития ребенка [8]. Во многом на выбор следователем тактики допроса влияют такие показатели, как его предмет, цель и задача [5]. Но важную роль играют процессуальное положение допрашиваемого, его характеристика и модель поведения.

Особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей обусловлены своеобразием их возрастной психики и характером восприятия ими происходящих событий, особенностями формирования показаний в целом. Для несовершеннолетних лиц характерны недостаточный уровень знаний, отсутствие жизненного опыта, профессиональных знаний, неспособ-

ность правильно оценить ситуацию, поступки (своих и других лиц), склонность к внушению и фантазированию [4]. Обладая определенными знаниями, умениями в отношении процесса формирования показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, следователь будет проводить качественный допрос с получением полной, достоверной информации по делу, а также может рассчитывать на успешное расследование преступления в целом [6].

Для проведения допроса и получения правдивых показаний следователю необходимо изучить несовершенно-

летнего, обратив внимание на сведения о наличии у него знаний и умений в сфере технологий, а также установить, совершено ли преступление группой лиц или при вовлеченности несовершеннолетнего [7]. После допроса следователь должен проанализировать полученную информацию, установить факт заученности фраз, наличие несвойственных возрасту слов, если они были. Для этого можно обратиться к психологу. Правильно организованный допрос и грамотное проведение его способствуют получению правдивых показаний и раскрытию преступления [7] [8].

Литература:

1. Вильская Н. В. Об особенностях понятия и целях допроса как следственного действия // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 2. С. 113.
2. Кругликов А. П. Уголовный процесс: учебник. М., 2022. С. 408.
3. Мураев П. П., Фантров П. П., Внуков В. И. Криминалистика: учебно-методическое пособие. Волгоград, 2021. С. 283.
4. Харченко Д. А. Психологические особенности формирования показаний несовершеннолетних // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2023. № 3. С. 304.
5. Макаренко И. А. Система тактических приемов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа. 1998. С. 44.
6. Матамаров А. Н. Особенности подготовки к допросу несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 143.
7. Тузова А. А. Феномен психологической достоверности показаний несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1 (113). С. 181.
8. Жуковская М. В. Свидетельские показания несовершеннолетних как средство доказывания // Студенческий сборник научных статей по итогам проведения месяца науки, посвященном 10-тилетию воссоединения Крыма с Российской Федерацией: сб. науч. статей. Симферополь, 2024. С. 187.

Проблемы предварительного расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних

Хабарова Алина Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Завьялов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Введение

Предварительное расследование — одно из ключевых категорий в досудебном уголовном процессе, так как, в ходе него, собираются доказательства, подтверждающие или опровергающие виновность лица в совершенном преступлении, устанавливаются обстоятельства его совершения, решается вопрос о возмещении потерпевшему причиненного преступлением ущерба. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) данному вопросу посвящен отдельный раздел (VIII). В предварительном расследовании участвуют: представители стороны обвинения, защиты и иные участники уголовного процесса, в некоторых случаях в нем задействован суд [1] Предварительно расследование начинается с возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 156 УПК РФ).

Цель статьи — всесторонне охарактеризовать особенности, определяющие специфику предварительного расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Рассмотрены актуальные теоретические и практические вопросы производства предварительного расследования по уголовным делам в отношении несовершеннолетних с учетом последних изменений в уголовно-процессуальном законодательстве.

Процессуальные особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц

Процессуальные особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц, на протяжении длительного времени находятся в центре внимания, как у научного сообщества, так и практиков во всем мире. Это обусловлено тем, что вопросы предварительного расследования и судебного рассмотрения

уголовных дел данной категории отличаются повышенной сложностью, связанной с возрастными и психическими особенностями несовершеннолетних участников процесса.

Несмотря на то, что российское уголовно-процессуальное законодательство и сложившаяся правоприменительная практика в отношении несовершеннолетних основываются на общепризнанных принципах и нормах международного права, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по-прежнему не включает в себя полный комплекс положений международных стандартов, регулирующих производство по делам данной категории.

Проблемы предварительного расследования несовершеннолетних

В рассматриваемой сфере сохраняется значительное количество нерешенных и дискуссионных вопросов. К их числу относятся: проблемы специализации судей и следователей, обеспечения прав несовершеннолетнего подсудимого при рассмотрении дела судом первой инстанции, а также гарантирование соблюдения прав несовершеннолетнего осужденного в рамках апелляционного производства. Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство до настоящего времени не содержит определения таких категорий, как несовершеннолетний обвиняемый, подозреваемый и подсудимый. Не получил четкого закрепления процессуальный статус психолога и педагога, участие которых является обязательным при проведении допроса несовершеннолетнего. Также недостаточно урегулирована деятельность органов предварительного расследования и суда, направленная на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними.

Особую актуальность исследуемой проблематике придают последние изменения уголовно-процессуального законодательства, в том числе внедрение автоматизированной информационной системы распределения уголовных дел между судьями, а также расширение института суда присяжных посредством его введения в районных судах.

Нормы УПК РФ, регулирующие особенности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, расположены в различных разделах законодательства и не образуют единой систематизированной структуры. Подобный подход осложняет процесс изучения и правильного понимания требований, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве.

Проблемы при осуществлении следственных действий

Проведенный комплексный анализ законодательства и правоприменительной практики позволил выявить и обобщить ряд проблем, возникающих при осуществлении следственных действий с участием несовершен-

нолетних.

1. Отсутствие нормативного регулирования порядка проведения процессуальных действий с участием несовершеннолетних на стадии возбуждения уголовного дела.

Как показывает анализ правоприменительной практики, наиболее распространенным процессуальным действием на этапе проверки сообщения о преступлении является получение объяснения путем проведения опроса. Согласно результатам опроса сотрудников следственных подразделений, данное действие осуществляется в 100 % случаев. Несмотря на признание опроса процессуальным действием, УПК РФ фактически не содержит норм, регламентирующих порядок его проведения. Следовательно, процедура опроса несовершеннолетнего законодательством не определена, что предоставляет следователю, дознавателю и иным уполномоченным лицам возможность использовать различные методы и приемы, не имеющие процессуального характера.

В результате подобной правовой неопределенности отдельные действия следователя или дознавателя могут негативно отразиться на правах и законных интересах несовершеннолетнего лица, в отношении которого возникло подозрение в совершении преступления.

Следует отметить и то обстоятельство, что продолжительность опроса несовершеннолетнего, в отличие от допроса, непосредственно УПК РФ не регулируется. Изучение материалов уголовных дел показало, что сотрудники органов внутренних дел при получении объяснений от несовершеннолетних стремятся соблюдать требования, установленные для производства несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля.

В целом такая практика свидетельствует о применении аналогии права в сфере уголовного судопроизводства. Хотя данный подход сам по себе не противоречит требованиям УПК РФ, его использование может повлечь необоснованное ограничение либо нарушение законных прав и свобод участников уголовного судопроизводства [2].

2. Проблемы, связанные с приемом заявления о преступлении от несовершеннолетнего.

Одним из основных поводов для возбуждения уголовного дела является заявление о преступлении. Вместе с тем возраст заявителя, в действующем законодательстве отсутствуют нормы, устанавливающие возрастные ограничения либо специальные требования в отношении лица, подающего заявление о преступлении. Следовательно, несовершеннолетний обладает правом самостоятельно обратиться с соответствующим заявлением в правоохранительные органы.

Однако анализ правоприменительной практики показывает, что сотрудники следственных подразделений зачастую принимают заявления от несовершеннолетних исключительно в присутствии их законных представителей либо вовсе взаимодействуют только с родителями, исключая непосредственное участие самого несовершенно-

летнего. В результате формируется ситуация, при которой несовершеннолетнее лицо не обращается в органы внутренних дел самостоятельно, а вынуждено подавать заявление лишь при сопровождении родителей. Подобный подход может негативно сказаться на оперативности раскрытия преступления, поскольку утрачивается возможность своевременного реагирования и проведения первоначальных мероприятий по «горячим следам».

Указанная практика во многом обусловлена тем, что заявитель подлежит предупреждению об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, предусмотренной статьей 306 УК РФ. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть вопрос о снижении возраста уголовной ответственности по статье 306 УК РФ до четырнадцати лет. Достигнув указанного возраста, несовершеннолетний, как правило, способен осознавать характер и последствия своих действий при подаче заявления о преступлении, особенно при условии разъяснения следователем возможных правовых последствий. Реализация данного подхода позволила бы несовершеннолетним в полном объеме осуществлять свои права уже на стадии возбуждения уголовного дела.

В соответствии с частью 1 статьи 156 УПК РФ предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела. Для этого следователь, дознаватель либо орган дознания выносит соответствующее постановление. Одновременно данным постановлением уголовное дело принимается к производству конкретного должностного лица. Только после принятия уголовного дела к своему производству следователь или дознаватель приобретает полномочия по осуществлению предварительного расследования.

Результаты анализа материалов правоприменительной практики и опроса сотрудников органов внутренних дел свидетельствуют о наличии нарушений требований УПК РФ при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних. Согласно проведенному исследованию, наибольшее количество нарушений (около 68 %) связано с производством следственных действий в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, а также с процессуальным обеспечением проведения таких действий [3].

К числу наиболее распространенных проблем, возникающих при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних, относятся следующие.

Во-первых, отсутствие педагога или психолога при проведении допроса, очной ставки, предъявления для опознания и проверки показаний на месте. Законодательством установлено, что участие педагога либо психолога является обязательным в случаях, когда несовершеннолетний не достиг шестнадцатилетнего возраста. После достижения указанного возраста вопрос об их участии решается должностным лицом, осуществляющим соответствующее следственное действие.

Во-вторых, возникают проблемы, связанные с обеспечением участия законного представителя несовершенно-

летнего потерпевшего или свидетеля. Следует учитывать, что законные представители данных участников уголовного процесса фактически обладают широким объемом процессуальных прав и выполняют активную роль в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем УПК РФ не относит их к самостоятельным участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения и не закрепляет за ними отдельный процессуальный статус.

В-третьих, в материалах уголовного дела нередко отсутствуют документы, подтверждающие квалификацию специалистов, привлекаемых к участию в следственных действиях. Это касается в том числе педагогов и психологов, которые приобретают процессуальный статус специалиста в рамках уголовного судопроизводства.

В-четвертых встречаются случаи необоснованного предупреждения несовершеннолетних, не достигших шестнадцатилетнего возраста, об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Изучение материалов уголовных дел свидетельствует о том, что следователи и дознаватели нередко применяют такую практику при проведении следственных действий. Между тем подобные действия противоречат положениям части 2 статьи 191 УПК РФ. В отношении несовершеннолетних потерпевших и свидетелей законодатель предусматривает лишь обязанность разъяснить необходимость сообщения правдивых сведений. Любой иной подход не соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства [4].

В-пятых, существенной проблемой остается формальный подход к составлению протоколов следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Нередко содержание таких протоколов не отражает в полном объеме обстоятельства проведения следственного действия, особенности поведения несовершеннолетнего участника процесса, а также сведения об обеспечении его процессуальных прав и законных интересов.,

В ходе анализа материалов уголовных дел были выявлены многочисленные процессуальные ошибки, обусловленные ненадлежащим оформлением протоколов следственных действий. К наиболее распространенным нарушениям относятся отсутствие подписей несовершеннолетнего участника процесса, неуказание времени начала и окончания следственного действия, а также привлечение в качестве законного представителя лица, не обладающего соответствующими полномочиями. Подобные недостатки способны повлечь признание протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами по уголовному делу. В связи с этим следователю необходимо неукоснительно соблюдать требования статей 166, 167 и 190 УПК РФ [2].

Отдельного внимания заслуживает проблема невынесения следователем представлений об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений несовершеннолетними. В соответствии с пунктом 27 статьи 5 УПК РФ представление представляет собой

акт реагирования прокурора на судебное решение, вносимый в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством. Вместе с тем часть 2 статьи 158 УПК РФ предусматривает, что при выявлении в ходе досудебного производства обстоятельств, способствовавших совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа либо следователь вправе внести в соответствующую организацию или должностному лицу представление о принятии мер по устранению выявленных обстоятельств либо иных нарушений закона. Такое представление подлежит обязательному рассмотрению, а сведения о принятых мерах должны быть направлены не позднее одного месяца со дня его вынесения.

Представляется, что данная законодательная конструкция нуждается в дополнительном уточнении. Закрепленное в УПК РФ право следователя или дознавателя на внесение представления фактически следует рассматривать как обязанность в случаях расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Это обусловлено необходимостью установления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровня его психического развития, характера влияния старших по возрасту лиц, а также иных обстоятельств, подлежащих выяснению в соответствии со статьей 421 УПК РФ. При выявлении факторов, способствовавших совершению преступления, следователь или дознаватель должны не только вынести соответствующее представление, но и обеспечить контроль за его исполнением.

Еще одной актуальной проблемой является назначение следователем или дознавателем ненадлежащего лица в качестве законного представителя несовершеннолетнего. Согласно пункту 12 статьи 5 УПК РФ к законным представителям относятся родители, усыновители, опекуны, попечители, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, а также органы опеки и попечительства [3]. Следовательно, привлечение иных лиц в качестве законных представителей противоречит требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования предварительного расследования по уголовным делам в отношении несовершеннолетних обусловлена их возрастными и психофизиологическими особенностями. В этой связи представляется целесообразным внесение ряда изменений в действующее законодательство.

Во-первых, статью 30 УПК РФ следует дополнить частью 1.1 следующего содержания: «Рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних осуществляется судебным составом из числа опытных судей, прошедших специальную подготовку». Такая мера позволит обеспечить более качественное рассмотрение дел данной категории с учетом особенностей личности несовершеннолетнего.

Во-вторых, в главе 50 УПК РФ целесообразно предусмотреть отдельную статью 420.1 «Конфиденциальность

по уголовным делам несовершеннолетних», закрепив положение о том, что при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего следователь, дознаватель, прокурор и суд обязаны соблюдать требования конфиденциальности. Данная норма будет способствовать дополнительной защите прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

В-третьих, в статью 421 УПК РФ предлагается включить часть 4.1 следующего содержания: «Следователь, дознаватель, суд при производстве по уголовному делу обязаны установить условия, способствовавшие совершению преступления несовершеннолетним, и уведомить компетентный орган о необходимости принятия соответствующих мер». Закрепление такой обязанности позволит усилить профилактическую функцию уголовного судопроизводства.

В-четвертых, учитывая правовую позицию Верховного Суда РФ, согласно которой законный представитель несовершеннолетнего при наличии его согласия вправе давать показания, а суд обязан вынести соответствующее постановление (определение), разъяснить ему права, предусмотренные частью 4 статьи 56 УПК РФ, и предупредить об уголовной ответственности исключительно за дачу заведомо ложных показаний, представляется необходимым дополнить статью 428 УПК РФ частью 2.1.1 следующего содержания: «При согласии законного представителя давать показания ему разъясняются права, предусмотренные частью 4 статьи 56 УПК РФ, а также он предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний».

Обеспечение законности, обоснованности и справедливости судебных решений по уголовным делам в отношении несовершеннолетних во многом определяется эффективностью организации предварительного расследования, строгим соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства и совершенствованием правовых механизмов защиты прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних представляет собой особую сферу уголовного судопроизводства, требующую повышенного внимания со стороны законодателя и правоприменителя. [1] Специфика данной категории дел обусловлена возрастными, психологическими и социальными особенностями несовершеннолетних, что определяет необходимость создания дополнительных процессуальных гарантий, направленных на защиту их прав и законных интересов. [2]

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики показал наличие ряда проблем, связанных с проведением

процессуальных и следственных действий с участием несовершеннолетних. [2] [3] К числу наиболее значимых относятся отсутствие детального правового регулирования отдельных процедур на стадии возбуждения уголовного дела, недостаточная регламентация участия педагогов и психологов, нарушения при оформлении процессуальных документов, проблемы определения и участия законных представителей, а также недостаточная реализация профилактической функции уголовного судопроизводства посредством выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений несовершеннолетними. [4]

Выявленные недостатки свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования положений

УПК РФ в части, касающейся производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Особое значение имеют вопросы специализации судей, обеспечения конфиденциальности уголовного судопроизводства, расширения процессуальных гарантий несовершеннолетних участников процесса и совершенствования механизмов предупреждения подростковой преступности. [3]

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность предварительного расследования и судебного разбирательства по данной категории уголовных дел, обеспечить более полную защиту прав несовершеннолетних, а также будет способствовать достижению целей уголовного судопроизводства, связанных с вынесением законных, обоснованных и справедливых решений. [3] [4].

Литература:

1. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2013. 1016 с.
2. Кухарчик А. И. Особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XIX межвузовской студенческой научно-практической конференции (с международным участием). — Красноярск, 2022. Издательство: Красноярский государственный аграрный университет. — С. 181–183;
3. Сажаев А. М. Организационные основы работы следователей СК РФ, расследующих преступления, связанных с несовершеннолетними // Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае» от 17–18 ноября 2022 г. — Барнаул, 2022. — С. 98–101;
4. Сидорова Е. И., Горбунова Ю. Г. Уголовно-процессуальные нарушения при расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. — 2022. — № 1. — С. 156–161.

Следственные действия как основной способ процессуального собирания доказательств

Хахук Тимур Заурович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуются следственные действия как основной способ процессуального собирания доказательств в российском уголовном судопроизводстве. Анализируются их понятие, признаки, функциональная направленность и место в системе средств доказывания. Особое внимание уделяется проблемам соотношения следственных действий с иными формами получения информации, вопросам допустимости и достоверности доказательств, а также балансу между эффективностью расследования и обеспечением прав и свобод личности. Рассматриваются актуальные вызовы, связанные с цифровизацией следственного процесса, использованием электронных носителей информации и особенностями производства следственных действий с участием несовершеннолетних и иных уязвимых лиц. На основе теоретического анализа и обобщения практики формулируются выводы о необходимости дальнейшего совершенствования уголовнопроцессуального регулирования и криминалистического обеспечения следственных действий.

Ключевые слова: следственные действия, доказательства, собирание доказательств, уголовный процесс, предварительное расследование, допустимость доказательств, процессуальная форма, цифровизация, права личности, криминалистическая тактика.

Следственные действия в современной уголовно-процессуальной науке справедливо признаются основным способом процессуального собирания доказательств, поскольку именно они обеспечивают переход от первоначальных, зачастую фрагментарных сведений о со-

бытии к целостной системе доказательственной информации по делу. [1] При этом значение следственных действий состоит не только в формировании доказательств, но и в создании процессуальных гарантий их допустимости и проверяемости. Для практики это означает, что

качество и результативность предварительного расследования в решающей степени зависят от того, насколько грамотно следователь планирует, проводит и фиксирует следственные действия, а также соблюдает при этом баланс между задачами установления истины и необходимостью охраны конституционных прав участников процесса. Именно поэтому следственные действия следует оценивать не только как технический инструмент расследования, но и как центральный механизм реализации принципов уголовного судопроизводства. Уже на уровне возбуждения уголовного дела и первых неотложных действий закладывается основа всей последующей работы с доказательствами, и если здесь допущены процессуальные нарушения, их последствия нередко невозможно компенсировать даже на стадии судебного разбирательства.

Содержательная специфика следственных действий проявляется в их функциональной направленности: каждое из них выполняет определённую познавательную задачу и одновременно выступает гарантийным механизмом, позволяющим проверить условия получения информации. Например, допрос свидетеля решает задачу получения вербальной информации, но вместе с этим создаёт возможность последующей оценки условий её формирования: обстановки восприятия, отношений допрашиваемого к участникам процесса, возможных мотивов исказить факты. Отсюда следует, что ценность следственного действия определяется не только объёмом полученных сведений, но и тем, насколько процессуальная форма обеспечивает их достоверность и последующую проверяемость. Аналогичным образом обыск направлен на выявление и изъятие предметов и документов, имеющих значение для дела, но одновременно фиксирует, где именно, при каких условиях и в каком виде обнаружены соответствующие объекты, что имеет значение для их последующей экспертизы и оценки судом. [2] В этом смысле институт следственных действий «вшивает» в саму процедуру элементы самоконтроля и проверяемости.

Понятие следственных действий до сих пор остаётся дискуссионным, что отражает сложность самого явления. Одно из устойчивых противоречий связано с вопросом: рассматривать ли следственные действия преимущественно как познавательные акты или прежде всего как юридически значимые формы. [3] Если исходить только из гносеологического содержания, то следственное действие может быть описано как относительно свободный акт исследования обстоятельств дела; однако в таком случае теряется его правовая специфика, связанная с процессуальной формой и принудительными элементами. Если же, напротив, видеть в них лишь формально урегулированную процедуру, то теряется их основное предназначение — получение новых, значимых для дела сведений. Если же акцентировать лишь формальную сторону, то следственное действие превращается в набор предписаний, отрывающихся от реальной логики расследования. Наиболее убедительным представляется синте-

тический подход, при котором следственное действие понимается как предусмотренное уголовнопроцессуальным законом познавательно-удостоверительное действие уполномоченного лица, направленное на получение, проверку и закрепление сведений, относящихся к предмету доказывания. [4]

Важной исследовательской задачей является анализ признаков, позволяющих отграничить следственные действия от иных процессуальных и непроцессуальных форм работы с информацией. К числу таких признаков обычно относят: наличие прямого нормативного закрепления; целевую направленность на формирование доказательственной базы; осуществление строго определённым субъектом; наличие протокольной и, при необходимости, дополнительной фиксации хода и результатов; потенциальную возможность применения мер государственного принуждения. [5] Именно совокупность этих признаков позволяет отличить следственное действие от любого иного способа получения сведений и обеспечить их последующее использование в доказывании. На практике это отграничение имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

Так, если сотрудник правоохранительных органов фактически проводит «допрос» лица вне рамок установленной процедуры, то полученные объяснения могут быть использованы лишь в ориентирующих целях и должны быть «переведены» в форму следственного действия, иначе суд с большой вероятностью не признает их доказательством.

Дополнительный объём проблематики возникает при рассмотрении соотношения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. [6] Последние, как правило, предшествуют возбуждению дела либо проводятся параллельно с расследованием, формируя информационную основу для выбора тактики следственных действий. Например, результаты оперативного наблюдения за подозреваемым позволяют планировать момент и место его задержания, а также круг объектов, подлежащих обыску. Однако оперативные материалы, будучи сами по себе продуктом иной правовой сферы, не обладают автоматическим доказательственным статусом и требуют последующей процессуальной «легализации». Нередко именно на стыке оперативной и следственной деятельности возникают конфликты: защита указывает на то, что полученная информация фактически использована в обвинении без надлежащего оформления, тогда как следствие настаивает на том, что все ключевые факты были впоследствии подтверждены через предусмотренные УПК РФ процедуры.

Рассматривая следственные действия как основной способ собирания доказательств, нельзя обойти вниманием проблему системности и согласованности их правового регулирования. Нормы УПК РФ, посвящённые отдельным видам следственных действий, содержат достаточно подробные требования к каждой процедуре, но при этом в кодексе фактически отсутствует целостная «общая теория» следственных действий в виде специального раздела с едиными принципами, общими правилами и га-

рантиями. [7] На наш взгляд, именно здесь и находится одна из главных проблем института: регулирование есть, но оно не образует единой логической системы. В результате значительная часть единообразия обеспечивается за счёт научной доктрины, практики высших судебных инстанций и ведомственных актов, что объективно повышает зависимость реального применения права в качестве научной разработки и уровня методической подготовки кадров. С одной стороны, это создаёт пространство для творческого развития института, с другой — порождает определённую фрагментарность и неоднородность практики в разных регионах и ведомствах. Следовательно, совершенствование законодательства должно быть направлено не на простое расширение перечня следственных действий, а на выработку общих правил их проведения и оценки результатов.

Отдельного внимания заслуживает проблематика соразмерности вмешательства в права личности при производстве следственных действий. Наиболее ярко она проявляется в ситуациях, когда требуется вторжение в жилище, изъятие личных вещей и электронных устройств, доступ к переписке, сведениям о соединениях и перемещениях лица. [8] В одном из типичных примеров следователь, расследующий экономическое преступление, ходатайствует о проведении обыска по нескольким адресам, включая жильё родственников подозреваемого, мотивируя это возможным сокрытием документов. Суд удовлетворяет ходатайство в полном объёме, однако в последующем защита ставит вопрос о соразмерности вмешательства, указывая на отсутствие конкретных сведений о связи части адресов с инкриминируемым деянием. Подобные ситуации показывают, что простая ссылка на «интересы расследования» уже недостаточна: необходимы убедительные, адресные аргументы, демонстрирующие, почему без проведения именно такого следственного действия установить обстоятельства дела невозможно.

Существенный пласт вопросов связан с цифровыми технологиями, которые трансформируют не только технику, но и саму логику следственных действий. Записи с камер наблюдения, данные с серверов и облачных хранилищ, информация с мобильных устройств, переписка в мессенджерах — всё это становится обычным объектом изъятия, осмотра, исследования и приобщения к делу. Однако на практике до сих пор не всегда ясно, в каком объёме следователь вправе изымать электронные носители, как обеспечивать их целостность и как фиксировать действия по копированию или расшифровке информации. В условиях отсутствия единых технических стандартов защита нередко заявляет ходатайства о признании таких доказательств недопустимыми, указывая, например, на возможность вмешательства в массив данных между моментом

изъятия и исследованием в суде. Это свидетельствует о том, что институт следственных действий нуждается в более детальной «цифровой» настройке как на законодательном, так и на подзаконном уровне.

Особую сложность представляют следственные действия с участием несовершеннолетних, потерпевших от насильственных и половых преступлений, а также лиц с психическими расстройствами или иными особенностями, влияющими на их способность воспринимать и воспроизводить события. Здесь задача следователя усложняется необходимостью одновременно обеспечить полноту и достоверность показаний и минимизировать психологическую травматизацию. В практике встречаются случаи, когда недостаточно продуманная тактика допроса ребёнка — многократные повторные вызовы, задавание наводящих вопросов, отсутствие поддержки со стороны специалиста-психолога — приводят к искажению воспоминаний и последующим обвинениям в адрес следствия в манипулировании показаниями. Поэтому особое значение приобретают щадящие методики, при которых акцент смещается с количества процессуальных контактов на качество первого, максимально выверенного допроса. В ответ на эти вызовы в научной и ведомственной плоскости разрабатываются концепции щадящего допроса, включающие специальные приёмы общения, использование видеозаписи и ограничение числа контактов ребёнка с системой правосудия.

В заключение можно отметить, что следственные действия как основной способ процессуального собирания доказательств представляют собой сложный, многокомпонентный институт, находящийся в постоянном развитии. С одной стороны, они сохраняют своё традиционное ядро, основанное на классических формах допроса, осмотра, обыска, выемки и экспертиз. С другой — изменяющиеся условия цифровой среды, рост внимания к правам человека, усложнение криминальной практики и усиление судебного контроля побуждают законодателя, науку и практику переосмысливать содержание и границы следственных действий. Для магистерского исследования это создаёт благоприятные условия: есть как устоявшаяся доктринальная база, так и множество нерешённых вопросов, связанных с соотношением эффективности расследования и гарантий прав личности, «цифровым поворотом» в доказывании, оптимизацией тактики и методики проведения конкретных следственных действий. Именно в сочетании теоретического анализа и изучения реальной практики может быть реализована заявленная в аннотации цель комплексного теоретикоприкладного осмысления следственных действий как основного способа собирания доказательств в современном российском уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Уголовнопроцессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 1996 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026).

2. Россинский С. Б. Следственные действия / С. Б. Россинский. — М.: Норма, 2023. — 240 с.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. — М.: Наука, 1968. — 470 с.
4. Шейфер С. А. Оказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. ШЕЙФЕР. — 2-е издание, исправленное и дополненное. — М.: Инфра-М, 2018. — 240 с.
5. Белкин Р. С. Избранные труды / Р. С. Белкин — М.: Инфра-М, 2008. — 768 с.
6. Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России / Ю. К. Якимович — Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. — 80 с.
7. Олефиренко С. П. Следственные действия в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / С. П. Олефиренко — Челябинск: Цицеро 2011. — 98 с.
8. Стельмах В. Ю., Ефремова О. М., Васюков В. Ф. Производство следственных действий, направленных на получение и использование компьютерной информации / В. Ю. Стельмах, О. М. Ефремова, В. Ф. Васюков М.: Проспект, 2023. — 480 с.

Меры правового регулирования малого бизнеса

Чемериченко Анна Сергеевна, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

Малое предпринимательство является одной из наиболее чувствительных сфер национальной экономики. Небольшие организации и индивидуальные предприниматели обеспечивают занятость населения, развивают сферу услуг, формируют конкурентную среду, торговлю, производство, инновационные и социально ориентированные проекты. Однако устойчивость малого бизнеса во многом зависит от того, насколько понятными, стабильными и соразмерными являются требования законодательства о налогах и сборах. Фундаментальные изменения налогового законодательства оказали существенное влияние на развитие указанного института, равно как и расширили проблематику контрольной деятельности.

Ключевые слова: налоговый контроль, специальные режимы налогообложения, привлечение к ответственности, правоприменительная практика, квалификация действий налогоплательщика.

Правовое регулирование налогообложения малого бизнеса имеет неоднозначную природу. С одной стороны, государство заинтересовано в обеспечении полноты поступлений в бюджет, предупреждении уклонения от уплаты налогов, пресечении искусственного дробления бизнеса и недопущении злоупотребления специальными режимами. С другой же стороны, чрезмерная налоговая нагрузка и сложность администрирования способны привести к уходу предпринимателей в неформальный сектор занятости, сокращению деловой активности и снижению инвестиционной инициативы.

Такая двойственность накладывает определенную специфику на формирование государственной политики, направленной на развитие института малого предпринимательства. По своей сути, регулирование малого предпринимательства должно обеспечивать баланс между фискальными интересами государства и необходимостью поддержки законной предпринимательской деятельности.

Немаловажную роль в таком регулировании приобретает профилактика сопутствующих правонарушений. Действующее законодательство устанавливает четкие критерии малого предпринимательства, его организационно-правовых форм и форматов деятельности. Малое предприятие в представлении законодателя является субъектом предпринимательской деятельности, имеющим

ограничения по выручке, численности сотрудников, виду экономической деятельности, участия в уставном капитале третьих лиц.

Цель такого регулирования — выделить во всем многообразии предпринимательской деятельности именно ту группу, которая требует ускоренного развития и соответственно будет являться целью преференций.

Вместе с тем, развитие целевой поддержки, как в виде прямых льгот, грантов, субсидий, так и косвенных в виде особых режимов налогообложения с пониженной налоговой нагрузкой сталкивается с препятствиями в виде предприятий, формально соответствующих критериям малого бизнеса, но в то же время являющихся по своей сути искусственно разделенными структурами одного или нескольких, не подходящих под установленные законодательством критерии, предприятий.

Такие обстоятельства раскрывают проблематику так называемого дробления бизнеса, при котором несколько малых предприятий неформально объединяются в группу, действующую в единых интересах в целях сохранения права на применение льгот, установленных для малых предприятий. Из таких вводных следует, что предприниматель, задавшийся целью получить установленные для него преференции, формирует организационную структуру, формально соответствующую

нескольким малым предприятиям, получая взамен пониженные ставки корпоративного налогообложения и освобождаясь от уплаты НДС.

Такие действия, приобретая масштаб, начинают влиять не только на поступление соответствующих налогов и сборов в бюджет, но и разрушать бизнес-среду за счет замещения действительно малых предприятий, не имеющих в силу ограниченности деятельности тех финансовых и организационных ресурсов, которые содержат более крупные представители бизнес-среды.

Соответственно, дробление бизнеса представляет опасность не только для бюджета государства, но и для развития малого предпринимательства.

Государство понимает указанную проблематику и предпринимает шаги, направленные на устранение и регулирование такой проблематики.

Налоговые и правоохранительные органы, являясь наделенной контрольной функцией уполномоченной структурой, регулируют данную проблематику за счет применения карательных мер, заключающихся в привлечении к ответственности за совершение ряда действий, повлекших создание подобной разветвленной структуры.

Со своей стороны ФНС России письмом от 29.12.2018 № ЕД-4-2/25984 поручила налоговым органам усилить проведение мероприятий налогового контроля в отношении налогоплательщиков, использующих видимость наличия нескольких самостоятельных лиц в целях применения специальных режимов налогообложения, а также постоянной трансформацией используемых налогоплательщиками схем путем включения в них, например, налогоплательщиков, осуществляющих деятельность на основании патента либо зарегистрированных в качестве «самозанятых» и иных способов снижения налоговой нагрузки, рассмотрение деятельности налогоплательщиков, с точки зрения наличия рисков уклонения от налогообложения, необходимо осуществлять в первую очередь исходя из рациональности, соответствия интересам осуществляемой деятельности, а также установления действий, целью которых является непосредственное уклонение от уплаты налогов и сборов.

Перечень признаков дробления бизнеса регулярно дорабатывается с учетом правоприменительной практики и доводится до налогоплательщиков письмами ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@, от 11.10.2017

№ СА-4-7/20486@ и от 30.07.2018 № КЧ-4-7/14643, а также письмом ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации», Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации», за счет чего не является закрытым и может быть дополнен с учетом вступивших в силу решений арбитражных судов.

Вместе с тем, стремление предпринимателей к максимизации прибыли расширяет способы и условия дробления бизнес-структуры, в связи с чем привлечение к ответственности по таким обстоятельствам представляет собой скорее факт способ возмездия, направленный на взыскание фактически не уплаченных налогов и сборов.

В этой связи более интересным и перспективным выглядит внесение изменений в действующее законодательство, представляющее собой применение регуляторной функции государства.

Так, начиная с 2025 года в Налоговый кодекс Российской Федерации были внесены изменения, устанавливающие за малыми предприятиями обязанность исчислять и уплачивать НДС. Возникновение указанной обязанности является отличным примером регулирования бизнес-среды за счет фискальных мер, приводящих в совокупности к снижению предпринимательского интереса к применению подобных схем агрессивного налогового планирования.

Также с 2026 года будут поэтапно снижаться пороги уплаты НДС для малого и среднего бизнеса: с 2026 года — 20 миллионов рублей; с 2027 года — 15 миллионов рублей; с 2028 года — 10 миллионов рублей.

Соответственно, применение подобных регуляторных мер можно только приветствовать. Дальнейшее развитие малого предпринимательства должно опираться на исключение стимулов создания механизма искусственного уменьшения налоговой нагрузки для крупных или взаимозависимых структур.

Государственный контроль за соблюдением условий применения режимов не теряет своей необходимости, но должен трансформироваться в адресную и доказательную работу, направленную на детоксикацию бизнес-среды от искусственно сформированных бизнес-структур.

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ часть первая (электронный ресурс): от 31.07.1998 N 146-ФЗ //Консультант Плюс — режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. Налоговый кодекс РФ часть вторая (электронный ресурс) от 05.08.2000 N 117-ФЗ //Консультант Плюс — режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Письмо ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@//Консультант Плюс — режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
4. Письмо ФНС России от 11.10.2017 № СА-4-7/20486@//Консультант Плюс — режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
5. Письмо ФНС России от 30.07.2018 № КЧ-4-7/14643//Консультант Плюс — режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
6. Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@//Консультант Плюс — режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

Трансформация правового статуса государственных служащих в условиях развития публичного управления

Черных Людмила Владимировна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются современные тенденции трансформации административно-правового статуса государственных служащих в условиях реформирования системы публичного управления. Анализируются влияние цифровизации, концепции сервисного государства и развития публичной власти на содержание служебной деятельности, профессиональные компетенции государственных служащих, а также механизмы контроля и ответственности в системе государственной службы. Особое внимание уделяется проблемам адаптации административного законодательства к современным условиям функционирования государственного аппарата.

Ключевые слова: государственная служба, публичное управление, административно-правовой статус, цифровизация, сервисное государство, государственные служащие, публичная власть.

Transformation of the legal status of civil servants in the context of public administration development

The article examines current trends in the transformation of the administrative and legal status of civil servants in the context of reforming the public administration system. The study analyzes the impact of digitalization, the concept of the service state, and the development of public authority on the content of official activities, professional competencies of civil servants, as well as mechanisms of control and responsibility within the civil service system. Particular attention is paid to the problems of adapting administrative legislation to modern conditions of public administration functioning.

Keywords: civil service, public administration, administrative legal status, digitalization, service state, civil servants, public authority.

Современный этап развития российского государства характеризуется масштабной трансформацией системы публичного управления. Изменения затрагивают не только организацию деятельности органов власти, но и правовое положение государственных служащих как ключевых субъектов реализации публичных функций.

Поправки к Конституции Российской Федерации 2020 года закрепили принцип единой системы публичной власти, что обусловило необходимость переосмысления роли государственной службы в механизме государственного управления. Современная государственная служба постепенно выходит за рамки традиционного административно-бюрократического понимания. Ю. Н. Старилов подчеркивает, что развитие законодательства о государственной службе связано с формированием новой модели публичной власти и обновлением содержания служебных отношений [4, с. 378]. Эти процессы оказывают непосредственное влияние на содержание административно-правового статуса государственных служащих, систему их полномочий, ограничений и профессиональных обязанностей.

Существенное влияние на развитие института государственной службы оказывает цифровая трансформация публичного управления. Внедрение электронного документооборота, государственных цифровых платформ, автоматизированных систем принятия решений и межведомственного взаимодействия приводит к изменению характера служебной деятельности. Как от-

мечают В. Б. Зотов и Л. А. Василенко, современное публичное управление развивается в условиях единства сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов государственного управления [2, с. 42]. В связи с этим государственная служба постепенно приобретает новые функциональные характеристики, ориентированные на оперативность, открытость и эффективность деятельности органов власти.

Одновременно происходит формирование концепции сервисного государства, предполагающей изменение модели взаимодействия между государством и гражданином. В рамках данного подхода деятельность органов власти рассматривается не только как реализация публичных полномочий, но и как предоставление качественных публичных услуг населению. Это обуславливает повышение требований к профессиональным и цифровым компетенциям государственных служащих, а также изменение критериев оценки эффективности их деятельности.

1. Трансформация содержания административно-правового статуса государственных служащих в условиях цифровизации и сервисного государства. Если ранее статус государственного служащего преимущественно связывался с исполнением властных полномочий и административным подчинением, то в настоящее время акцент постепенно смещается в сторону сервисного характера деятельности государства, цифровизации управленческих процессов и повышения эффективности публичного администрирования.

Ю. Н. Старилов отмечает, что изменения законодательства 2020–2022 гг. привели к «расширению понятия государственной службы под воздействием новейшей концепции публичной власти» [4, с. 366]. По мнению автора, современное служебное право уже не ограничивается регулированием исключительно вопросов прохождения службы. Оно охватывает более широкий круг отношений, связанных с функционированием системы публичной власти, обеспечением устойчивости государственного аппарата и защитой профессиональной деятельности государственных служащих.

С. В. Анисимова и Н. В. Пилипчук указывают, что формирование сервисного государства изменяет саму модель взаимодействия органов власти и граждан [1, с. 144]. Государственный служащий становится не столько носителем административного принуждения, сколько участником системы публичного сервиса. Данный подход предполагает развитие следующих навыков:

- коммуникативность;
- клиентоориентированность;
- способность работать в цифровой среде;
- оперативно реагировать на запросы общества.

Трансформация статуса государственных служащих тесно связана с цифровизацией государственного управления. Внедрение цифровых платформ, систем межведомственного взаимодействия и электронного документооборота меняет содержание служебной деятельности. Значительная часть административных процедур переводится в автоматизированный формат, что сокращает объем традиционной бюрократической работы.

Представляется обоснованным тезис, что цифровизация требует формирования новых компетенций государственных служащих. Речь идет о технических навыках, а также о способности:

- принимать решения в условиях цифровой среды;
- использовать аналитические системы;
- обеспечивать защиту информации.

П. Чанкарини, Р. Джанкарло и Дж. Гримаудо отмечают, что успешная модернизация государственного аппарата невозможна без развития цифровых навыков публичных администраторов и внедрения гибких управленческих процессов [5, с. 16].

2. Современные проблемы реализации и обеспечения административно-правового статуса государственных служащих. Одновременно усиливается контроль за деятельностью государственных служащих. Современные информационные технологии позволяют фиксировать практически все действия должностных лиц, включая:

1. Сроки исполнения поручений.
2. Результаты рассмотрения обращений граждан.
3. Эффективность реализации государственных функций.

Это приводит к изменению механизма служебной ответственности. Оценка деятельности служащего постепенно переходит от формального соблюдения долж-

ностных инструкций к анализу конкретных показателей результативности.

В последние годы в системе государственной службы активно внедряются элементы КРП и иные показатели эффективности. Подобный подход свидетельствует о проникновении управленческих механизмов, характерных для корпоративного сектора, в сферу публичного управления. В результате меняется содержание административно-правового статуса служащего: возрастает значение профессиональной эффективности, способности достигать измеримых результатов и адаптироваться к быстро меняющимся условиям государственного управления.

Изменения затронули и систему ограничений, связанных с государственной службой. В законодательстве последних лет усиливается антикоррупционная составляющая статуса государственных служащих. Расширяются обязанности по декларированию доходов, устанавливаются дополнительные ограничения, связанные с:

- иностранным гражданством;
- зарубежными финансовыми инструментами;
- конфликтом интересов.

Ю. Н. Старилов обращает внимание на то, что одним из новых принципов организации государственной службы стала защита профессиональной служебной деятельности государственных служащих от иностранного влияния [4, с. 366]. Данная тенденция демонстрирует усиление публично-правового характера государственной службы и повышение требований к лояльности государственного аппарата.

Трансформация административно-правового статуса проявляется также в изменении подходов к служебной дисциплине. Современная модель государственной службы ориентирована на повышение персональной ответственности должностных лиц. При этом дисциплинарная ответственность все чаще рассматривается как инструмент обеспечения эффективности государственного управления, а не исключительно как средство поддержания внутреннего порядка в государственном аппарате.

Следует отметить, что модернизация государственной службы сопровождается рядом проблем. Одной из них является противоречие между традиционной бюрократической моделью управления и современными требованиями цифрового государства. На практике многие элементы государственной службы сохраняют избыточную формализацию, сложные процедуры согласования и высокий уровень административной нагрузки.

Кроме того, цифровизация государственного управления создает новые правовые риски. Возникают вопросы защиты персональных данных, обеспечения информационной безопасности и определения пределов автоматизации административных решений. П. Чанкарини, Р. Джанкарло и Дж. Гримаудо подчеркивают, что цифровая трансформация публичного управления должна сопровождаться развитием соответствующих правовых механизмов и адаптацией административного законодательства к новым технологическим условиям [5, с. 3].

Трансформация правового статуса государственных служащих является закономерным результатом развития современной системы публичного управления. Реформирование публичной власти, цифровизация государственного аппарата и внедрение сервисной модели государства привели к существенному изменению содержания служебной деятельности и требований, предъявляемых к государственным служащим.

В настоящее время административно-правовой статус государственного служащего включает не только традиционные права, обязанности и ограничения, но и новые элементы, связанные с цифровыми компетенциями, показателями эффективности деятельности, информационной безопасностью и обеспечением открытости пуб-

личного управления. Государственная служба постепенно приобретает более функциональный и сервисно-ориентированный характер. Одновременно усиливается значение механизмов контроля и ответственности государственных служащих. Современные цифровые технологии позволяют обеспечить более высокий уровень прозрачности деятельности органов власти, однако создают и новые правовые риски, связанные с автоматизацией управленческих процессов и защитой информации.

Проведенный анализ показывает, что дальнейшее развитие института государственной службы требует совершенствования административного законодательства с учетом современных условий функционирования публичной власти.

Литература:

1. Анисимова С. В., Пилипчук Н. В. Изменение требований к государственным гражданским служащим в условиях построения сервисного государства // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. № 1. С. 139–147.
2. Зотов В. Б., Василенко Л. А. Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 26–47.
3. Сабирова К. В. Внедрение системы ключевых показателей эффективности в государственных организациях // Вектор научной мысли. 2025. № 12. С. 449–454.
4. Старилов Ю. Н. Служебное право в России: многозначные новеллы законодательства о государственной службе 2020–2022 гг. // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2022. № 4. С. 366–391.
5. Ciancarini, P., Giancarlo, R., Grimaudo, G. Digital transformation in the public administrations: a guided tour for computer scientists // Cornell University. URL: <https://arxiv.org/pdf/2305.05551> (дата обращения: 21.05.2026).

Особенности привлечения государственных гражданских служащих к дисциплинарной и административной ответственности

Черных Людмила Владимировна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются особенности привлечения государственных гражданских служащих к дисциплинарной и административной ответственности. Анализируются основания и порядок применения мер ответственности, проблемы разграничения дисциплинарных проступков и административных правонарушений, а также современные тенденции развития законодательства в сфере государственной службы. Особое внимание уделяется вопросам антикоррупционного регулирования, цифровизации служебного контроля и проблемам правоприменительной практики.

Ключевые слова: государственная служба, дисциплинарная ответственность, административная ответственность, государственные гражданские служащие, служебная дисциплина, антикоррупционные ограничения, служебная проверка.

Peculiarities of bringing state civil servants to disciplinary and administrative responsibility

The article examines the peculiarities of bringing state civil servants to disciplinary and administrative responsibility. The study analyzes the grounds and procedures for applying liability measures, the problems of distinguishing disciplinary misconduct from administrative offenses, as well as current trends in the development of civil service legislation. Particular attention is paid to anti-corruption regulation, digitalization of official control, and issues of law enforcement practice.

Keywords: *civil service, disciplinary responsibility, administrative responsibility, state civil servants, official discipline, anti-corruption restrictions, internal investigation.*

Институт юридической ответственности государственных гражданских служащих занимает особое место в системе государственной службы, поскольку напрямую связан с обеспечением законности, служебной дисциплины и эффективного функционирования государственного аппарата. В современных условиях вопросы привлечения государственных служащих к дисциплинарной и административной ответственности приобретают особую актуальность в связи с усилением антикоррупционной политики государства, развитием цифровых механизмов контроля и расширением перечня служебных обязанностей и ограничений.

Специфика правового статуса государственных гражданских служащих обуславливает существование специальных оснований и процедур привлечения к ответственности. В отличие от иных категорий работников, государственные служащие осуществляют публично-властные функции, что предопределяет повышенные требования к их служебному поведению, соблюдению ограничений и исполнению должностных обязанностей.

Современная практика свидетельствует о постепенном усилении контроля за деятельностью государственных служащих, в том числе посредством цифровых технологий, служебных проверок и антикоррупционных механизмов. В связи с этим особое значение приобретает исследование особенностей дисциплинарной и административной ответственности государственных гражданских служащих, а также существующих проблем разграничения различных видов юридической ответственности в системе государственной службы.

1. Особенности дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих представляет собой самостоятельный институт служебного права, направленный на обеспечение надлежащего исполнения должностных обязанностей и поддержание служебной дисциплины [4, с. 15]. В отличие от трудовых правоотношений, дисциплинарная ответственность в системе государственной службы обладает публично-правовым характером, поскольку связана с реализацией функций государства и обеспечением стабильности государственного аппарата.

М. В. Добробаба отмечает, что дисциплинарная ответственность государственных служащих характеризуется повышенной значимостью требований к служебному поведению должностных лиц и особым порядком применения дисциплинарных взысканий [2, с. 65]. Автор подчеркивает, что эффективность дисциплинарного законодательства напрямую влияет на качество функционирования государственной службы.

Основанием привлечения государственного гражданского служащего к дисциплинарной ответственности вы-

ступает дисциплинарный проступок, под которым понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение служащим возложенных на него должностных обязанностей. При этом специфика государственной службы заключается в расширенном понимании служебной дисциплины. Нарушением могут признаваться не только действия, непосредственно связанные с исполнением должностных обязанностей, но и несоблюдение ограничений, запретов и требований к служебному поведению.

В последние годы значительно возросло количество дисциплинарных дел, связанных с коррупционными правонарушениями. На практике дисциплинарная ответственность все чаще применяется за:

- непредставление сведений о доходах;
- нарушение требований о предотвращении конфликта интересов;
- участие в деятельности иностранных организаций;
- несоблюдение антикоррупционных ограничений.

Особенностью дисциплинарной ответственности государственных служащих является проведение служебной проверки. Данный механизм направлен на установление обстоятельств совершения дисциплинарного проступка, степени вины служащего и характера причиненных последствий. Как отмечает М. В. Добробаба, служебная проверка фактически выполняет функцию внутреннего административного расследования [2, с. 72].

Следует отметить, что дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих обладает рядом проблемных аспектов. Одной из основных проблем является отсутствие четких критериев разграничения дисциплинарного проступка и административного правонарушения. В ряде случаев одинаковые деяния могут влечь одновременно несколько видов юридической ответственности.

Особые дискуссии вызывает применение увольнения в связи с утратой доверия. Данная мера активно используется в отношении государственных служащих, совершивших коррупционные правонарушения. Вместе с тем В. И. Кузнецов, Ю. В. Трунцевский и Л. А. Ломакина отмечают, что механизм применения данной санкции сохраняет высокий уровень оценочности и допускает неоднозначное толкование [3, с. 164]. Также исследователи указывают на недостаточную определенность критериев «утраты доверия», что создает риск субъективного подхода при принятии кадровых решений.

Дополнительной особенностью дисциплинарной ответственности является усиление цифрового контроля за деятельностью государственных служащих. Использование электронного документооборота, цифровых платформ и автоматизированных систем позволяет фиксировать сроки исполнения поручений, служебную переписку и результаты работы должностных лиц. В результате дисципли-

нарное производство становится более формализованным и ориентированным на показатели эффективности.

2. Особенности административной ответственности государственных гражданских служащих. Административная ответственность государственных гражданских служащих применяется за совершение административных правонарушений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. В отличие от дисциплинарной ответственности, административная ответственность носит внешний публично-правовой характер и реализуется уполномоченными государственными органами.

Специфика административной ответственности государственных служащих заключается в том, что их должностное положение нередко выступает квалифицирующим признаком состава административного правонарушения. Значительное количество составов КоАП РФ предусматривает повышенную ответственность именно для должностных лиц.

Наиболее распространенными основаниями привлечения государственных служащих к административной ответственности являются:

1. Нарушение законодательства о противодействии коррупции.
2. Несоблюдение порядка рассмотрения обращений граждан.
3. Нарушение законодательства о контрактной системе.
4. Незаконное ограничение прав граждан.
5. Нарушения в сфере предоставления государственных услуг.

И. Ю. Шаговик уделяет особое внимание проблеме соотношения дисциплинарной и административной ответственности государственных служащих. Он отмечает, что в ряде случаев одно и то же деяние одновременно нарушает как служебную дисциплину, так и нормы административного законодательства [5, с. 72].

Проблема двойной ответственности особенно актуальна применительно к коррупционным правонарушениям. Например, нарушение антикоррупционных обязанностей может одновременно повлечь:

- дисциплинарное взыскание;
- увольнение в связи с утратой доверия;
- административный штраф.

В подобных ситуациях возникает вопрос о соблюдении принципа справедливости юридической ответственности и недопустимости чрезмерного государственного принуждения.

М. В. Добробаба обращает внимание на необходимость совершенствования механизма привлечения государственных служащих к юридической ответственности,

поскольку существующее регулирование содержит значительное количество оценочных категорий и пробелов [2, с. 75]. Особенно это касается коррупционных правонарушений и вопросов разграничения различных видов ответственности.

Современная практика показывает тенденцию к усилению ответственности государственных служащих. Законодатель последовательно расширяет перечень антикоррупционных обязанностей, усиливает контроль за имущественным положением должностных лиц и вводит дополнительные ограничения, связанные с иностранным влиянием и финансовыми активами.

Одновременно возрастает значение судебного контроля при рассмотрении споров, связанных с привлечением государственных служащих к ответственности. Суды все чаще исследуют вопросы соразмерности дисциплинарных взысканий, соблюдения процедуры служебной проверки и достаточности доказательственной базы. Это способствует постепенному формированию более устойчивой практики применения законодательства о государственной службе и юридической ответственности государственных гражданских служащих.

Дисциплинарная и административная ответственность государственных гражданских служащих выступают важнейшими средствами обеспечения законности и стабильности системы государственной службы. При этом специфика правового статуса государственных служащих обуславливает существование специальных оснований, процедур и мер ответственности, отличающих их от иных субъектов трудовых и административных правоотношений.

Современное развитие законодательства свидетельствует о тенденции к усилению контроля за служебной деятельностью должностных лиц, прежде всего в сфере противодействия коррупции и соблюдения антикоррупционных ограничений. Одновременно возрастает роль цифровых технологий в механизме выявления дисциплинарных проступков и административных правонарушений, что делает систему служебного контроля более формализованной и ориентированной на показатели эффективности.

Вместе с тем сохраняются проблемы разграничения дисциплинарной и административной ответственности, неопределенность отдельных оценочных категорий и риск чрезмерного применения мер государственного принуждения. В современных условиях совершенствование института юридической ответственности государственных гражданских служащих должно быть направлено не только на усиление контроля, но и на обеспечение правовой определенности, соразмерности ответственности и единообразия правоприменительной практики.

Литература:

1. Добробаба М. Б. Методологические подходы к изучению эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 4. С. 133–146.

2. Добробаба М. Б. Служебное законодательство, регулирующее отношения дисциплинарной ответственности в системе государственной службы: проблема эффективности // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 2. С. 65–77.
3. Кузнецов В. И., Трунцевский Ю. В., Ломакина Л. А. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 159–169.
4. Писаренко Е. С. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. С. 17–19.
5. Шаговик И. Ю. Соотношение дисциплинарной и административной ответственности государственных гражданских служащих // Eromen.Global. 2025. № 60. С. 71–75.

История взаимоотношений российского государства и адвокатуры в контексте принципа независимости

Чернышев Кирилл Васильевич, студент;

Любенко Алексей Русланович, студент;

Казакалиев Марсель Таалайбекович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Авторы анализируют историческое развитие принципа независимости адвокатуры, а также рассматривают вопросы взаимоотношений российского государства и адвокатуры.

Ключевые слова: адвокатура, представитель, адвокат, независимость адвоката, защита, стряпчий.

Современная адвокатура является эффективным механизмом обеспечения прав человека, гражданина и юридических лиц. Процессуальное законодательство достаточно полноценно устанавливает гарантии обеспечения права на защиту, подробно обозначает функции, права и обязанности представителей и защитников, в роли которых выступают адвокаты.

Однако исторически обусловленной является проблема взаимоотношения между государством и адвокатурой. Законодатель в целях обеспечения законности, а также удовлетворения потребностей населения и организаций в сфере юридических услуг легитимизирует адвокатскую деятельность (присяжные поверенные, правозащитники), однако впоследствии, защищая интересы граждан, особенно в уголовном процессе, адвокаты вынуждены противостоять публичному обвинению, то есть государству. Исторически такое противостояние нередко выливалось в оказание давления на адвокатов, государственная власть предпринимала попытки поставить адвокатское сословие под свой контроль. Адвокатов обвиняли в жадности, паразитизме, а затем в классовой чуждости. Представители адвокатского же сословия часто становились в оппозицию государственному режиму, как Александр Федорович Керенский и Владимир Ильич Ленин.

Формальное закрепление возможности представлять перед судом интересы чужого лица было произведено в Новгородской и Псковской грамотах. С дальнейшей централизацией государства, усложнился и институт представительства, но до независимости и справедливости было далеко. Судебники по таким категориям дел как душегубство (убийство), разбой, татьба с поличным вводили розыскную (инквизиционную) форму процесса,

когда следствие, поиск доказательств, определение подозреваемых осуществляли государственные органы, а не частное лицо. Основными средствами такого процесса являлись обыск, пытка, поличное; отличалась и процессуальная форма такого процесса — следствие начиналось с вызова подозреваемых через «завывные» грамоты, а не с челобитной. При этом представительство в таком процессе не предусматривалось, что в корне отличает его от современной адвокатуры, так на стадии предварительного следствия участие защитника (адвоката) является обязательным условием.

К концу 17 века окончательно оформился институт судебного представительства, который имел подвиды: естественное, когда представитель и доверитель находились в родственных отношениях, и наемное, в случаях, когда человек не мог по причине болезни, старости или особого статуса (священнослужителя) выступать перед судом и прибегал к помощи посторонних лиц. Образование этого института связано с неизбежным развитием государства и его судебной функции, бюрократизацией государственного аппарата, развитием торгового оборота, а соответственно и увеличением числа споров. При этом, судебное представительство применяется достаточно ограниченно и не распространяется на период следствия, профессионального сообщества лиц, которые бы за плату представляли интересы физических и юридических лиц не существует. Также не закреплены требования, которым должны соответствовать представители.

Важно отметить, что развитие судебного представительства, а соответственно и адвокатуры сдерживалось распространением инквизиционного, тайного, письменного процесса, равенства сторон процесса не предусматривалось.

В 1697 г. был издан именной Указ «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», который, по существу, завершил ликвидацию состязательного процесса, заменив его розыскным, в котором роль представителей (поверенных) отсутствовала. Ошибка была осознана и в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» состязательный процесс вновь применяется по гражданским делам, а также по части уголовных дел. Примечательно, что впервые в российском законодательстве в данном акте встречается термин адвокат.

В течение 18–19 веков практика привлечения представителей для участия в судебном процессе набирала популярность. Законодатель постепенно пытался подчинить деятельность стряпчих (так их стали называть к данному периоду). С 1809 года стряпчие Москвы и Санкт-Петербурга должны были регистрироваться в Конторе адресов, запись в книге выступала одобрителем свидетельством их деятельности.

Стряпчих обвиняли в «ябедничестве», исследователи отмечают, что среди правительственных лиц было распространено убеждение, что одна из причин бедственного положения судопроизводства заключается в безнравственных лицах, которые имеют хождение по судам. Формирование особого сословия, состоящего из профессиональных юристов, прошедших процедуру отбора, и подробное закрепление правового статуса, то есть создание адвокатуры позволило бы решить проблему судебной волокиты и злоупотребления правом, обеспечило бы защиту прав человека, способствовало бы повышению правовой культуры.

Однако представители государственной власти в России негативно относились к идее об установлении адвокатского сословия. Государственная власть сопротивлялась появлению адвокатуры как явления, несмотря на то, что в обществе среди интеллигенции идея адвокатуры была популярна, А. С. Пушкин, отмечал, что фигура адвоката позволит полноценно реализовывать права человека и защищать невиновных.

Скачок развития произошел в 1832 году с появлением коммерческих судов и торгового процесса. В таких судах, действовавших в Одессе, Москве и Санкт-Петербурге, вводился состязательный процесс, регламентировался институт присяжных стряпчих. Последние должны были проходить отбор, приносить присягу, суд и прокурор контролировал деятельность стряпчих. Они выполняли функции представительства и правозаступничества.

Принятие Судебных уставов в 1864 году означало признание процессуальному законодательству устной, непосредственной, гласной и состязательной формы. Такой процесс был невозможен без учреждения адвокатуры.

Русская адвокатура — институт присяжных поверенных, основывался на опыте австрийских и немецких адвокатов, совмещающих судебное представительство и правозаступничество, в организационной форме был

взят опыт Франции, где адвокаты обладали независимостью и самоуправлением.

Постепенно нарастали противоречия между государственной властью и адвокатурой. С середины 70-х годов на институт присяжных поверенных начало оказываться давление — принимались указы, ограничивающие судоговорение, запрещалось создавать советы присяжных заседателей, в публицистической литературе распространялась критика поверенных.

С ограничением состязательности процесса, наступлением на независимость суда адвокатура приходила в бедственное положение. С 1889 года евреи могли стать присяжными поверенными только с согласия министра юстиции.

Систематически ограничивались процессуальные права защитников — им запрещали заявлять ходатайства, ограничивали судоговорение, не допускали к судебному заседанию. С началом 20 века государство перешло к внесудебному давлению на адвокатов: массовые аресты, обыски, высылки и закрытие советов присяжных поверенных.

Объективная действительность: развитие капиталистических отношений, усложнение законодательства, повышение уровня образования и культуры населения — вынудило государство учредить адвокатуру. Однако в состязательных открытых судебных процессах авторитарная государственная власть не могла выдержать конкуренции с независимыми присяжными поверенными. Дискриминационная политика по религиозному и половому признаку отражалась и на адвокатском сословии. С усилением классовой борьбы и политических противоречий государство начало ограничивать и адвокатуру.

Отношение большевиков, пришедших к власти в результате Октябрьской революции, к присяжным поверенным было негативным. В. И. Ленин так описывал адвокатов: «эта интеллигентская сволочь часто паскудничает». Декретом «О суде» № 1 упразднился процессуальный институт участия присяжных поверенных в качестве защитников и представителей — вводилось общественное представительство, когда каждый гражданин мог выступать защитником и обвинителем

Однако данное решение не сумело в должной мере обеспечить защиту граждан и достичь идеала демократического суда. Далее советская власть постепенно пришла к возвращению процессуального института адвокатуры. К концу 1920 года сформировался институт правозаступников — их участие допускалось по особым спискам, утвержденных исполнительными комитетами местных Советов. Вводилась трудовая повинность, правозаступники не могли отказаться от оказания судебной защиты, при этом оплата производилась в соответствии с минимумом заработной платы.

В дальнейшем государственная власть продолжала политику усиления контроля над адвокатурой, вливания в нее представителей трудового народа. Коллегии защитников образовывались при советских народных судах, которые частично осуществляли руководство ими, в каждой губернии образовывалась губернская коллегия защит-

ников — самоуправление было ограничено: президиум обязан был отчитываться о результатах работы в губернский суд.

С централизацией и укрупнением адвокатских образований, самоуправление адвокатов постоянно ограничивалось, при этом не выполнялись положения о содействии государственных органов в предоставлении помещений для оказания юридической помощи, предоставления методических пособий, участие защитников не обеспечивало реализацию права на защиту граждан в политизированных судебных процессах.

Советская власть на протяжении всего своего существования предпринимала попытки подчинения адвокатов, встраивания их в государственную систему. Но с началом Перестройки и общим кризисом, охватившим СССР, усилились тенденции по освобождению адвокатов и адвокатских образований от государственного контроля, придание адвокатской деятельности частного характера для эффективной защиты прав граждан и организаций в условиях рыночной экономики, к которой постепенно двигался СССР.

В начале 2000-х годов существовавший уже более века институт судебных представителей и правозаступников,

получил законодательные гарантии независимости от государства. Установленные обязательные требования к кандидатам в адвокаты, процедура проведения экзамена на статус адвоката, полномочия адвокатских образований по применению дисциплинарных взысканий создают условия для полноценной защиты прав человека и гражданина, а также организаций.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о диалектичном противостоянии между адвокатурой и государством. Такая состязательность не должна выходить за рамки судебного процесса, в котором обеспечиваются равные права сторон. Необходимым условием мирного сосуществования адвокатуры и государства является установление режима законности, укрепление принципов правового и демократического государства. Давление, оказываемое на адвокатов в 19–20 веках, как со стороны судебных органов, так и административных приводит к конфликтам, нарушению права на защиту и должно быть исключено в будущем.

Важно соблюдать баланс между установлением основ регулирования адвокатской деятельности и созданием гарантий, обеспечивающих независимый и профессиональный статус адвоката и адвокатских образований.

Литература:

1. Буфетова М. Ш. Формирование института адвокатуры и института защиты судебной реформой 1864 года // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 3. — С.26–37.
2. Васьковский Е. В. Организация адвокатуры: в 2 ч. / Е. В. Васьковский. — СПб.: Изд. Юрилич. Книж. Маг. Н. К. Мартынова, 1893 г. — Ч. 1. — 403 с.; 1893 — Ч. 2. — 213 с.
3. Гессен И. В. История русской адвокатуры: в 3 т. / И. В. Гессен, составитель. С. Н. Гаврилов — М.:Юристъ., 1997. — Т. 1: Адвокатура, общество и государство (1864–1914). — 374 с.
4. Дмитриев Д. С., Дмитриева Д. С., Городнова О. Н. Историческое развитие российской адвокатуры // Вестник РУК. — 2021. — № 3. — С.113–116.
5. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. — М.: Норма., 2019. — Т. 3: Судостроительство и судопроизводство в период становления и развития абсолютизма (конец XVII — середина XIX века): монография / отв. ред. С. А. Колунтаев. — 672 с.
6. Карпачев М. Д. Судебная реформа 1864 г. В России: шаг на пути к правовому государству // Судебная власть и уголовный процесс. — 2014. — № 3. — С. 29–40.
7. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. — М.: Норма., 2019. — Т. 5: Судостроительство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 — октябрь 1917 года): монография / К. П. Краковский, З. В. Соломко; отв. ред. В. М. Сырых. — 696 с.

Правовое значение и перспективы электронных доказательств в гражданском судопроизводстве

Чуркина Ксения Максимовна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Статья посвящена проблеме отсутствия системного правового регулирования электронных доказательств в гражданском судопроизводстве. Автор анализирует действующее процессуальное законодательство, выявляет его несоответствие современным условиям цифрового взаимодействия участников процесса, а также отсутствие нормативных критериев допустимости, аутентичности и достоверности электронных доказательств. На основе изучения

правоприменительной практики формулируются выводы о необходимости признания электронных доказательств самостоятельным видом доказательств. Обосновывается авторское определение электронного доказательства, раскрываются его признаки и особенности применения в условиях цифровизации правосудия. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства, в том числе внесение изменений в статьи 55 и 71 ГПК РФ.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, цифровизация, электронный документ, идентификация, аутентичность, нотариальное удостоверение, допустимость.

Legal significance and prospects of electronic evidence in civil proceedings

The article addresses the lack of a systematic legal framework governing electronic evidence in civil proceedings. The author analyzes the current procedural legislation and identifies its inconsistency with the realities of digital interaction between participants in legal proceedings, as well as the absence of normative criteria for the admissibility, authenticity, and reliability of electronic evidence. Based on the analysis of judicial practice, conclusions are drawn regarding the necessity of recognizing electronic evidence as an independent category of evidence. The article substantiates an original definition of electronic evidence, outlines its key characteristics, and examines the specifics of its application in the context of justice digitalization. Specific legislative amendments are proposed, including revisions to Articles 55 and 71 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: electronic evidence, civil procedure, digitalization, electronic document, identification, authenticity, notarial certification, admissibility.

Развитие гражданского судопроизводства сопровождается активным внедрением цифровых технологий, включая сферу доказывания. Значимое место в процессуальной практике постепенно занимают электронные доказательства. Однако, несмотря на развитие технических возможностей и стремительное распространение электронных коммуникаций, действующее законодательство не содержит законодательной дефиниции «электронных доказательств», отсутствует и их системная регламентация как самостоятельного вида доказательств [6, с. 38].

В статье 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации указывается, что доказательствами по делу являются «полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела» [1]. Сведения могут быть получены, в частности, из письменных и вещественных доказательств, а также аудио- и видеозаписей.

Электронным доказательством в гражданском процессе следует считать информацию, имеющую значение для правильного разрешения спора, зафиксированную в электронной форме и представленную в суд в виде электронного документа либо иного цифрового объекта, подлежащего воспроизведению с использованием технических средств [5, с. 26]. При этом характерной особенностью такой информации выступает невозможность её восприятия без применения соответствующих программных или аппаратных средств. В пункте 2 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», информационные технологии определяются как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации

и способы осуществления таких процессов и методов [2]. Однако данное определение носит технический характер и не отражает специфики допустимости и правового режима информации, представленной в виде электронного доказательства, применительно к задачам гражданского судопроизводства.

В соответствии с положениями статьи 71 ГПК РФ, письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом.

Закон допускает представление таких документов в виде электронных образов, при условии их подписания электронной подписью. Однако ни данная норма, ни иные положения Кодекса не содержат специальных процессуальных требований к достоверности, аутентичности и неизменности электронных доказательств.

Отсутствие должного регулирования критериев оценки цифровых сведений приводит к тому, что электронные файлы, представленные одной из сторон, нередко исключаются из числа допустимых доказательств по формальным основаниям, например, в связи с отсутствием сертификата ключа проверки подписи, невозможностью установить источник информации либо отсутствием визуальных реквизитов.

В результате суды оказываются в положении, когда вместо оценки содержания электронного материала вы-

нуждены сосредотачиваться на его внешней форме и сопутствующих технических признаках. Такое положение дел не только затрудняет доступ к правосудию, но и нарушает принципы состязательности, процессуального равенства сторон. Особенно это актуально в условиях, когда значительная часть юридически значимой информации существует исключительно в цифровой форме (например, данные из логов систем, сведения об IP-активности, технические файлы автоматического аудита и др.)

В целом, анализ судебной практики признания электронных доказательств допустимости, показывает ее неоднородность. Так, по одному из дел основанием для обращения в суд явилось требование истца о взыскании задолженности, возникшей в связи с ненадлежащим исполнением условий договора возмездного оказания услуг [4]. Для обоснования факта направления ответчику уведомлений о просрочке исполнения обязательств и попыток досудебного урегулирования спора, истец представил скриншоты электронных писем, направленных с корпоративного адреса его электронной почты, а также сведения, полученные в результате выгрузки из почтового сервиса, содержащие данные о времени и дате отправки корреспонденции, адресатах и содержании направленных сообщений.

Суд, исследовав указанные материалы, признал их допустимыми доказательствами, несмотря на отсутствие квалифицированной электронной подписи. При этом, было установлено, что информация, представленная в виде скриншотов, обладает признаками достоверности и соответствия другим доказательствам по делу. Дополнительно суд указал на наличие технических метаданных, в том числе IP-адресов и параметров времени передачи сообщений, что позволило прийти к выводу об аутентичности представленных сведений. Оценка таких материалов была произведена на основе положений статьи 67 ГПК РФ, предусматривающей оценку доказательств на основе внутреннего убеждения суда, сформированного с учётом всестороннего, полного и объективного анализа всех обстоятельств дела.

Однако, скриншоты страниц интернет-сайтов, переписка в мессенджерах, аудиофайлы, файлы логов программного обеспечения нередко не принимаются судами в качестве доказательств ввиду отсутствия подтверждения их происхождения или подлинности. Основанием отказа служит, как правило, невозможность установить источник информации, подтвердить неизменность её содержания или доказать аутентичность файла. Вместе с тем, закон не устанавливает, каким именно способом должно быть удостоверено происхождение этих сведений. Стороны прибегают к услугам нотариуса, фиксируя содержание интернет-ресурса или цифровой переписки в порядке, предусмотренном ст. 103.8 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

Существенные затруднения вызывает также оценка сведений, полученных с использованием средств автоматической фиксации, таких как видеорегистраторы, системы ви-

деонаблюдения, онлайн-сервисы, облачные платформы и иные программно-аппаратные комплексы. Информация, извлекаемая из таких источников, как правило, формируется в автоматическом режиме, без участия человека. Вместе с тем, действующее процессуальное законодательство ориентирует суд на признание допустимыми преимущественно тех электронных документов, которые подписаны с применением квалифицированной электронной подписи, что следует из части 1 статьи 71 ГПК РФ. Закон не предусматривает исключений для автоматизированных систем, не устанавливает альтернативных форм подтверждения подлинности и неизменности информации, и тем самым существенно ограничивает возможности использования таких данных в качестве доказательств.

Процессуальная форма, рассчитанная на бумажный документооборот, не адаптирована к цифровому взаимодействию и затрудняет реализацию задач, обозначенных в Указе Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», среди которых в качестве приоритетной обозначено создание условий для цифровой трансформации всех публично-правовых институтов, включая правосудие [3].

С учётом изложенного, под электронными доказательствами в гражданском судопроизводстве следует понимать сведения, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела, зафиксированные в электронной форме с использованием информационно-коммуникационных технологий, представленные суду в виде электронных документов, цифровых файлов или технических данных, воспринимаемых с применением программно-аппаратных средств и позволяющих установить факт их происхождения, содержания и неизменности.

При этом, основными признаками электронного доказательства являются наличие юридически значимой информации, её объективное существование в цифровой среде, возможность воспроизведения без искажения содержания или утраты смысловых элементов, а также подтверждённая техническая идентификация источника. Правовая природа электронных доказательств требует переосмысления, в том числе посредством уточнения процессуальных категорий допустимости, достоверности, аутентичности и неизменности. Также следует отметить, что классификация электронных доказательств не может основываться лишь на внешнем носителе информации, поскольку решающее значение имеет способ генерации, хранения, передачи и проверки информации.

В целях устранения обозначенных недостатков и обеспечения единства правоприменительной практики, предлагается необходимым внести изменения в статью 55 ГПК РФ, предусмотрев, что доказательствами по делу могут выступать сведения, содержащиеся в электронных документах и цифровых файлах, представленных с использованием информационных технологий, при условии обеспечения их достоверности и идентификации источника происхождения.

Кроме того, требует пересмотра и статья 71 ГПК РФ, содержащая положения о письменных доказательствах. Целесообразно закрепить, что документ, представленный в электронном виде, может быть признан надлежащим доказательством вне зависимости от наличия квалифицированной электронной подписи, если его содержание и происхождение подтверждаются совокупностью иных достоверных данных, в том числе технических метаданных, сопутствующей деловой перепиской, сведениями о взаимодействии сторон, нотариальным удостоверением или иным способом, обеспечивающим проверку неизменности документа.

Полагаем, такие изменения будут направлены на создание условий для формирования устойчивой правовой конструкции электронного доказательства как самостоятельного элемента системы доказывания в гражданском судопроизводстве.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448.
3. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.
4. Постановление Ханты-Мансийского районного суда от 11 июля 2021 г. по делу № 5–1503/2021 [Электронный ресурс]. — URL.: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 08.07.2025).
5. Архипенко В. А. Электронные доказательства в гражданском процессе: понятие и значение // Актуальные проблемы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации. — Москва: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2025. — С. 25–28.
6. Лифинцев И. А. Использование электронных сведений как доказательств в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. — 2025. — № 1. — С. 37–40.

Пределы судебного усмотрения при разрешении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции в гражданском судопроизводстве

Чуркина Ксения Максимовна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Предметом исследования являются пределы судебного усмотрения при разрешении ходатайства об участии в судебном заседании посредством системы веб-конференции по правилам ГПК РФ. Рассматривается вопрос о том, является ли перечень оснований для отказа исчерпывающим, определяется содержание категории «техническая возможность», разграничиваются отказ в ходатайстве и процессуальные последствия технического сбоя после его удовлетворения. На материале законодательства, научных публикаций и судебной практики формулируются предложения по уточнению статей 155.2 и 169 ГПК РФ.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, судебное усмотрение, система веб-конференции, техническая возможность, отказ в ходатайстве, отложение разбирательства дела, идентификация участника, процессуальные права, электронное правосудие.

Limits of judicial discretion in deciding a motion to participate in a court hearing through the use of a web-conferencing system in civil proceedings

The subject of the study is the limits of judicial discretion in resolving an application for participation in a court hearing via a web conference system in accordance with the rules of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. The article examines whether the list of grounds for refusal is exhaustive, defines the content of the category «technical possibility», and distinguishes between the refusal of an application and the procedural consequences of a technical failure after the application is granted. Based on the analysis of legislation, scientific publications, and judicial practice, the article formulates proposals for clarifying Articles 155.2 and 169 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation.

Keywords: *civil proceedings, judicial discretion, web conference system, technical possibility, denial of a request, postponement of a case, identification of a participant, procedural rights, and electronic justice.*

Статья 155.2 ГПК РФ регулирует участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции [1]. В 2024 году законодатель уточнил порядок установления личности участника, подключающегося к судебному заседанию без личного присутствия, предусмотрев использование единой системы идентификации и аутентификации и единой биометрической системы [2]. Часть 1 названной статьи связывает дистанционное участие с наличием ходатайства и технической возможности, а часть 2 допускает отказ только при отсутствии такой возможности либо при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании. При этом содержание технической возможности законом не раскрыто, что сохраняет спор о пределах судебного усмотрения.

Значение веб-конференции состоит в обеспечении полноценного участия в судебном разбирательстве. Статьи 35, 157 и 174 ГПК РФ закрепляют право лиц, участвующих в деле, давать устные объяснения, задавать вопросы, участвовать в исследовании доказательств и высказываться по доводам другой стороны. Дистанционное участие допустимо при сохранении устного характера разбирательства и при возможности реализовать тот же объем процессуальных прав, который обеспечивается при личной явке.

Статьи 155.1 и 155.2 ГПК РФ разграничиваются по способу организации участия в судебном заседании. При использовании видеоконференцсвязи соединение обеспечивает суд, который одновременно устанавливает личность участника. Для веб-конференции, напротив, характерно подключение лица из любого места через сеть Интернет с применением собственных технических средств. Именно эта особенность придает самостоятельное значение пределам судебного усмотрения, поскольку суду необходимо решить вопрос о допустимости дистанционного участия в конкретном судебном заседании.

После введения статьи 155.2 ГПК РФ и последующего уточнения порядка дистанционной идентификации веб-конференция уже не может рассматриваться лишь как исключительная процессуальная форма. Е. А. Семенова оценивает ее как долгосрочный процессуальный институт, способный снизить издержки участия в деле и сократить случаи отложения разбирательства [7, с. 23]. На противоположное указывает Е. Н. Серова, указывая на трудности установления личности, исследования доказательств и восприятия поведения лица при дистанционном участии в заседании [8, с. 775]. С обеспечением доступности правосудия использование цифровых средств связывает Р. Р. Долотин [6, с. 70]. Назначение веб-конференции С. А. Филиппов усматривает в преодолении территориальной и финансовой удаленности суда [9, с. 86]. При этом названные затруднения сохраняют юридическое значение и подлежат учету при определении содер-

жания технической возможности и последствий технического сбоя, а не при расширении оснований для отказа. Еще до появления данной нормы А. А. Васильева ставила вопрос о прямом законодательном закреплении веб-конференции, поэтому современная дискуссия сосредоточена уже на пределах ее применения [5, с. 540].

По смыслу части 2 статьи 155.2 ГПК РФ суд вправе отклонить ходатайство об участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции лишь при отсутствии технической возможности либо при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании. Иные обстоятельства, включая возможность личной явки, отсутствие особой необходимости в дистанционном участии, предпочтительность очного разбирательства или сложность спора, в предусмотренный законом перечень не входят. Придание им значения самостоятельных оснований означало бы фактическое дополнение закона судом.

Категория «техническая возможность» раскрывается посредством системного толкования взаимосвязанных норм. Статья 6.4 Федерального закона от 14.11.2002 № 137-ФЗ относит к ведению Верховного Суда РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ определение порядка применения веб-конференции, а также требований к техническим и программным средствам [3]. В части 1 статьи 155.2 ГПК РФ предусмотрено заблаговременное направление участнику сведений, необходимых для подключения. Подача ходатайств и документов в электронном виде во время заседания допускается частью 3 той же статьи. Использование системы веб-конференции подлежит отражению в протоколе, а отложение разбирательства статья 169 ГПК РФ связывает с техническими неполадками и сомнениями в идентификации либо волеизъявлении дистанционного участника.

Порядок подачи документов в электронном виде конкретизирован приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251, поэтому техническая возможность охватывает также прием и обработку электронных обращений участника в ходе заседания [4]. В данном значении она включает наличие программы для видеосвязи, а также возможность суда обеспечить идентификацию или аутентификацию, непрерывную двустороннюю аудио- и видеосвязь, ведение протокола, прием электронных документов и соблюдение процессуальной формы.

Неопределенность категории «техническая возможность» в судебной практике нередко приводит к смешению собственно технической невозможности проведения веб-конференции с организационными обстоятельствами. Так, в решении Новошахтинского районного суда Ростовской области от 11.01.2024 по делу № 2–344/2024 по иску о защите прав потребителей представитель ответчика за день до заседания заявил ходатайство об участии в су-

дебном заседании путем использования системы веб-конференции [12]. Суд отказал, сославшись на отсутствие технической возможности использования системы веб-конференции в постоянном судебном присутствии в сл. Родионово-Несветайская, после чего рассмотрел дело в отсутствие представителя ответчика по ст. 167 ГПК РФ. Ссылка на отсутствие технической возможности соответствует ч. 2 ст. 155.2 ГПК РФ. Однако кодекс не обязывает суд указывать, в чем именно выражается такая невозможность, вследствие чего проверка законности отказа нередко ограничивается сопоставлением его мотивировки с текстом нормы без выяснения фактических обстоятельств, положенных в основу вывода суда.

Нарушение ч. 2 ст. 155.2 ГПК РФ имеет место и тогда, когда суд обосновывает отказ обстоятельством, не указанным в законе. В решении Пугачевского районного суда Саратовской области от 19.08.2025 по делу № 2–454/2025 по иску об отмене исполнительной надписи нотариуса представитель банка просил обеспечить участие посредством видеоконференцсвязи либо веб-конференции [13]. Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд сослался на его позднее поступление и невозможность организации такого участия. Между тем ст. 155.2 ГПК РФ не устанавливает специального срока подачи ходатайства. Момент его поступления приобретает юридическое значение лишь тогда, когда исключает организацию подключения к уже назначенному заседанию и тем самым свидетельствует об отсутствии технической возможности в конкретное время. В остальных случаях ссылка только на позднее поступление ходатайства приводит к расширению перечня оснований для отказа вопреки ч. 2 ст. 155.2 ГПК РФ.

После удовлетворения ходатайства разрешается вопрос о продолжении разбирательства при техническом сбое. Часть 1 ст. 169 ГПК РФ допускает отложение дела при возникновении технических неполадок при использовании систем видеоконференцсвязи либо веб-конференции, а также при обоснованных сомнениях относительно личности участника, участвующего в заседании, либо его волеизъявления. По делу № 74-КГ21–8-К9 Верховный Суд Российской Федерации отменил кассационное определение, поскольку после удовлетворения ходатайства о дистанционном участии кассационный суд при техническом сбое продолжил заседание и тем самым лишил сторону права на участие [10]. Применительно к веб-конференции этот подход сохраняется: одобренный судом способ участия предполагает фактическое участие стороны в судебном заседании, поэтому технические условия, препятствующие такому участию, влекут применение ч. 1 ст. 169 ГПК РФ.

Другая процессуальная ситуация складывается, когда суд создал условия для дистанционного участия, а сторона ими не воспользовалась. В решении Благовещенского городского суда Амурской области от 24.02.2025 по делу № 2–153/2025 указано, что заседание неоднократно откладывалось по ходатайствам ответчика, последнему предоставлялась возможность участия как посред-

ством видеоконференцсвязи, так и с использованием системы веб-конференции, однако такой возможностью он не воспользовался [11]. При таких обстоятельствах применение ст. 167 ГПК РФ соответствует закону, поскольку неблагоприятные процессуальные последствия несет сам участник. Такая оценка допустима лишь при условии, что суд заблаговременно направил сведения для подключения и со своей стороны обеспечил реальную возможность участия. В решении Ленинского районного суда г. Владивостока от 23.06.2025 по делу № 2–2157/2025 по иску о компенсации морального вреда, мотивированному отсутствием веб-конференции в судах региона, предметом оценки стало значение дистанционного участия для осуществления права на устное участие в заседании [14]. Суд квалифицировал веб-конференцию как дополнительный способ участия и исходил из возможности доведения позиции до суда иным способом. Такой подход согласуется с тем, что удовлетворение ходатайства обусловлено наличием условий, предусмотренных законом. Правовая оценка ситуации, связанной с отсутствием веб-конференции, зависит от того, требовалось ли дистанционное участие для осуществления именно этих процессуальных прав, а также от наличия просьбы лица о рассмотрении дела в его отсутствие. Однако объем процессуальных прав лица, участвующего в деле, включает письменное изложение позиции, устные объяснения, постановку вопросов и участие в непосредственном исследовании доказательств, что следует из ст. 35, 157 и 174 ГПК РФ.

Часть 2 ст. 155.2 ГПК РФ относит к основаниям для отказа отсутствие технической возможности и рассмотрение дела в закрытом судебном заседании. Возможность личной явки, отсутствие особой необходимости в дистанционном участии и позднее поступление ходатайства приобретают юридическое значение лишь постольку, поскольку свидетельствуют о невозможности организовать подключение к назначенному времени. Категория «техническая возможность» нуждается в легальном определении, поскольку действующая редакция допускает смешение объективной невозможности проведения веб-конференции с организацией работы суда и моментом поступления ходатайства; это обуславливает неоднородность судебной практики и затрудняет проверку законности отказа. Разъяснение закрытого характера данного перечня и содержания указанной категории следует дать в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Данную норму целесообразно дополнить положением: «Под технической возможностью осуществления веб-конференции понимается наличие у суда на момент разрешения ходатайства и проведения судебного заседания технических и программных средств, обеспечивающих идентификацию или аутентификацию участника, двустороннюю непрерывную аудио- и видеосвязь, ведение протокола, фиксацию хода судебного заседания, прием электронных документов и соблюдение требований информационной безопасности». В ней также следует прямо указать, что позднее поступление ходатайства образует

основание для отказа только тогда, когда к назначенному времени отсутствует возможность организовать подключение. Последствия технического сбоя после удовлетворения такого ходатайства также требуют разграничения. При возникновении препятствия на стороне суда, а равно

при сомнениях в личности, полномочиях или действительном волеизъявлении участника, применяется ст. 169 ГПК РФ. Создание судом всех условий для участия при срыве подключения по причинам на стороне лица, заявившего ходатайство, влечет применение ст. 167 ГПК РФ.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Федеральный закон от 28.12.2024 № 521-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 53 (ч. I). — Ст. 8531.
3. Федеральный закон от 14.11.2002 № 137-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4531.
4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 28.10.2025) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.03.2026).
5. Васильева А. А. Некоторые вопросы применения видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 8. — С. 536–547.
6. Долотин Р. Р. Электронное правосудие как средство реализации принципа доступности гражданского судопроизводства // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 163, кн. 2. — С. 67–75.
7. Семенова Е. А. Веб-конференция как процессуальное деяние Верховного Суда: временная мера или долгосрочный институт? // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 26. — С. 20–31.
8. Серова Е. Н. Достоинства и недостатки видеоконференцсвязи и веб-видеоконференцсвязи в судебном заседании. Анализ судебной практики // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 15. — С. 773–782.
9. Филиппов С. А. Веб-конференции сквозь призму цифровых технологий в арбитражном судопроизводстве // Вестник Всероссийского государственного университета юстиции. — 2022. — № 2. — С. 85–89.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2022 № 74-КГ21–8-К9 [Электронный ресурс]. — URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 30.03.2026).
11. Решение Благовещенского городского суда Амурской области от 24.02.2025 по делу № 2–153/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Bu5KFIIJfVLW/> (дата обращения: 30.03.2026).
12. Решение Новошахтинского районного суда Ростовской области от 11.01.2024 по делу № 2–344/2024 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZWgN1WTssiLs/> (дата обращения: 30.03.2026).
13. Решение Пугачевского районного суда Саратовской области от 19.08.2025 по делу № 2–454/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/csQ2ImW4gCxd/> (дата обращения: 30.03.2026).
14. Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 23.06.2025 по делу № 2–2157/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7xyu0GexITZO/> (дата обращения: 30.03.2026).

Проблемы использования системы видео-конференц-связи при производстве следственных действий

Шмидт Дарья Яковлевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Савельева Марина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье анализируется применение видео-конференц-связи в ходе следственных действий. Исследованы и проанализированы взгляды ученых, занимающихся аналогичной тематикой. Обсуждаются трудности, с которыми сталкиваются следователи при использовании данной технологии, а также текущее состояние законодательного регулирования этого вопроса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, видео-конференц-связь, следственные действия, нормативное регулирование, допрос, протокол следственных действий.

Problems of using a videoconference system in investigations

Shmidt Darya Yakovlevna, master's student

Scientific advisor: Savelyeva Marina Vladimirovna, phd in law, associate professor

Saratov State Law Academy

This article analyzes the use of videoconferencing in investigative proceedings. The views of scholars working on similar topics are explored and analyzed. The challenges investigators face when using this technology are discussed, as well as the current state of legislative regulation.

Keywords: criminal proceedings, pre-trial proceedings, video conferencing, investigative actions, regulatory framework, interrogation, protocol of investigative actions.

В настоящее время идет бурное развитие информационных технологий, которые успешно внедряются и в уголовное судопроизводство, в том числе и технологии использования систем видео-конференц-связи.

Основные достоинства применения видео-конференц-связи заключается и в эффективном, экономичном расходовании финансовых средств, в возможности оперативного обмена информацией, получения информации в режиме реального времени.

Применение дистанционных методов в рамках уголовного дела может рассматриваться как один из видов использования технических средств в следственной практике. Представляется, что такой подход одновременно способствует: 1) защите здоровья участников уголовного процесса; 2) ускорению процесса следствия; 3) уменьшению времени, которое следователь тратит на вызов свидетелей и гарантию их присутствия.

Этот механизм был введен в уголовный процесс в конце 2021 года с добавлением новой статьи 189.1 в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, что позволило следователю и дознавателю проводить допросы, очные ставки и опознание через системы видео-конференц-связи. Стоит отметить, что возможность использования таких систем в судебных процессах появилась еще в 2011 году, когда статья 240 УПК РФ была дополнена пунктом 4, предоставляющим суду право на применение данной технологии для проведения допросов и других судебных процедур. Введение статьи 189.1 УПК РФ, которая разрешает использование видеоконференции в ходе предварительного расследования, отражает тенденцию к цифровизации уголовного судопроизводства. Этот шаг, который частично был обусловлен ограничениями в общении из-за пандемии COVID-19, открывает широкие возможности для дальнейшего развития дистанционного форматирования следственных мероприятий.

В настоящее время имеется неоднозначность определений понятия «видео-конференц-связь». Так, Д. С. Гринь дает следующее ее определение: «Под видео-конференц-связью подразумевается компьютерно-цифровая технология, с помощью применения которой представляется возможным в законодательно установленных случаях и порядке обеспечивать дистанционное аудиовизуальное взаимодействие в режиме реального времени нескольких

абонентов — участников уголовного судопроизводства, при одновременном наличии возможности добавления к каналу связи дополнительных абонентов, которые наделены уголовно-процессуальным статусом, в целях обмена аудио- и видеoinформацией посредством обособленной телекоммуникационной сети либо с использованием закрытых каналов сети Интернет» [1].

А. Е. Федюнин и В. А. Терёхин дают несколько иное определение: «ВКС — основанное на правовых нормах международного и российского уголовно- процессуального законодательства интерактивное взаимодействие участников уголовного процесса, в ходе которого осуществляется непрерывный и четкий информационный обмен изображением и звуком, которые имеют значение для уголовного дела, в режиме реального времени посредством обособленной телекоммуникационной сети» [2].

А. Г. Волеводз указывал, что: «ВКС в уголовном судопроизводстве — это технология, позволяющая осуществлять аудиовизуальное взаимодействие нескольких участников уголовного процесса в режиме реального времени» [3].

Ввод в действие нового правила не равно его эффективному применению. Так, первая часть статьи 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации подчеркивает, что указанные в ней следственные действия могут осуществляться с использованием видео-конференц-связи при наличии соответствующей технической базы. При этом, видеоконференцсвязь должна осуществляться через системы органов предварительного расследования, например, через систему видеоконференцсвязи Министерства внутренних дел РФ (СВКС М). Данная система позволяет передавать четкие изображения и звук, демонстрировать фотографии, чертежи, документы и планы, а также предоставляет возможность для совместной работы в онлайн-режиме над созданием и редактированием материалов. Однако, несмотря на удобство такого подхода, возможны технические и организационные сложности при проведении следственных действий.

В этой связи возникает вопрос: что делать, если свидетель находится за пределами Российской Федерации и использование системы видео-конференц-связи Министерства внутренних дел РФ невозможно? Решением может стать создание систем, аналогичных системе видео-конференц-связи Министерства внутренних дел РФ, на базе

других государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, например, Следственного комитета РФ. В. А. Родивилина, в свою очередь, отмечает, что видео-конференц-связь может быть реализована через Интернет по защищенному каналу [4].

Среди технических сложностей, которые могут возникнуть в ходе видео-конференц-связи, выделяются проблемы связи, недостаточная освещенность и громкость, а также прерывания соединения во время проведения следственного эксперимента. В таких обстоятельствах следователь и дознаватель должны отложить процедуру до момента, когда связь будет полностью восстановлена и проверена на надлежащее функционирование. Этот эпизод должен быть отражен в протоколе.

С организационно-тактической точки зрения, одной из проблем применения видео-конференц-связи является возможность того, что не все участники следственного процесса будут в поле зрения видеокамеры, что может привести к нежелательному вмешательству. В таком случае целесообразно установить дополнительную камеру для полноценного охвата всего пространства, где происходит следствие, и включить ее в протокол.

Кроме того, одна из ключевых трудностей, связанных с видео-конференц-связью, заключается в ограниченной возможности для психологического взаимодействия между следователем и допрашиваемым. Это особенно актуально в случае проведения очной ставки, где через экран сложно оценить эмоциональное состояние и реакцию свидетеля, что затрудняет разработку и применение следственных методик. Возможной альтернативой может стать установка дополнительной камеры для захвата невербальных сигналов допрашиваемого, что позволит следователю и дознавателю провести более глубокий анализ записей.

Кроме проблем теоретического характера, на практике также существует ряд сложностей. Существует проблема четкости изображения и качества передаваемой информации. Существует мнение, что использование ВКС нарушает принцип непосредственности, который напрямую закреплен в ст. 240 УПК РФ. Всякого рода помехи и технические сбои могут послужить причиной некорректного вос-

приятия лица, которое выступает с использованием дистанционных технологий, а также затягивания самого процесса.

Для совершенствования применения ВКС в уголовном процессе предлагается ряд мер. Во-первых, внедрение биометрической аутентификации для идентификации участников позволит предотвратить подмену личности и повысить безопасность. Во-вторых, необходимы инвестиции в техническую инфраструктуру, включая высокоскоростной интернет и современное оборудование в судах и СИЗО, особенно в удаленных регионах. В-третьих, судьям следует разработать единообразные критерии для принятия решений об использовании ВКС, чтобы избежать произвольных отказов. В-четвертых, предлагается проведение регулярного обучения судей, адвокатов и следователей по техническим и процессуальным аспектам ВКС. В-пятых, для обеспечения конфиденциальности встреч адвокатов с подзащитными необходимо внедрить защищенные каналы связи и запретить их запись, как предложено Федеральной палатой адвокатов. В-шестых, следует разработать технические стандарты для оборудования ВКС, включая минимальные требования к качеству звука и изображения, чтобы соответствовать международным стандартам ЕСПЧ [5]. В-седьмых, интеграция ВКС с электронными системами судопроизводства, такими как ГАС «Правосудие», упростит документооборот и координацию. Наконец, особое внимание следует уделить поддержке участников с ограниченными возможностями, включая предоставление сурдопереводчиков и адаптивных интерфейсов для ВКС.

В заключение хочется отметить, ВКС является ключевым инструментом цифровизации уголовного процесса, обеспечивая эффективность, экономию ресурсов и доступность правосудия. Однако проблемы, связанные с техническими сбоями, неравномерностью судебной практики, конфиденциальностью и кибербезопасностью, требуют решения. Предложенные меры, включая биометрию, улучшение инфраструктуры, обучение, унификацию практики, защиту данных и поддержку доступности, позволят сделать ВКС более надежным и справедливым инструментом в уголовном процессе Российской Федерации.

Литература:

1. Гринь Д. С. Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2020. № 3. С. 82.
2. Терехин В. А. Видеоконференцсвязь в современном российском судопроизводстве // Российская юстиция. 2006. № 1. С. 22.
3. Волеводз А. Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видеоконференцсвязи // Военно-юридический вестник Приволжского региона: Сб. научных трудов. Вып. 1 / ВП ПУрВО, Приволжский окружной военный суд и Самарская гуманитарная академия. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2003. С. 70.
4. Родивилина В. А. Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования: дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 134.
5. Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают [Электронный ресурс] // Право.ру. — URL: <https://pravo.ru/story/201570/> (дата обращения: 10.05.2026).

Правовая определенность и пределы пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу

Эфендиев Турал Эльшад оглы, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается значение принципа правовой определенности при пересмотре судебных актов, вступивших в законную силу. Обосновывается, что окончательность судебного решения не исключает его пересмотр, если сохранение такого акта нарушает право на судебную защиту. Особое внимание уделяется разграничению новых обстоятельств, вновь открывшихся обстоятельств и новых доказательств.

Ключевые слова: правовая определенность, пересмотр, судебные акты, кассация, преюдиция.

Принцип правовой определенности имеет особое значение в тех случаях, когда речь идет о проверке судебных актов, уже вступивших в законную силу. Такой судебный акт не является обычным промежуточным результатом процесса. Он завершает спор, закрепляет правовое положение сторон, может быть исполнен и становится основанием для дальнейших правовых действий. Поэтому его пересмотр всегда требует особой осторожности. С одной стороны, судебная система должна иметь возможность исправить существенную ошибку. С другой стороны, нельзя допустить, чтобы проверочные процедуры превращались в бесконечное продолжение уже разрешенного спора. По мнению И. В. Рехтиной, правовая определенность в гражданском судопроизводстве связана с устойчивостью судебного результата, предсказуемостью процессуального порядка и доверием к суду [6, с. 307].

Судебная практика подтверждает, что новые доказательства и вновь открывшиеся обстоятельства не являются одинаковыми правовыми явлениями. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 15.04.2025 № 308-ЭС22-8298(12) по делу № А32-8708/2007 указано, что представление новых доказательств само по себе не может служить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам [3]. Данный подход имеет важное значение для правовой определенности. Если признать любое новое доказательство основанием для пересмотра, сторона сможет после завершения дела постоянно собирать новые документы и возвращать спор в суд. Это лишит законную силу судебного акта реального значения. Поэтому суд должен каждый раз устанавливать, что именно заявитель считает основанием пересмотра.

Пределы пересмотра особенно заметны в делах, где судебный акт затрагивает права третьих лиц. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2024 № 305-ЭС24-2193 по делу № А40-254553/2022 рассматривалась ситуация с утверждением мирового соглашения. Суды нижестоящих инстанций утвердили соглашение, но не проверили реальность задолженности и возможное нарушение прав кредиторов. Верховный Суд Российской Федерации указал, что мировое соглашение не может нарушать права и законные интересы других лиц, а суд обязан проверить его соответствие закону [4].

Отдельное значение имеет вопрос об отмене нормативного правового акта как основании пересмотра. В. Г. Голубцов и О. А. Кузнецова указывают, что отмена нормативного правового акта не должна оцениваться механически, поскольку необходимо учитывать ее влияние на конкретное дело и последствия пересмотра [2, с. 382]. Эта позиция согласуется с подходом Конституционного Суда Российской Федерации. В постановлении от 16.01.2025 № 1-П Суд указал, что законодательное регулирование должно обеспечивать возможность пересмотра тогда, когда обстоятельства, выявленные на досудебной стадии уголовного судопроизводства, действительно ставят под сомнение правосудность вступившего в силу судебного акта [5].

Важным пределом пересмотра выступает существенность нарушения или обстоятельства. Отмена судебного акта ввиду новых обстоятельств может быть необходимой, но всегда содержит риск нарушения правовой определенности. Поэтому само наличие нового обстоятельства еще не означает обязательную отмену судебного акта. Нужно установить, что это обстоятельство имеет прямую связь с предметом спора и способно повлиять на судебный результат. А. А. Брысин также подчеркивает, что пересмотр по новым и вновь открывшимся обстоятельствам нельзя смешивать с обычными проверочными производствами, поскольку иначе он превращается в способ устранения любых судебных ошибок [1, с. 35]. В этом смысле существенность является основным ограничителем пересмотра. Она не позволяет отменять судебный акт по формальным основаниям и одновременно не препятствует исправлению действительно значимых нарушений.

Таким образом, правовая определенность при пересмотре судебных актов, вступивших в законную силу, выражает не абсолютную неприкосновенность таких актов, а требование повышенной устойчивости судебного результата. Судебный акт может быть отменен или изменен после вступления в законную силу, но только при наличии существенного основания, установленного законом и связанного с результатом дела. Пересмотр не должен использоваться как повторная кассация, способ восполнить процессуальную пассивность стороны или средство затягивания исполнения. Вместе с тем правовая определенность не может защищать судебный акт, если он основан на существенной ошибке, недостоверных данных или на-

рушает права лиц, чье положение не было надлежащим образом учтено судом. Поэтому пределы пересмотра должны определяться через совокупность условий. К ним относятся существенность основания, связь с предметом дела, невозможность заявления соответствующих об-

стоятельств ранее, учет исполнения судебного акта, права третьих лиц и обязанность суда мотивировать объем вмешательства. Только при соблюдении этих условий пересмотр будет не разрушать правовую определенность, а обеспечивать ее реальное действие.

Литература:

1. Брысин, А. А. К вопросу об устранении судебных ошибок при пересмотре судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам / А. А. Брысин. — Текст: непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. — 2024. — № 4. — С. 35–40.
2. Голубцов, В. Г. Отмена нормативного правового акта и институт пересмотра дела по новым обстоятельствам в цивилистическом процессе / В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. — Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2024. — Вып. 3(65). — С. 382–398.
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.04.2025 № 308-ЭС22–8298(12) по делу № А32–8708/2007. — Текст: электронный. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2456024 (дата обращения: 01.06.2026).
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2024 № 305-ЭС24–2193 по делу № А40–254553/2022. — Текст: электронный. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2394700 (дата обращения: 01.06.2026).
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.01.2025 № 1-П «По делу о проверке конституционности статьи 390.14 и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Вишнякова, Н. М. Волокитиной, М. З. Каримова и Н. Н. Наливайко». — Текст: электронный. — URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision807564.pdf> (дата обращения: 01.06.2026).
6. Рехтина, И. В. Правовая определенность гражданского судопроизводства России: генеалогия, стандарт, модель, режим: монография / И. В. Рехтина. — Текст: непосредственный. — Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2023. — 307 с.

Баланс правовой определенности и исправления судебной ошибки при пересмотре судебных актов

Эфендиев Турал Эльшад оглы, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается соотношение устойчивости вступившего в законную силу судебного акта и необходимости исправления судебной ошибки. Обосновывается, что правовая определенность не может означать сохранение любого судебного решения независимо от его содержания. При этом пересмотр судебного акта не должен становиться способом повторного рассмотрения уже разрешенного спора.

Ключевые слова: определенность, ошибка, пересмотр, преюдиция, суд.

Вопрос о равновесии между правовой определенностью и исправлением судебной ошибки возникает тогда, когда судебный акт уже вступил в законную силу, но одна из сторон или иное заинтересованное лицо указывает на его неправильность. В такой ситуации суд сталкивается с двумя разными задачами. Первая задача состоит в сохранении устойчивости судебного решения. Вступивший в силу акт завершает спор, закрепляет права и обязанности сторон, может быть исполнен и влияет на дальнейшее поведение участников отношений. Вторая задача состоит в исправлении существенной ошибки, если ее сохранение приводит к нарушению права на судебную защиту. Поэтому нельзя признать правильным ни полный

запрет на пересмотр, ни свободное возвращение к уже рассмотренному делу. Судебный акт должен быть устойчивым, но не должен сохраняться любой ценой.

Существенность обстоятельства является главным условием допустимого пересмотра. Н. М. Голованов обоснованно обращает внимание на то, что при пересмотре судебных актов важно учитывать не только факт появления или обнаружения обстоятельства, но и его способность повлиять на исход дела [3, с. 250]. Это положение позволяет удержать равновесие между исправлением ошибки и устойчивостью судебного акта. Само по себе новое обстоятельство не должно открывать спор заново, если оно не меняет правовую оценку дела.

Судебная практика подтверждает такой подход. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 15.04.2025 № 308-ЭС22-8298(12) по делу № А32-8708/2007 указано, что представление новых доказательств само по себе не является основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам [5]. Это дело показывает одну из распространенных проблем. Сторона, которая не смогла добиться отмены судебного акта обычными способами, пытается использовать исключительный порядок пересмотра как дополнительную возможность обжалования. Такой подход нарушает правовую определенность. Суд должен отличать новое доказательство от нового обстоятельства. Новое доказательство лишь подтверждает факт. Новое обстоятельство является самым юридически значимым фактом, который не был и не мог быть известен ранее либо возник после принятия судебного акта в установленном законом смысле. Без такого разграничения пересмотр будет использоваться не для исправления серьезной ошибки, а для бесконечного продолжения процесса.

Иной аспект проблемы раскрывается в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16.01.2025 № 1-П. В этом акте рассматривался вопрос о пересмотре гражданских дел в связи с обстоятельствами, выявленными в ходе уголовного судопроизводства [9]. Значение данного постановления состоит в том, что Конституционный Суд Российской Федерации фактически указал на недопустимость чрезмерно формального подхода. Если обстоятельства, установленные в уголовно-процессуальном порядке, действительно ставят под сомнение правосудность вступившего в силу судебного акта и не могли быть выявлены ранее не по вине заявителя, суд должен иметь возможность оценить их значение. Однако это не означает автоматического пересмотра. Суд обязан проверить, связаны ли такие обстоятельства с предметом первоначального дела, являются ли они существенными и могли ли они повлиять на судебный результат. Данный подход показывает, что исправление ошибки возможно только при наличии

убедительной связи между новым обстоятельством и итогом дела.

Значительное место в рассматриваемой теме занимает преюдиция. Она обеспечивает устойчивость ранее установленных судом обстоятельств и не позволяет повторно доказывать то, что уже было разрешено. По мнению В. Д. Балакаева и К. А. Кряжевских, преюдициальность судебных актов имеет свои пределы, а в отдельных случаях может быть абсолютной, ограниченной или отсутствовать вовсе [1, с. 466].

Судебная практика последних лет подтверждает необходимость такого подхода. В кассационном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.2024 № 8-КАД24-3-К2 было указано, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого административного дела [7]. В этом случае Верховный Суд Российской Федерации защитил правовую определенность от игнорирования ранее установленного судебного результата. Иной пример содержится в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2025 № 305-ЭС21-926(7) по делу № А40-237648/2018. Суд указал, что преюдициальное значение имеют только факты, действительно установленные прежним судебным актом, а недоказанность позиции стороны не означает установление противоположного факта [8].

Таким образом, баланс правовой определенности и исправления судебной ошибки при пересмотре судебных актов должен строиться на признании повышенной силы вступившего в законную силу судебного акта. Такой акт не может пересматриваться только из-за несогласия стороны с выводами суда, появления новых доказательств или изменения правовой оценки без прямого основания. Вместе с тем его устойчивость не должна сохранять неправомерный результат, если выявлено существенное нарушение, новое значимое обстоятельство или нарушение прав лиц, чье положение не было учтено.

Литература:

1. Балакаев, В. Д. Преюдициальность судебных актов в гражданском процессе и её пределы / В. Д. Балакаев, К. А. Кряжевских. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 32. — С. 466–472.
2. Голованов, Н. М. К вопросу о критериях существенности вновь возникших и новых обстоятельств для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов / Н. М. Голованов. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 26. — С. 250–259.
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.04.2025 № 308-ЭС22-8298(12) по делу № А32-8708/2007. — Текст: электронный. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2456024 (дата обращения: 01.06.2026).
4. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.2024 № 8-КАД24-3-К2. — Текст: электронный. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2398210 (дата обращения: 01.06.2026).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2025 № 305-ЭС21-926(7) по делу № А40-237648/2018. — Текст: электронный. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2442668 (дата обращения: 01.06.2026).

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.01.2025 № 1-П «По делу о проверке конституционности статьи 390.14 и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Вишнякова, Н. М. Волокитиной, М. З. Каримова и Н. Н. Наливайко». — Текст: электронный. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501170001> (дата обращения: 01.06.2026).

Возрастная дискриминация на рынке труда: правовые способы защиты лиц предпенсионного возраста

Якоб Полина Алексеевна, студент;

Андросова Елизавета Юрьевна, студент

Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Орел)

В статье исследуются причины и правовые способы защиты лиц предпенсионного возраста от возрастной дискриминации на рынке труда в Российской Федерации. Анализируются экономические факторы, стереотипы работодателей, правовые пробелы, предлагаются меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: *возрастная дискриминация, предпенсионный возраст, рынок труда, защита прав, Трудовой кодекс РФ, работодатель, правовые пробелы.*

В последние годы рынок труда в нашей стране претерпел значительные изменения, связанные как с развитием информационных технологий, так и со сторонними факторами. Например, по официальным данным Минтруда, в 2025 году более 24 миллионов россиян перешли на использование электронных трудовых книжек. Однако новшества всегда влекут за собой и череду острых социальных проблем, одной из которых долгое время остается возрастная дискриминация на рынке труда.

С развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ) рынок труда кардинально изменился: по данным «РосБизнесКонсалтинг», на момент декабря 2025 года 47 % крупных компаний в России допустили сокращение штата из-за внедрения ИИ-технологий. Очевидно, что такой тренд на сокращение штата порождает очевидную и серьезную проблему — рост безработицы на рынке труда. Сокращенные специалисты вынуждены выходить на биржу труда, из-за чего растет конкуренция на одно рабочее место.

Данная проблема порождает целую череду других, но в данной статье будет рассмотрена одна из наиболее значимых — возрастная дискриминация на рынке труда. Проблема эта не появилась внезапно: в 2017 году, по данным ВЦИОМ [1, с. 45], значительная часть россиян были свидетелями несоблюдения прав граждан предпенсионного возраста или же сталкивались с этим сами.

С чем же связана такая пугающая статистика? Почему именно лица предпенсионного возраста зачастую сталкиваются с дискриминацией? После проведенных исследований было выявлено несколько ключевых факторов, среди которых основными являются: экономические причины; существующие у людей стереотипы и предубеждения; правовые и институциональные пробелы.

Несмотря на то что главной целью данного исследования является рассмотрение правовых способов защиты лиц предпенсионного возраста, следует кратко осветить и остальные факторы, перечисленные выше.

Основой экономического фактора дискриминации лиц предпенсионного возраста является высокая стоимость работника и ожидание скорого выхода на пенсию лица предпенсионного возраста. Так, согласно расчетам, в долгосрочной перспективе (5 лет и более) наем начинающего сотрудника и постепенное его развитие до опытного сотрудника выгоднее, чем наем опытного сотрудника [2]. Наложив на все это фактор возраста, можно прийти к очевидному выводу: чаще работодатель сделает выбор в пользу более молодого, но менее опытного сотрудника. Решением данной проблемы может стать ввод субсидий, компенсирующих работодателю затраты на зарплату и социальные взносы при найме работника предпенсионного возраста.

Не менее важной проблемой являются существующие у работодателей стереотипы относительно лиц предпенсионного возраста — кандидатов на какую-либо вакансию. Вместе с тем на основе исследований можно сделать вывод, что производительность работника не всегда снижается с возрастом. Так, при высоких сенсомоторных требованиях работоспособность действительно снижается: в возрасте 46–50 лет она падает до 0,7, а в возрасте более 55 лет снижается вдвое. Однако при неумоляющем труде, когда его результат зависит не от его физиологической интенсивности, а от

знания и опыта работника, способность человека выполнять нормы труда сохраняется до 75 лет, при этом возрастного снижения работоспособности не наблюдается [3, с. 311].

К счастью, эта проблема с каждым годом становится все менее актуальной. По данным HeadHunter, с 2022 года наблюдается стабильное повышение спроса на сотрудников старше 50 лет.

Сведем данные нашего исследования в таблице 1.

Таблица 1. Факторы возрастной дискриминации лиц предпенсионного возраста на рынке труда

Фактор	Содержание	Возможное решение
Экономический	Высокая стоимость сотрудника, ожидание скорого выхода на пенсию	Субсидии на зарплату и социальные взносы
Социально-психологический	Стереотипы о снижении производительности	Обучение руководителей, популяризация менторства
Правовой	Сложность доказывания дискриминации, малые штрафы	Онлайн-платформа для подачи жалоб, ужесточение санкций

Проиллюстрируем динамику спроса на работников старше 50 лет (рисунок 1).

Рис. 1. Динамика спроса на работников старше 50 лет на российском рынке труда (2022–2025 гг.)

Последней и самой главной неосвещенной проблемой остаются правовые и институциональные пробелы. Несмотря на то что в Трудовом кодексе РФ есть запрет на дискриминацию по возрасту (ст. 3 ТК РФ), доказать ее крайне сложно. Судебная практика показывает, что суды чаще встают на сторону работодателя, если увольнение или отказ в трудоустройстве оформлены законно, а возраст не был явно указан как причина ущемления прав. К тому же, даже если дискриминация доказана, штрафы за такое нарушение минимальны, а восстановление в должности является редкостью, так как часто работодатели находят обходные пути — увольнение по сокращению или по соглашению сторон.

Если посмотреть на статистику, то можно увидеть, что дискриминация по возрасту является самым распространенным видом дискриминации на рынке труда в РФ, а чаще всего ограничения затрагивают соискателей или сотрудников старше 50 лет.

К решению данной проблемы нельзя подходить поверхностно, необходимы четкие меры по пресечению случаев дискриминации лиц предпенсионного возраста и уменьшению количества таких случаев. Так, возможными мерами могут стать: проведение обучения для руководителей в рамках курсов повышения квалификации, затрагивающее тему прав работников предпенсионного возраста и возрастной дискриминации в целом; создание онлайн-платформы для подачи жалоб или упрощенного формата подачи жалобы, которая поможет сотруднику быть уверенным, что его услышат, и даст знать работодателю, что права сотрудника защищаются законодательством РФ.

Подводя итоги, можно заключить, что проблема дискриминации лиц предпенсионного возраста на рынке труда остается актуальной и болезненной. Необходимо принимать меры по правовой защите этого слоя населения, а также устранять существующие стереотипы и пробелы в знаниях у работодателей, что позволит снизить количество таких случаев, ведь для того, чтобы вырастить ценного специалиста, мало лишь качественного образования или таланта — необходима практика и опыт, которыми в полной мере обладают сотрудники предпенсионного (или близкого к нему) возраста.

Системы менторства, которые становятся все более популярными в сфере информационных технологий, — отличный пример, показывающий, что лица предпенсионного возраста могут внести ценнейший вклад в развитие молодых специалистов и их вклад не ограничивается только этой сферой.

Таким образом, защита прав лиц предпенсионного возраста — не просто юридическая задача, а вопрос справедливости и уважения к человеческому опыту, без которого ни одна экономика не сможет быть устойчивой.

Литература:

1. Расширенная подборка данных ВЦИОМ. — URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom.pdf
2. Стоит ли нанимать сотрудников без опыта или это опасно для бизнеса // Т-Бизнес секреты. — URL: <https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/najm-bez-opyta>
3. Сорокин, Г. А. Возрастная динамика работоспособности и риска усталости работников промышленных предприятий, образования и здравоохранения / Г. А. Сорокин, М. Н. Кирьянова // Медицина труда и промышленная экология. — 2021. — Т. 61, № 5. — С. 311–317.

Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности за нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов

Якунина Полина Александровна, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье рассматриваются актуальные вопросы разграничения административной и уголовной ответственности за правонарушения, посягающие на режим особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Анализируются ключевые критерии квалификации деяний по статье 262 УК РФ и статье 8.39 КоАП РФ. Особое внимание уделяется оценочному признаку «значительный ущерб» и проблемам его интерпретации в правоприменительной практике. На основе анализа современной судебной практики выявляются сложности, возникающие при отграничении преступлений от административных проступков [1].

Ключевые слова: значительный ущерб, особо охраняемые природные территории, нарушение режима особо охраняемых природных территорий.

Вопрос сохранения благоприятного состояния окружающей среды является одной из ключевых задач современного общества и государства. Особо охраняемые природные территории (ООПТ) — заповедники, национальные парки, заказники — играют уникальную роль в сохранении природного наследия. Однако эффективность их защиты напрямую зависит от четкости правовых норм, устанавливающих ответственность за нарушение их режима. В настоящее время основной проблемой правоприменения остается разграничение уголовно наказуемых деяний (ст. 262 УК РФ) и административных правонарушений (ст. 8.39 КоАП РФ) [2].

Критерии разграничения ответственности

Основным материальным критерием, позволяющим отграничить преступление от административного проступка, является последствие в виде причинения значительного ущерба.

1. Объективная сторона: Согласно ст. 8.39 КоАП РФ ответственность наступает за сам факт нарушения установленного режима или иных правил охраны и использования природных ресурсов на ООПТ. Состав право-

нарушения формальный. Согласно ст. 262 УК РФ состав материальный: необходимо не только нарушение режима, но и наступление общественно опасного последствия — значительного ущерба.

2. Проблема обозначения размера «значительного ущерба»: Законодатель не дает четкого количественного определения «значительности» для статьи 262 УК РФ (в отличие, например, от ст. 260 УК РФ, где ущерб исчисляется по утвержденным таксам). Значительность ущерба — категория оценочная. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21, при оценке ущерба судам следует учитывать [4]:

- категорию ООПТ;
- экологическую ценность поврежденного объекта;
- стоимость уничтоженного или поврежденного;
- размер затрат на восстановление природного объекта.

Проблемы правоприменения

На практике отсутствие четких критериев значительности приводит к тому, что схожие по масштабу деяния могут квалифицироваться по-разному. Нередко право-

охранительные органы сталкиваются с трудностями при доказывании причинно-следственной связи между нарушением режима (например, незаконным проездом техники) и наступившим экологическим ущербом. Кроме того, существует проблема конкуренции норм. Например,

незаконная рубка леса на территории заповедника может квалифицироваться как по ст. 260 УК РФ, так и по ст. 262 УК РФ. В таких случаях ст. 262 УК РФ часто выступает как общая норма по отношению к специальным экологическим составам [3].

Таблица 1. Разграничение ответственности

Статья	Суть статьи
Ст. 262 УК РФ	Преступление заключается в нарушении режима заповедников, заказников, национальных парков, памятников природы и других особо охраняемых государством природных территорий , повлекшем причинение значительного ущерба. Состав преступления — материальный: между нарушением режима, допущенным виновным, и последствиями необходимо установить причинную связь. Субъект преступления — физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.
Ст. 8.39 КоАП РФ	Статья предусматривает административную ответственность за нарушение установленного режима или иных правил охраны и использования окружающей среды и природных ресурсов на территориях государственных природных заповедников, национальных парков, природных парков, государственных природных заказников, а также на территориях, на которых находятся памятники природы, на иных особо охраняемых природных территориях либо в их охранных зонах. Под нарушением установленного режима понимаются действия, совершаемые вопреки режиму особой охраны, установленному в соответствующих положениях об особо охраняемой природной территории либо её охранный зоне. Под нарушением иных правил — действия, непосредственно не противоречащие требованиям, содержащимся в этих документах, но запрещаемые иными правовыми актами (например, Правилами пожарной безопасности в лесах РФ, Санитарными правилами в лесах РФ, региональными правилами охоты). Также статья предусматривает ответственность за нарушение правил организации и осуществления туризма, в том числе обеспечения безопасности туризма, на особо охраняемых природных территориях. статья распространяется на любые особо охраняемые природные территории и не содержит исключений в зависимости от субъектов, в ведении которых они находятся.

Судебная практика (2019–2025 гг.)

Пример 1: Уголовная ответственность (ст. 262 УК РФ)
Дело № 1–66/2019 (Адлерский районный суд г. Сочи)
Суть дела: Директор организации без разрешительной документации организовал завоз 55 тонн лома дорожного полотна на территорию Сочинского национального парка и проведение земельно-строительных работ. Это привело к «запечатыванию» почвенного покрова на площади более 150 кв.м., гибели почвенных беспозвоночных и загрязнению почвы нефтепродуктами и тяжелыми металлами. Результат: Суд признал ущерб в размере около 900 тыс. рублей значительным. Гражданин был признан виновным по ст. 262 УК РФ и приговорен к штрафу.

Пример 2: Административная ответственность (ст. 8.39 КоАП РФ)

Дело № 5–274/2025 (Мировой судья судебного участка № 2 Юргинского района) Суть дела: Гражданин осуществил

проезд и стоянку механического транспортного средства вне дорог общего пользования на территории государственного зоологического заказника регионального значения «Крымский». Результат: Поскольку действия не повлекли за собой документально подтвержденного значительного ущерба природному комплексу, деяние было квалифицировано как административный проступок по ст. 8.39 КоАП РФ. Нарушителю назначен административный штраф.

Разграничение административной и уголовной ответственности за нарушение режима ООПТ требует дальнейшего совершенствования законодательства. Целесообразно закрепить в примечании к ст. 262 УК РФ минимальный денежный порог значительного ущерба или разработать методические рекомендации по его оценке, учитывающие уникальность биосферных резерватов и объектов ЮНЕСКО. Это позволит избежать субъективизма в правоприменении и обеспечит более эффективную защиту природного наследия страны.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // КонсультантПлюс.

2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1.
3. Полянская И. Ю. Проблемы в области экологических правонарушений в Российской Федерации / И. Ю. Полянская, А. Н. Сивова // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России — 2020 — С. 341–344.
4. Матюшенко, В. А. Разграничение основания привлечения к уголовной и административной ответственности в сфере охраны окружающей среды: проблемы правоприменительной практики / В. А. Матюшенко. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 51 (550). — С. 526-530. — URL: <https://moluch.ru/archive/550/120786>.

ИСТОРИЯ

Великая хартия вольностей 1215 года и её значение

Андреева Юлиана Романовна, студент;

Шакиров Эмиль Робертович, студент

Научный руководитель: Степанов Алексей Георгиевич, кандидат философских наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Ключевые слова: история государства и права, Великая хартия вольностей, Англия.

Введение

Великая хартия вольностей, принятая в 1215 году в Англии, считается одним из первых документов, ограничивших власть монарха и закрепивших определённые права и свободы подданных. Великая хартия вольностей стала важным этапом в развитии английского государства и права. Несмотря на то, что первоначально документ был направлен на защиту интересов феодальной знати, его положения впоследствии приобрели значительно более широкий смысл.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что Великая хартия вольностей оказала огромное влияние на развитие мировой правовой мысли. Её принципы нашли отражение в конституциях различных государств и международных правовых актах.

Цель данной статьи — рассмотреть исторические предпосылки принятия Великой хартии вольностей, проанализировать её содержание и определить значение документа для дальнейшего развития государства и права.

1. Исторические предпосылки принятия Великой хартии вольностей

К началу XIII века в Англии сложилась сложная политическая и социально-экономическая ситуация. Королевская власть стремилась к усилению своего влияния, что вызывало недовольство со стороны феодалов, духовенства и части свободного населения страны. Особенно остро противоречия проявились во время правления короля Иоанна Безземельного. В результате войны с Францией Англия потеряла значительную часть своих владений на континенте. Военные поражения серьёзно подорвали авторитет монарха. Также, Иоанн Безземельный вступил в спор с папой римским по вопросу назначения архиепископа Кентерберийского. В ответ папа наложил на Ан-

глию интердикт, а затем отлучил короля от церкви, что ещё больше ослабило положение монарха внутри государства.

Против короля сформировалась оппозиция из числа крупных феодалов. Бароны требовали ограничения королевского произвола и соблюдения традиционных феодальных прав и привилегий. В 1215 году они подняли вооружённое восстание и вынудили короля начать переговоры.

15 июня 1215 года в местности Раннимид, расположенной недалеко от Лондона, Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей. Документ представлял собой соглашение между королём и баронами, определявшее пределы королевской власти и закреплявшее определённые права подданных.

2. Содержание Великой хартии вольностей

Великая хартия вольностей включала 63 статьи, посвящённые различным вопросам государственного управления, судопроизводства, налогообложения и правового положения населения. Большая часть положений документа отражала интересы феодальной знати, однако некоторые нормы имели значительно более широкое значение.

Одним из важнейших положений Хартии стало ограничение налоговой политики короля. Согласно ему, монарх не мог вводить новые налоги без согласия общего совета королевства. В Хартии закреплялся принцип законности судебного разбирательства. Король не имел права произвольно арестовывать, заключать в тюрьму или лишать имущества свободного человека без законного решения суда.

Хартия также ограничивала злоупотребления королевских чиновников. Им запрещалось незаконно изымать имущество, злоупотреблять служебным положением и нарушать права населения. Кроме того, документ уста-

навливал определённые гарантии для городов и торговли. Лондон и другие города сохраняли свои старинные вольности и привилегии.

Отдельные статьи были посвящены деятельности церкви. Хартия подтверждала свободу английской церкви и её независимость от вмешательства короля.

Для контроля за соблюдением Хартии создавался совет из двадцати пяти баронов, которые имели право следить за выполнением королём условий соглашения.

3. Влияние Великой хартии вольностей на мировое право

Значение Великой хартии вольностей вышло далеко за пределы Англии. Документ оказал огромное влияние на развитие мировой правовой и политической мысли. Многие его идеи стали основой современных представлений о правах человека и принципах правового государства.

Особенно сильное влияние Хартия оказала на развитие права в США. При создании американской конституции и Билля о правах использовались принципы ограничения государственной власти и защиты прав личности, сформулированные ещё в XIII веке.

Идеи Великой хартии вольностей нашли отражение и во французской Декларации прав человека и гражданина. Принципы законности, равенства перед законом

и защиты личности стали важнейшими элементами демократических правовых систем.

В современном мире Великая хартия вольностей рассматривается как один из первых документов конституционного характера. Она символизирует борьбу общества против произвола власти и стремление к установлению законности.

Заключение

Таким образом, Великая хартия вольностей 1215 года стала важнейшим этапом в истории английского государства и права. Документ возник в результате борьбы английских баронов против королевского произвола, однако его значение оказалось значительно шире первоначальных целей. Хартия ограничила власть монарха, закрепила отдельные права и свободы подданных, а также она способствовала развитию парламентаризма, судебной системы и конституционных институтов.

Историческое значение Великой хартии вольностей заключается в том, что она стала одним из первых документов, провозгласивших необходимость ограничения государственной власти законом.

Даже спустя многие столетия Великая хартия вольностей остаётся символом борьбы за права человека, справедливость и законность.

Литература:

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / сост. Н. А. Крашенинникова — Москва: Норма, 2021. — 944 С.
2. Великая хартия вольностей 1215 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. Н. А. Крашенинникова — Москва: Норма, 2021. — С. 213–223.
3. История политических и правовых учений — учебник для вузов / под ред. О. Э. Лейста. — Москва: Норма, 2021. — 576 С.
4. Всеобщая история права и государства. / Графский, В. Г. — Москва: Инфра — М, 2022—816 С.

Германское гражданское уложение 1896 года: предпосылки создания и значение для континентальной правовой системы

Афанасьев Роман Михайлович, студент;

Раднаев Владислав Жаргалович, студент

Научный руководитель: Степанов Алексей Георгиевич, кандидат философских наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Данная научная статья посвящена всестороннему историко-правовому анализу процесса создания и последующего влияния Германского гражданского уложения 1896 года на мировую юриспруденцию. В работе детально исследуются социально-экономические, политические и научно-теоретические предпосылки, обусловившие необходимость масштабной кодификации частного права в объединенной Германии. Особое внимание уделяется деятельности пандектной школы права и интеллектуальному противостоянию сторонников исторической и рационалистической школ. Автор анализирует уникальную структуру Уложения, его высокотехнологичный юридический язык и специфические институты, такие как общая часть и абстрактные сделки. В заключительной части статьи оценивается глобальное значение Уложения как фундаментального акта германской правовой группы, оказавшего определяющее воздействие на развитие

гражданского законодательства в странах Европы, Азии и Латинской Америки, а также на формирование российской цивилистической традиции.

Ключевые слова: германское гражданское уложение, пандектная система, история государства и права, гражданское право, правовая рецепция, кодификация, юридическая техника, германская правовая группа, пандектистика.

Германское гражданское уложение 1896 года: предпосылки создания и значение для континентальной правовой системы

Процесс формирования Германского гражданского уложения, вошедшего в историю под аббревиатурой BGB, является одним из самых длительных и интеллектуально насыщенных периодов в истории западноевропейского права. К середине девятнадцатого века германские земли представляли собой лоскутное одеяло не только в политическом, но и в правовом смысле, что катастрофически сдерживало темпы промышленной революции. На западе страны, на территориях, некогда оккупированных наполеоновскими войсками, прочно укоренился французский Гражданский кодекс, отличавшийся ясностью и либерализмом. В Пруссии продолжало действовать громоздкое и казуистичное Прусское земское уложение 1794 года, которое пытались регламентировать жизнь подданных во всех деталях, от семейных отношений до сословных привилегий. В других регионах применялись саксонское право, различные городские статуты и, что самое важное, рецептированное римское право в его современной интерпретации, известное как современное использование пандектов. Как подчеркивает Эрик Аннерс, такая правовая пестрота создавала ситуацию, при которой предприниматель, перемещавшийся между Берлином, Франкфуртом и Мюнхеном, оказывался в совершенно разных правовых координатах, что делало невозможным долгосрочное планирование и создание общенациональных корпоративных структур [1, с. 397]. Создание Северогерманского союза, а затем и провозглашение Германской империи в 1871 году в Версале превратило задачу юридической унификации из чисто научной проблемы в вопрос национального выживания и государственного престижа.

Идейная подготовка этой грандиозной кодификации была отмечена глубочайшим философским конфликтом, известным как спор о призвании нашего времени к законодательству. Профессор Антон Фридрих Юстус Тибо, вдохновленный успехами французской кодификации, видел в едином гражданском кодексе мощный инструмент национального объединения и призывал к немедленному составлению текста на основе принципов разума. Однако его оппонент, выдающийся юрист Фридрих Карл фон Савиньи, выступил с манифестом, в котором доказывал, что право — это не произвольный акт законодателя, а органическое проявление народного духа, подобное языку или культуре. Савиньи полагал, что Германия еще не выработала достаточного

научного инструментария для создания кодекса, который бы не стал мертвой буквой. Согласно Савиньи, прежде чем приступать к написанию законов, необхо-

димо было провести глубочайшую ревизию и систематизацию имеющегося правового материала, накопленного веками [2, с. 510]. Эта позиция, несмотря на свою кажущуюся консервативность, привела к расцвету германской юридической науки — пандектистики. В течение последующих десятилетий немецкие правоведы, такие как Пухта, Виндшайд и Дернбург, занимались тем, что вычленили из массива римских текстов общие принципы и логические категории, создавая стройную систему понятий, которая впоследствии стала скелетом для всего здания Германского гражданского уложения.

Работа первой комиссии по разработке Уложения, начавшаяся в 1874 году под руководством Бернхарда Виндшайда, стала апогеем пандектного подхода. Проект, представленный в 1887 году, был образцом логической завершенности, но в то же время отличался крайней абстрактностью и использованием тяжелого академического языка, понятного только узкому кругу специалистов. Этот документ вызвал волну критики со стороны представителей различных политических и научных лагерей. Особое значение имели выступления Отто фон Гирке, который обвинил проект в том, что он лишен национального лица и является механическим переводом римских догм на язык современной канцелярии. Гирке указывал, что кодекс игнорирует традиционные германские институты общинного землевладения и социальной солидарности, продвигая радикальный индивидуализм, выгодный лишь крупному капиталу [3, с. 720]. Эта критика привела к созыву второй комиссии, в состав которой вошли не только ученые-пандектисты, но и практики, представители аграриев и промышленников. Вторая редакция проекта была дополнена положениями, которые должны были смягчить жесткий либерализм документа. Как указывают О. А. Жидков и Н. А. Крашенинникова, именно во второй редакции появились важные нормы, ограничивающие право частной собственности в общественных интересах и вводящие принципы справедливости в договорные отношения [4, с. 480].

Структурное построение Германского гражданского уложения стало настоящим прорывом в юридической технике своего времени. Выбор пандектной системы вместо традиционной институциональной позволил законодателю вынести все общие правила в первую книгу — Общую часть. Это решение избавило текст от бесконечных повторов, сосредоточив нормы о правоспособности лиц, юридических лицах, объектах права и порядке совершения сделок в едином концептуальном блоке. Последующие книги — Обязательственное право, Вещное право, Семейное право и Наследственное право — опираются на фундамент Общей части, создавая иерархичную

и логически непротиворечивую структуру. Одной из наиболее сложных для понимания, но эффективных с точки зрения оборота конструкций стал принцип абстрактности вещной сделки. Согласно этому правилу, переход права собственности на вещь не зависит от действительности договора купли-продажи; если вещь была передана, то право собственности переходит даже в том случае, если основная сделка впоследствии будет признана недействительной. Как отмечает Конрад Цвайгерт, этот принцип был введен для обеспечения абсолютной чистоты и стабильности торгового оборота, позволяя добросовестному приобретателю не опасаться скрытых пороков в цепочке предыдущих сделок [5, с 456].

Юридический язык Уложения намеренно лишен эмоциональности и художественных изысков, свойственных французскому кодексу. Это язык точно выверенных дефиниций и строгой логики. Каждое слово в тексте имеет строго определенное значение, а структура предложений подчинена задаче исключения малейшей двусмысленности. Однако, понимая невозможность предусмотреть все жизненные ситуации, авторы кодекса сознательно интегрировали в него так называемые резиновые параграфы — общие оговорки. Например, статья 242 обязывает должника исполнять обязательство так, как того требует добрая совесть, с учетом обычаев гражданского оборота, а статья 138 объявляет ничтожными сделки, нарушающие добрые нравы. Эти положения, по мнению Рене Давида, стали своего рода клапанами, через которые судейский корпус мог адаптировать жесткий текст девятнадцатого века к быстро меняющимся социальным и экономическим условиям двадцатого столетия, включая периоды инфляции, войн и смены политических режимов [6, с 351]. Это сочетание формальной строгости и содержательной гибкости позволило Уложению пережить падение империи, Веймарскую республику и период национал-социализма, сохранив свою основу до наших дней.

Глобальное значение Германского гражданского уложения проявилось в его колоссальном влиянии на правовые системы стран, вступавших в эпоху ускоренной модернизации. Для многих государств, не имевших глубокой традиции собственного гражданского права, германский кодекс стал воплощением научной мысли и эффективности. В период Мэйдзи в Японии, после долгих дискуссий между сторонниками французской и германской моделей, выбор был сделан в пользу последней. Японский Гражданский кодекс 1898 года практически полностью воспроизвел пандектную структуру и основные догматы BGB, что позволило Японии в кратчайшие сроки создать правовую базу для индустриального роста [7, с 816]. Аналогичные процессы происходили в Сиаме (Таи-

ланде), Китае и даже в некоторых странах Латинской Америки, таких как Бразилия. Германское право предложило миру не просто сборник законов, а методологию правового мышления, основанную на системности и логической последовательности, что сделало его крайне привлекательным для реформаторов во всем мире.

Для российской правовой системы Германское гражданское уложение сыграло роль интеллектуального катализатора. На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков российская цивилистика находилась под мощнейшим влиянием германской пандектной науки. Проект Гражданского уложения Российской империи, работа над которым велась до самой революции 1917 года, по своей структуре и юридической технике был крайне близок к германскому образцу. Даже после смены общественного строя, при разработке первого советского Гражданского кодекса 1922 года, советские юристы, многие из которых получили классическое образование, сохранили пандектную модель. Как подчеркивает Олимпиад Иоффе, разделение кодекса на общую и особенную части, концепция сделки и сроки исковой давности в советском праве восходят к тем наработкам, которые были кристаллизованы в германском уложении [8, с 777]. Таким образом, даже в условиях идеологического противостояния технико-юридические достижения немецкой школы права продолжали оказывать влияние на правовой ландшафт Восточной Европы.

В завершение исследования следует констатировать, что Германское гражданское уложение 1896 года является не просто национальным законом, а выдающимся памятником мировой юридической мысли, ознаменовавшим триумф пандектного метода. Созданное на стыке веков, оно сумело объединить в себе консервативную верность римским корням с потребностями динамичного индустриального общества. Его разработка стала примером того, как глубокая научная дискуссия и участие различных общественных сил могут привести к созданию документа, способного пережить социально-политические катаклизмы.

Значение Уложения для континентальной системы заключается в формировании особого типа правовой культуры, ориентированной на системность, терминологическую чистоту и абстрактность мышления. Сегодня, в эпоху европейской правовой интеграции, идеи и конструкции, заложенные в BGB более ста лет назад, продолжают служить фундаментом для поиска общих принципов частного права, подтверждая тезис о том, что качественная кодификация является важнейшим условием стабильности и прогресса любого правового государства.

Литература:

1. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс. — Москва: Наука, 1994. — 397 с.
2. Савиньи, Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и правоведению / Ф. К. фон Савиньи. — Москва: Статут, 2011. — 510 с.

3. Жидков, О. А. История государства и права зарубежных стран. В 2 частях. Часть 2 / О. А. Жидков, Н. А. Крашенникова. — Москва: Норма, 2013. — 720 с.
4. Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 томах. Том 1 / К. Цвайгерт, Х. Кётц. — Москва: Международные отношения, 2000. — 480 с.
5. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. — Москва: Международные отношения, 2009. — 456 с.
6. Вагацума, С. Гражданское право Японии / С. Вагацума, Т. Ариидзуми. — Москва: Прогресс, 1983. — 351 с.
7. Бергманн, В. Введение к Гражданскому уложению Германии / В. Бергманн. — Москва: Волтерс Клувер, 2005. — 816 с.
8. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву / О. С. Иоффе. — Москва: Статут, 2000. — 777 с.

Женщины — медицинские сестры на страже защиты Родины. О сестринском подвиге и героизме в аспекте истории России: от прошлых лет к современности

Кузнецова Олеся Михайловна, студент
Владимирский базовый медицинский колледж

В данной работе я хотела бы показать особенности женского подвига, героизма простой российской женщины. Не зависимо от социального статуса, тяжести жизненного положения, отсутствия высокого уровня доходов до последнего вздоха отдающих себя на пути спасения человеческих жизней. Бесстрашно стоят, стояли и будут стоять эти женщины на защите великой родины.

На современном историческом этапе считаем важным понимать и освещать данную тематику, большинство медиков в период СССР, как и на современном этапе исторического развития являются военнообязанными, но ввиду отсутствия необходимости в полной мобилизации, служение родине в рядах российской армии является личным выбором, отважным выбором, патриотичным и героическим выбором!

Каждая из нас, решившая стать медицинской сестрой на наш взгляд должна знать и понимать эту часть истории в подробностях. Только глубокое знание роли своей профессии позволяет быть профессионалом своего дела в полном объёме!

Цель исследования — раскрытие исторической роли медицинских сестёр в защите родины и жизней военнослужащих, с последующим хронологическим описанием и итоговым заключением.

Задачи, поставленные автором при написании статьи:

- Изучение сестринского дела в военно-историческом аспекте,
- Анализ роли женщин в военно-полевой медицине,
- Рассмотрение особенностей деятельности медицинских сестёр в условиях угрозы жизни и здоровья, психологических аспектов женского патриотизма и героизма.

Методы использованные при написании статьи:

- Историко-сравнительные методы. Изучение и сравнительно-исторический анализ имеющихся в научной и художественной литературе, а также в открытых источниках сети интернет исторических знаний по теме статьи

с последующим синтезом наиболее интересных личностей и сообществ.

- Проблемно-хронологический метод и метод периодизации, позволившие выделить в огромном потоке информации о разных периодах развития военно-полевой медицины, наиболее интересные моменты и яркие персоны, с последующим оформлением в хронологическом порядке.

- Обще логические исторические приёмы — описание, сравнение и обобщение.

- Методы теоретического исследования — мысленный эксперимент, моделирование и описание ситуации.

- А также социально-психологические методы изучения личности в историческом аспекте посредством изучения социального положения, жизненных ситуаций с использованием документов и интервью.

Героический подвиг военных женщин, медицинских сестёр на страже Родины!

Год назад выбирая профессию, я ни на миг не сомневалась кем хотела бы стать, своё призвание я знала уже несколько лет и иду к нему дорогой выбранной не наугад. Я решила пойти в медицину не за деньгами и статусом, я пришла чтобы помогать людям. Медики ведут много вековой бой за жизни, армия в белых халатах из века в век воюет со смертью и это уже героический подвиг, но среди моих будущих коллег отдельным строем, стоят медики в погонах, люди, которые смотрят смерти в лицо и вырывают из ее крепких лап, своими натруженными руками будущее, каждый день, не замечая собственного страха, наперекор судьбе они выносят с поля боя всех тех кому подарят жизнь! Армии медицинских сестёр я хочу посвятить это повествование!

Я не на миг не хотим забыть героический подвиг женщин всех профессий, выполняющих свой профессиональный долг в горячих точках — учителей и воспи-

тателей, поваров и пекарей, артиллеристов, водителей, психологов и штурмовиков! Изначально в мире так считается, что женщина это не про войну, это про дом, уют, комфорт, семью и детей. Женщина — это мама и бабушка, это сестра или жена. Но так иногда случается, что женщина и война оказываются бок о бок, идут рука об руку! О женщинах благородной профессии по воле судьбы или по собственному желанию оказавшихся там, где летят пули и разрываются снаряды — это повествование.

«Традиция чествовать выдающихся граждан — это свидетельство общественного признания вашего таланта, трудовых, творческих свершений. Гордость и благодарность вызывают и ратные подвиги во имя свободы, независимости и будущего России» [7] (Президент РФ В. В. Путин)

Испокон веков известны многие подвиги героев! Великие ратники, дружинники, богатыри, казаки, гусары, солдаты и офицеры многие лета защищают нашу великую родину! Каждый из этих подвигов героический и патриотический! Нет малейшего повода на современном историческом этапе обсуждать какие войска более достойные и важные, нет сомнения в ценности каждого рода войск. Мотострелковые войска, штурмовики, танкисты и специалисты по современным беспилотным системам, ВДВ, ВМФ, РВСН и другие, все они оказывают непосильный вклад в защиту России от внешнего врага. При этом, много лет, бок о бок с нашими воинами, практически незаметно, но жизненно важно идут военные медики. Врачи, медицинские сестры и санитары, войско в белых халатах, возвращающее к жизни раненых, надежда страдающих и вера в будущее каждого воина!

О героическом подвиге женщин — медицинских сестёр пойдёт наше повествование! О подвиге сквозь года, десятилетия, века к современности!

«Глубокое знание своей истории, уважительное, бережное отношение к великому патриотическому, духовному, культурному наследию Отечества позволяет делать верные выводы из прошлого» (Президент РФ В. В. Путин) [10].

Зарождение сестринского дела на полях сражений Российской Армии в досоветский период

Исторически сложилось, что основателем военно-полевой медицины в России считается выдающийся русский хирург Николай Пирогов! В период Севастопольской военной кампании новатор медик, применил несколько абсолютно неизвестных до того методов в лечении раненых, в итоге определивших основы военно-полевой хирургии. Пирогов привнёс в медицину идеи создания манёвренного коечного фонда, обучения военных самостоятельной и взаимной помощи, кроме прочего именно он первым привнёс идею о привлечении женщин медиков к оказанию помощи в лечении раненых в условиях войны и на полях сражений, ранее в России, как и в большинстве стран мира помощь военным врачам оказывали только мужчины!

«Специальная подготовка женщин для ухода за больными и ранеными на войне в качестве сестёр милосердия впервые начала осуществляться Крестовоздвиженской общиной сестёр попечения о больных и раненых воинах России, высочайше утверждённой в 1854 г. в Петербурге. Здесь готовились сёстры милосердия именно для работы в военных госпиталях как в мирное, так и в военное время. Инициатором применения женского ухода за больными и ранеными на войне был выдающийся военный хирург Н. И. Пирогов, тесно связанный с общиной». [2]

Известен исторический факт о том, что изначально в ноябре 1854 года в период Крымской кампании на полуостров в расположение общины прибыло 120 сестёр милосердия, женщины были хорошо подготовлены в области оказания медицинской помощи и ухода за больными и ранеными, они имели не только сравнительно высокий багаж знаний, но и отменную физическую подготовку, труд им предстоял в действительности не простой.

«Группа сестёр милосердия в основном состояла из представительниц высших кругов и интеллигенции. Среди них Е. Хитрово, Е. Бакунина, М. Кутузова, В. Щедрина и многие другие. Одним из удивительных моментов, вызывающих восхищение российской женщиной, является то, что не знавшие лишений и изнурительного физического труда, взлелеянные гувернантками, в прочем закалённые и физически крепкие, женщины сменили добровольно и охотно комфортабельные салоны на полевые условия ради ухода за воинами, сражавшимися за отечество». [2]

В письмах жене Н. И. Пирогов отмечал, что сестры «... день и ночь попеременно бывают в госпиталях, помогают при перевязке, бывают и при операциях, раздают больным чай и вино, наблюдают за служителями и за зрителями и даже врачами. Присутствие женщины, опрятно одетой и с участием помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий». [3] Кроме оказания медицинской помощи женщины наводили порядок в помещениях, участвовали в приготовлении питания для пациентов, распределяли довольствие среди раненых. Уже тот период они помогали хирургам при операциях и осуществляли уход в послеоперационном периоде. Тем временем раненных и больных было очень большое количество, не одна сотня человек приходилась на каждую сестру. Данная информация сохранена в записках, сделанных старшими сёстрами отделений в «дежурных журналах».

Среди первых сестёр милосердия были представительницы и более низких сословий. Примером тому является жизненный подвиг Дарьи Севастопольской, на Крымском полуострове и сейчас стоят в её честь бюсты и памятники, имя этой девушки присвоено одной из городских больниц в городе Севастополе и в её честь учреждена медаль. И мы в своей статье не смогли пройти мимо этой интереснейшей фигуры в военно-полевой медицине! Юную Дарью из Севастополя великий русский врач Н. И. Пирогов назвал «душой и судьбой» этого города. Она самостоятельно отправилась на фронт ухаживать за ранеными и больными,

став первой в России сестрой милосердия, Она всем показала, что милосердие — это «милость, оказанная сердцем». [4] Дарья Лаврентьевна Михайлова, родилась в 1838 году в семье матроса Лаврентия Михайлова. Доподлинно место рождения девушки не известно, в разных источниках присутствуют разные данные от пригородов Казани до Сухой балки под Севастополем. Известно, что отец Дарьи пал смертью храбрых в Синопском сражении, за 4 года до того в возрасте девяти лет девочка лишилась матери. С 12 лет сирота сама себя полностью обеспечивала стиркой белья для солдат и матросов. «Себя не жалела, долю свою сиротскую не оплакивала, — работала, не покладая рук, благо, что была очень сильной и выносливой. Настоящая дочь героя моряка!» [4] В первый день осени 1854 года, в Ахтиарскую бухту вошла вражеская эскадра. Для жителей Севастополя эта новость была шокирующей и неожиданной! На борьбу с врагом были брошены все имевшиеся силы! Услышав первые взрывы, и увидев раненых на улицах города Даша приняла единственное, как она считала правильное решение на тот момент! Она продала все своё скромное имущество, включая родительский дом, на вырученные средства купила лошадь, телегу, вино и уксус для обеззараживания ран, чистое белье и белое полотно для перевязок, после чего отправилась на передовую. Понимая, что девушку к раненым мужчинам скорее всего не допустят она отрезает себе волосы, одевает старый бушлат, военные сапоги и бескозырку оставшиеся от погибшего отца.

К 8 сентября, в двадцати восьми вёрстах от города Севастополя состоялось первое кровопролитное сражение на реке Альма. К тому моменту юная Дарья со всем подготовленным уже была там.

«На вопрос, кто таков, бойко отвечала: «Юнга Александр Михайлов!». [4] Скрывшись под мужским именем и обликом, девушка принимала участие в боях в рукопашную и даже взяла в пленного. В не многочисленных источниках описывают ситуацию тех дней так: Дарья не сердилась и не унывала, она училась в полевых условиях оказывать помощь раненым, перевязывать раны, останавливать кровь и приглушать боль. Ранее она никогда не изучала медицину, в то время и богатые женщины не имели лишней возможности к данному ремеслу, а сироту могли допустить разве что к стирке белья при госпитале. А потому, действовала она исходя из жизненного опыта и женского чутья, постепенно нарабатывая знания и умения. Скрывать своё женское происхождение девушка могла не долго — по лёгким движениям бойцы вскоре догадались, что лечит их совсем не юнга. «Даша из Севастополя», — виновато призналась хрупкая девушка. Повозка Даши стала первым в Крыму походным перевязочным пунктом, а она сама — первой фронтовой сестрой милосердия. Доподлинно известно, что юная Даша, рискуя жизнью и день и ночь вывозила раненых с поля боя, позже она организовала полевой госпиталь в заброшенном здании, потом к сироте на помощь потянулись и другие жительницы города. По окончании войны, матросы и солдаты устроили

Даше Севастопольской трогательное прощание и подали на собранные в складчину деньги икону Божьей матери. История девушки сиротки, продавшей все своё имущество во имя спасения жизней дошла и до императора! В определённый период обороны, в Севастополь для поднятия боевого духа приехали сыновья императора Николая I. Они были поражены, историей о девушке, с начала военных действий трудившейся в самых горячих точках. Князья ли сообщили отцу о Дарье или информация дошла из письма Н. И. Пирогова доподлинно неизвестно, но государь приказал наградить сестру милосердия золотой медалью на Владимирской ленте и 500 рублями серебром, награду князья вручали лично. Кроме того, Николай Первый пообещал, что на свадьбу Даше Севастопольской он выделит приданое в 1000 рублей. Своё обещание Император выполнил.

Героический подвиг медицинских сестёр в период Великой Отечественной войны

Не меньший вклад в защиту родины и самоотверженность, чем сёстры милосердия предшествующих войн, привнесли женщины медики времён Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «Стон и боль стояли на земле. Народы Советского Союза сомкнулись в единый кулак. Наравне с мужчинами сражались женщины и дети. Плечом к плечу с воинами Советской Армии прошли дорогами войны от страшных. Суровых дней 1941 года до весеннего победного мая 1945 года советские медики, медики-женщины». [9]

Около 400 человек спасла Е. И. Михайлова (Демина) — санинструктор 369-го отдельного Керченского Краснознамённого батальона морской пехоты. После войны закончила медицинский институт. Награждена орденами Красного Знамени, Отечественной войны и многими медалями, в том числе медалью Флоренс Найтингейл, которой награждают только женщин. Эту медаль учредил Международный Комитет Красного Креста в 1912 г. в память об английской сестре милосердия, посветившей жизнь помощи раненым и больным, начиная с 1854–1856 гг. в период Крымской войны. Е. И. Михайлова (Демина) 6 мая 1990 г. удостоена звания Героя Советского Союза. [9]

На фронт Екатерина попала подростком в возрасте пятнадцати лет. По окончании девятого класса отправилась на каникулы к брату — военному лётчику, который проходил службу в районе Бреста. Ехала на поезде, который 22 июня под Смоленском попал под вражескую бомбёжку. После чего пешком вернулась в Смоленск, там направилась прямиком в городской военкомат, где заявила желание отправиться на фронт медсестрой. Желание своё она обосновала окончанием при обучении в школе специальных курсов по подготовке санитарных инструкторов. Военком отказал, ввиду слишком юного возраста, тогда Екатерина приняла решение на добровольной основе работать в местном госпитале, в последствии, когда по мере приближения фронта госпиталь был

уничтожен вражеской бомбардировкой, девушка пришла в стрелковую часть, занимавшую в тот момент оборону под Смоленском.

В сентябре 1941 Екатерина получила ранение и была отправлена в госпиталь на Урале, а потом в Баку. Именно в Баку она обратилась к военкому с просьбой отправить её на фронт, тогда у неё уже имелись новые документы с исправленной датой рождения и прибавкой в возрасте. Екатерину призвали, но отправили проходить службу в тыл, в медицинское подразделение, занимавшееся эвакуацией раненых. Катюшу сей факт не радовал, в 1943 году она написала письмо в Москву, самому И. В. Сталину. Вождь просьбу девушки удовлетворил и по его приказу она была зачислена в морскую пехоту. В составе 389го батальона прошла путь от Кавказа до Австрии. Участвовала Екатерина в боях на равнине с мужчинами, фашиста была нещадно, за время службы спасла несколько сотен раненых бойцов, была задействована в операциях по форсированию нескольких рек. Со слов сослуживцев и командиров в службе проявляла самоотверженность, высочайшее мастерство и героизм!

Среди своих повествований я не смогла бы пропустить и нашу следующую героиню, настоящего Героя Советского Союза, она прибыла на фронт в совсем юном возрасте, Зинаиде Александровне Самсоновой было 17 лет. Она родилась в Егорьевском районе Московской области. Поступила в Егорьевское медицинское училище не за долго до начала войны. На фронт Зинаида попала в 1942 году, она была назначена на должность санитарного инструктора стрелкового батальона. Осенью сорок третьего, принимая участие в операции направленной на десантирование и захват плацдарма на правом берегу Днепра, она вынесла поля боя не менее 30 бойцов и организовала их переправу на другой берег. 27 января 1944 года, в сражении погиб командир её подразделения, Зина Самсонова взяла в свои руки командование и повела солдат в бой с криком «Орлы, за мной!» В тот день она погибла. За отвагу и мужество, стремление к победе Зинаиде Александровне Самсоновой присвоено звание Героя Советского Союза.

Тучнолובה-Марченко Зинаида Михайловна, родилась в городе Полоцк, в подростковом возрасте с семьей переехала в Сибирь. В 1941 году не за долго до войны Зина вышла замуж за Иосифа Петровича Марченко. В скором времени, с самого начала войны его призвали на фронт, а девушка проходит курсы медицинских сестёр и отправляется на фронт в составе 849 стрелкового полка Сибирской дивизии. В первом бою 11 июля 1942 года Зинаида, на равнине с солдатами мужчинами идёт в атаку, на поле боя оказывает помощь раненым, и тут же эвакуирует раненых. Бой длился трое суток, она вынесла 40 раненых. Общее количество спасённых Зинаидой бойцов больше 120 человек. Но в скором будущем Зину ожидало тяжёлое время! В бою в Курской области в 1943 году при попытке спасти раненого командира Зина бежала по полю боя, получила ранение в ногу, ползла до командира, но увы, он

уже был мёртв. Она взяла командирский планшет с секретными документами, спрятала его за пазухой, после чего раздался очередной взрыв, и Зина потеряла сознание. Очнувшись, увидела немцев и притворилась мёртвой. Они били её оружием по животу, лицу, голове. Зина потеряла сознание, немец ушёл.

Очнувшись девушка ночью, шевелить конечностями не могла, но слышала русскую речь, санитары выносили с поля убитых. Она громко застонала, с каждым разом громче и громче, пока её не заметили. Зинаиду эвакуировали в тыловую госпиталь в Сибирь. У неё поочередно развивалась гангрена на каждой из конечностей, с целью спасения жизни было проведено 4 операции, у Зины не было ни одной полностью сохранённой конечности! Позже врач уговорил её на 5-ю операцию, он смог разделить часть остатка левой руки на две части для имитации двух пальцев. Этими псевдопальцами она в процессе длительных тренировок научилась держать столовые приборы, зубную щётку, а немного позже она заново освоила письмо! Именно этой рукой она напишет прощание к мужу Иосифу, потому как не желала быть для него обузой на всю оставшуюся жизнь. «Милая, дорогая моя жена Зиночка! Получил письмо, очень обрадовался. Мы будем с тобой всегда жить вместе и хорошо, если я конечно, дай Бог останусь жив... Жду твоего ответа. Твой искренне тебя любящий, Иосиф. Быстрее выздоравливай. Будь здоровой и физически и морально. И ничего плохого не думай. Целую». [9] За самоотверженность и милосердие Зинаиде Михайловне Тучнолובהвой-Марченко была вручена медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина, присвоено звание Героя Советского Союза.

Наша большая страна знает несметное количество отважных женщин, стоявших на защите родной земли и спасавших жизни солдат и офицеров в той страшной и смертоносной войне, не всех запечатлела история не всем достались награды, но только все вместе, рука об руку, Советский народ мог отстоять своё право на жизнь и свободу! В настоящее время в период переписывания истории мы, новые поколения, одно за другим должны беречь память о их подвиге и каждый метр нашей Великой родины!

Современный этап

Медицинские сестры в зоне проведения СВО

Для полноты понятия происходящего, дабы не быть голословными, мы встретились с девушкой, своими глазами видевшей все что сейчас происходит там, где льются реки крови, где каждая потерянная минута может стоить жизни воина, где служат женщины спасающие жизни! Не каждая из тех, кто был там, готова назвать своё имя, не все согласны фотографироваться и озвучить подразделение в котором проходят службу и это понятно, ведь все происходит здесь и сейчас! Но все же мы немного узнали и готовы вам рассказать, как наяву!

Смирнова Любовь Алексеевна, родилась в 1992 году в городе Мантурово, том, что находится в Костромской области! Закончила «Костромской областной медицинский колледж имени С. А. Богомолова», с детства мечтала служить в ВДВ, поэтому сразу по окончании учебного заведения собрала документы и помчалась в военкомат, но там выяснилось, что для службы в таком месте у Любы не хватает роста и веса! Но наша Люба, была девушкой не робкого десятка и отправилась служить в место где требования попроще! В 2014 году она прошла все комиссии и попала в медицинскую роту одного очень известного военного подразделения в Московской области. Как говорит Люба, в тот момент ей очень повезло с первым командиром. Под руководством кандидата медицинских наук Сиюхова А. Ш., Люба осваивала тактическую медицину, строевую и огневую подготовку, привыкала к тяготам и невзгодам службы и нового коллектива.

Летом 2025 года Любовь оставила дом и восьмилетнюю дочь на лучшую подругу, и по собственному желанию отправилась в командировку в зону проведения СВО, в Луганскую народную республику, к месту временной дислокации своего подразделения. На вопрос что подвигло к такому решению Люба коротко отвечает — это долг каждого кто носит погоны, мы военные, и наша главная задача защищать родину, это наше предназначение!

Службу девушка проходила в полевом медицинском пункте, но это не тот медицинский пункт, к которым мы привыкли! Он расположен под землей на глубине 3–4 метра, по структуре своей это блиндаж, в котором есть несколько отдельно выкопанных и оборудованных помещений: кабинет первичного приёма, процедурная, перевязочная и операционная! Спать лишний раз медикам не приходится, постоянно идёт поток раненых, медицинские сестры занимаются их сортировкой, подготовкой к медицинским манипуляциям, ассистируют хирургам, проводят перевязки, ставят капельницы и уколы, а ещё на их плечи ложится психологическая поддержка больных!

Ни для кого не секрет, что улыбка медицинской сестры может на ноги поднять бойца не хуже дорогостоящего лекарства, а есть и те, кому порой необходимо строго посмотреть в глаза, погрозить маленьким женским пальчиком, пожурить и настроить на борьбу с недугом! Из рассказа Любы мы узнали, что среди медиков в зоне СВО часто встречаются девушки — осуждённые за уголовные преступления, как правило они выполняют функционал санитаров и сан инструкторов, но есть и медицинские сестры, которые ассистируют врачам хирургам при выполнении операций в полевых госпиталях, держат в руках операционные лампы на протяжении длительного времени пока идёт операция, занимаются эвакуацией раненых с передовой, сбором и доставкой в тыл погибших! Люба честно говорит, что среди бывших преступниц, часто встречаются поистине отважные женщины, до глубины души патриотичные и готовые до конца искупать своё преступление служа родине, а не отсиживаясь в колонии! Сей факт вызывает уважение, а общая боевая за-

дача стирает социальные статусы и границы, ведь там цель у всех одна!

На вопрос, страшно ли находиться там, где идут боевые действия, сложно ли психологически? — Люба отвечает задумчиво, говорит, что чувствуешь там все совсем по-другому, организм больше боится пока ты ещё дома, пока есть возможность передумать и не ехать. Когда же ты уже на месте, страх уходит на задний план, на передний выходит работа в команде. Говорит, что продолжали работать даже когда недалеко от медицинского пункта пролетают мины, когда над блиндажом кружится Баба Яга в поисках цели для сброса, когда в дерево неподалёку прилетает шальная пуля.

С грустью наша сегодняшняя героиня вспоминает, как однажды она отдыхала после длительного трудового дня, в это время доставили только что эвакуированного раненого, медицинские сестры проводили первичный приём и осмотр бойца, находившегося в бессознательном состоянии, после принятия решения о проведении операции девушки стали раздевать бойца срезая одежду, и в этот момент сработало спрятанное врагом под кителем взрывное устройство. Военного к сожалению, спасти не удалось, одной из медсестёр оторвало несколько фланг пальцев, вторая отделалась испугом! Но в этой ситуации интересен тот факт, что операцию девушке провели незамедлительно, отправили её при первой же возможности в тыловую госпиталь, где, пролечившись какое-то время и пройдя реабилитацию, медицинская сестра, которая, казалось бы, недавно смотрела смерти в лицо, долго не думая, отказалась от возможности демобилизации и вернулась к выполнению служебного долга!

Мы спросили Любу, в чем особенность работы именно в прифронтовом госпитале, в отличие от работы на постоянном месте дислокации военного подразделения, как именно она настраивалась на работу, какие именно задачи выполнять сложнее всего? Немного подумав, Люба призналась, что главное отличие заключается именно в психологических аспектах, что она не винит и не корит тех, кто не может перебороть страх смерти, и отказывается от командировки на прифронтовые территории.

— Каждый раз отправляясь отдыхать ты думаешь проснёшься ли в назначенный час, а если проснёшься все ли кто был рядом будут живы и здоровы. Ты волнуешься за себя, за тех, кто ждет дома, за тех, кто спит на соседней кровати, за тех кому ты сегодня оказывала помощь!

— Иногда так случается, что человек с незначительными ранениями умирает, хотя кажется, что у него есть все для того что бы жить. С другой стороны, есть те, кто выживает, не смотря на то что, глядя на него понимаешь, тут дело непоправимо, работаешь, а в голове произносишь известную только тебе одной молитву! Каждый раненый имеет помимо телесной травмы сугубо свой жизненный путь, сугубо своё личное прошлое там, где его либо ждут и любят, либо к сожалению, он чувствует, что дома его не ждут, ему не рады, что он здоровым там был не сильно нужен, а с увечьями тем более. Это и ста-

новится тем самым психологическим аспектом, при котором человек либо до последнего борется за жизнь, либо слишком быстро отпускает руки, а для раненого, как и для любого другого пациента очень важно иметь сильное желание жить! Просто ли выстраивать диалог с раненым, когда он поступает к вам и когда вы вместе с врачами проводите манипуляции?

— Всегда по-разному, кто-то кричит от страха, кто-то молчит от шока, и ты не можешь вытащить из него и пары слов что бы заполнить карту, для проведения операции надо вводить наркоз, его рассчитывают с учётом роста, веса, анамнеза пациента, и даже эти простые данные не всегда легко вытянуть из больного. Есть же и те, кто в состоянии стресса непомерно много говорит, как будто до этого он слишком долго не разговаривал, кто-то пытается в этом состоянии на свидание пригласить, а есть и те, кто срывается на тебя с потоком агрессии, как будто именно ты виновата во всех его бедах. Часто приходится абстрагироваться от происходящего вокруг, отключиться от диалога пациента, находящегося в шоковом состоянии, чтобы работать с врачом, чётко и быстро выполнять его приказы. Ещё немного подумав, Люба с грустью рассказывает о том, что именно там у каждого медика, растёт его личное кладбище, душевный погост из тех, кого не удалось спасти, тех кто отправился спасать других, но не вернулся с боевой задачи живым, тех чья жизнь оборвалась у тебя на глазах.

— Их лица постоянно всплывают в памяти, и эти лица не уходят из головы, иногда ты видишь их во сне. По возвращении трудно принимать мирную жизнь, тяжело воспринимается та колоссальная разница между жизнью тут и там, всего в нескольких сотнях километров от нас! Именно семья и близкие тут становятся главной основой стабильного психологического состояния, именно окружение влияет на твоё будущее.

— Когда ты возвращаешься домой, ты попадаешь в руки психологов, и им отдельное спасибо за их труд, в настоящее время это крайне важно — быть услышанным и получить помощь! Недавно Любовь Алексеевна Смирнова вернулась из зоны СВО к месту постоянной дислокации её подразделения, ей присвоен статус ветерана боевых действий и медаль Воинская доблесть второй степени, сама же она скромно говорит словами из одной из известных песни

«Служил я не за звания, и не за ордена

Не по душе мне звездочки по блату....

А значит надо выстоять покуда не умрем ...» [8]

Мы задали Любе крайний вопрос в нашем диалоге:

— Если возникнет необходимость поехать ещё раз, какое ты примешь решение?

Люба ответила коротко, с улыбкой на лице:

— Я поеду!

К сожалению, не всем удаётся вернуться с боевых заданий, среди не вернувшихся оказалась совсем молодая медицинская сестра Яна Кошина, командир эвакуационной группы штурмовой бригады «Ветераны» носившая

нежный позывной «Ромашка», подчёркивающий исконно русскую душу отважной, но скромной девушки. Яна выросла в Удмуртии в небольшом посёлке нефтяников Игра, вместе со старшим братом она очень рано осиротела, детей забрала к себе бабушка, но вскоре она тяжело заболела, ей диагностировали онкологию, и они переехали к дяде по отцовской линии.

В школе Яна училась хорошо, была любима одноклассниками и педагогическим коллективом, тянулась к творчеству, но после того как заболела бабушка девочка как будто повзрослела на глазах, стала серьёзной и уже тогда выбрала медицину как призвание. После школы поступила в медицинский колледж, другие варианты не рассматривала. По окончании колледжа Яна прямой дорогой шла в военкомат! Но там получила утвердительный отказ, военком сказал, как отрезал: «Вакансий для девушек нет».

Но мы-то знаем, что человек видящий цель, не видит преград! Яна отправилась в добровольческое подразделение «Ветераны». Что важно она была не велика ростом, но при этом весила без малого сто килограмм! В 2022 году впервые попав на тренировочный полигон Яна выиграла первый бой, бой с собой, при полном обмундировании она преодолела вполне себе мужскую полосу препятствий в условиях, приближенных к боевым. Служивцы с восхищением вспоминают Яну, удивляясь тому как может в простой не спортивной девушке помещаться столько воинской доблести, героизма и отваги. Вспоминают, что изначально сомневались сможет ли она привыкнуть к условиям боевых действий к бесконечной работе на передовой, но уже после первой беседы всем стало ясно — эта девушка из тех, кто будет воевать до конца, что она из тех, кто не отступится! В декабре того же года, при отступлении завязались тяжелейшие бои на Сватовском направлении. Яна несколько суток, не зная покоя и сна эвакуировала раненых, в те дни её группа вытаскила с передовой и вывезла более 150 человек!

Зимой у Авдеевки, во время эвакуации раненого бойца, Яна получила тяжёлое ранение. Во время перевязки, над ней чёрной тучей нависла вражеская «птица», через какое-то время враг скинул мину. Осколки снаряда попали под броню повредив внутренние органы, несмотря на это она продолжала осуществлять эвакуацию и вывезла раненого. Сама попала в госпиталь, прошла лечение и оправившись вернулась на передовую, спасать тех, кто уже стал ей как семья! Яна Кошина погибла в сентябре 2023 года, в лобовое окно эвакуационного автомобиля в котором она возвращалась из госпиталя после эвакуации раненых влетел дрон, в момент удара она скончалась на месте. Яна Кошина награждена медалью «За отвагу», орденом Мужества, посмертно представлена к ордену «За заслуги перед отечеством» II степени.

Не можем мы пройти мимо и нашу следующую и последнюю в сегодняшнем повествовании героиню! Людмила Вячеславовна Болилая — Ефрейтор, медицинская сестра стрелкового подразделения ВС РФ. [7] Родилась 18 ноября 1985 года в городе Петровск Саратовской об-

ласти, окончила медицинское учебное заведение в родном городе, трудилась фельдшером на ступинской подстанции скорой помощи. В апреле 2023 года добровольно отправилась в зону проведения специальной военной операции, проходила службу в должности медсестры в мотострелковом подразделении. 31 января 2025 года Людмила Болилая несла дежурство на командном пункте.

Поступила информация о внезапном ударе врага, при отражении атаки были ранены сослуживцы Людмилы. Не думая о себе, она бросилась спасать раненых, смогла эвакуировать из-под обстрела несколько бойцов. Последовала вторая атака, услышав звук приближающегося снаряда Людмила, не думая о себе накрыла собой тяжело раненого, и приняла на себя основную часть осколков. Только решительные и самоотверженные действия медицинской сестры спасли жизни раненых воинов ВС РФ, саму же женщину в крайне тяжёлом состоянии привезли в прифронтовой полевой госпиталь. В последствии медсестра вспоминала обстоятельства того обстрела: «Осколки заходят горячие и не дают острых ощущений. Зашумело в ушах, потемнело в глазах. Я уже понимала, что у меня в животе течёт. Когда все закончилось, лежали в тишине, сверху начали падать деревья — их же тоже посеколо осколками. Подумала, что вот кусочка дерева мне ещё не хватает. Потом нас эвакуировали в медицинский батальон». [5] Людмила Болилая стала второй после Ольги Качуры женщиной, удостоенной звания Героя Российской Федерации за участие в специальной военной операции [6]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц

...

В игре её конный не словит,
В беде не сробеет — спасёт:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт! [11]

Подводя итоги своего повествования, хотелось бы отметить не столь ценность героического подвига в каждом

индивидуальном случае, сколько национальный характер женщин России, дочерей великого народа, обороняющих страну в полях сражений, спасающих жизни в военных госпиталях, реабилитационных центрах, санаторных организациях Вооружённых Сил Российской Федерации! Грамотно организованный и самоотверженный труд медицинских сестёр, основанный на длительном историческом опыте является неотъемлемой частью в едином и целом процессе, процессе защиты населения от внешних угроз в нескончаемых войнах и вооружённых конфликтах, они не ждут высоких званий и несметного богатства они просто встают каждое утро и идут делать свою работу крайне важную, крайне тяжёлую как физически, так и психологически. В отличие от гражданских медицинских сестёр женщины в погонах помимо общих и профильных медицинских знаний на протяжении всего трудового периода постоянно совершенствуют свои знания как в области военной медицины, так и военной службы. Результативность их деятельности так же зависит от психологической подготовки и слаженной работы всей военной медицинской машины государства. В современном мире мы часто наблюдаем стремление женщин к красоте, но так уж сложилось что зачастую к внешним её признакам — косметология, пластическая хирургия, красивые вещи и комфортабельные машины...

Но при всем этом антураже часто забывается тот факт, что настоящая красота она внутри каждой, по-настоящему красивая женщина, красива как снаружи, так и внутри. Светится любовью — любовью к родным, любовью к детям, как к своим, так и чужим, любовью и состраданием к больным и раненым, любовью к своей земле, любовью к Родине. Само понятие профессии медицинская сестра включает в себя две составляющие — слово медицина не нуждается в каких бы то ни было пояснениях, медики — люди, стоящие на защите главной ценности в жизни человека — его здоровья! Слово же сестра наполнено огромным смыслом, сестра она очень близка, сестра бывает строга, сестра она любит, как и мать, безвозмездно, на всегда, не зависимо от обстоятельств! Сестринство на войне имеет помимо медицинской ценности, важную психологическую составляющую! Влюблённым в Россию, героическим и бесконечно светлым, медицинским сёстрам Вооружённых Сил Российской Федерации посвящается!

Литература:

1. Сёстры милосердия Крымской войны — основатели культурных традиций сестринского дела в России / М. Д. Беляева, Е. С. Вилкова, Л. А. Зайнуллина [и др.]. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 14 (94). — С. 390–392. — URL: <https://moluch.ru/archive/94/21019>.
2. Иванова Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002–272с
3. Кулешова Л. И., Пустоветова Е. В. Основы сестринского дела. — Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 2012. Стр???
4. Православный Женский Журнал «Славянка»; ООО «Издательский Дом «СЛАВЯНКА» Московский банк ОАО «СБЕРБАНК РОССИИ» г. Москва. Сентябрь октябрь 2015 год. Татьяна Грудкина
5. https://ru.ruwiki.ru/wiki/Болилая,_Людмила_Вячеславовна#HeGWaHR0cHMI0ElMkYlMkZyZWdpb25zLnJlJTJGc3R1cGluYyRjcWx2xldF92ZWxpa295X3BvYmVkeSUyRmRvLWRyb3poaS1nZXJveS1zdm8taXotc3R1cGluYS1s

eXVkbWlsYS1ib2xpbGF5YS1vLXRvbS1jaHRvLWNodXZzdHZ1ZXQtdS1vYmVsaXNrb3YtZ2VyY3lhbS12ZWxpa295LW90ZWNoZXN0dmVubm95LXZveW55

6. <https://t.me/wargonzo/26697>
7. <https://rg.ru/2025/05/22/putin-nagradil-zvezdoj-geroia-rossii-medsestru-zakryvshuiu-soboj-bojca-ot-obstrelya.html>
8. Сергей Трофимов. Альбом лучшие песни. Аты-баты
9. Присяжная А. В. Женщины — медики Великой Отечественной войны Мемуары 30 ноября 2018 [электронный ресурс] стр19- 20 (дата обращения 9.03.2026)
10. Первый Всероссийский школьный форум «Сила — в правде!» 19.04.2022г. Президент РФ В. В. Путин
11. Некрасов Н. А. Мороз, Красный нос: поэма/ Н. А. Некрасов; — Москва: Современник, 1987. — 61с: цв.ил.;

Салическая правда: нормы семейного и наследственного права

Нугуманова Нелли Маратовна, студент;
Поварницина Карина Дмитриевна, студент;
Шаронова Дарья Алексеевна, студент

Научный руководитель: Степанов Алексей Георгиевич, кандидат философских наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается роль Салической правды, как одного из ключевых памятников раннесредневекового права, свода законов салических франков, составленного в начале VI века при короле Хлодвиге и дополненного его преемниками. Основное внимание уделяется нормам, регулирующим семейные и наследственные отношения во франкском обществе на рубеже античности и Средневековья. Рассмотрены следующие аспекты: брачно-семейные отношения, наследственное право, связь с общественными изменениями. Делается вывод о том, что нормы семейного и наследственного права фиксируют переходные процессы в обществе — от родоплеменных отношений к раннефеодальным, а также демонстрируют постепенное утверждение частной собственности и изменение статуса семьи.

Ключевые слова: Салическая правда, семейное право, солид, вергельд, наследственное право, аллод, община, престолонаследие, раннефеодальное общество.

Один из наиболее значимых правовых памятников раннесредневекового германского права — это Салическая правда (лат. *Lex Salica*, в первоначальной редакции известна как *Pactus legis Salicae*). Негласно ее называли «варварской правдой», которая представляла собой свод обычного права германского племени салических франков [7, с.3]. Сегодня известно более 90 рукописных версий Салической правды, дошедших до современности с разной степенью сохранности.

Цель данной статьи — проанализировать нормы семейного и наследственного права, закреплённые в Салической правде, и оценить их влияние на развитие европейского права.

Сборник решений по конкретным судебным делам, закрепившихся в традиции, известен как судебник. В прологе этого документа фигурируют четыре выборных мужа: Визогаст, Салегаст, Арогаст и Видогаст. Им приписывается роль создателей свода законов, однако современные исследователи скептически относятся к историчности этих персонажей. По их мнению, имена были добавлены искусственно — чтобы подчеркнуть древнее происхождение и авторитет правового текста [2, с.85].

По мнению К. И. Батырю, доктора юридических наук, профессора и автора учебников и монографий по истории государства и права зарубежных стран, семейное

право в первоисточниках фиксировалось, как ряд норм, которые регулировались преимущественно обычаями [1, с.122–125]. Семья у германцев носила патриархальный характер. В семью, возглавляемую отцом, наряду с нисходящими входили боковые родственники, родные и сводные братья, их жены, которых было много, так как они часто сменяли друг Друга. Семьи жили под одной крышей вместе с челядью, а в некоторых случаях — и с вооруженной свитой.

Власть отца по Салической правде не была столь широка. Она напоминала скорее строгую пожизненную опеку над женой, дочерью или сыном. Опека над сыном прекращалась по достижении им 12 лет.

Браку, как и семье, в Салической правде посвящено небольшое число статей. Ему предшествовал сговор между семьями жениха и невесты. Согласие родителей прямо требовалось в Капитулярии 1 к Салической правде. Увод чужой невесты нес за собой возмещение ущерба жениху, равному 15 солидов, увод чужой жены грозил штрафом в 200 солидов. Так же штраф грозил и за похищение девушки. Браки с рабами и рабынями карались утратой свободы. Вдовы не имели права повторно выйти замуж без разрешения суда. Для этого требовалось выплатить определённую сумму (*geirus*) родственникам умершего мужа. В противном случае новый муж мог быть оштра-

фован. О расторжении брака Салическая правда не упоминает. Однако существуют мнения, что они все-таки существовали, поскольку такая практика соответствовала древним правовым обычаям германских племен. Капитулярий Пипина Короткого (744 г.), подтвержденный Карлом Великим (789 г.), устанавливал нерасторжимость церковного брака, поскольку такой брак относился к ряду религиозных таинств. К началу IX в. была установлена обязательность заключения брака путем религиозного обряда.

Для германцев всегда было характерно уважительное отношение к женщинам. Они находились под опекой мужчины (отца до брака, а после — мужа) и пользовались определённой правовой защитой. Вергельд (штраф за убийство) за свободную женщину составлял 600 солидов — столько же, сколько за королевского приближённого. При этом за убийство женщины, которая не могла иметь детей, штраф снижался до 200 солидов (как за обычного общинника), а за убийство матери, уже начавшей рожать детей, — повышался до 600 солидов [4, с.322].

Таким образом, мы видим, что нормы семейного права в Салической правде иллюстрируют переходный характер общества эпохи раннего Средневековья. Сочетание архаичных элементов (например, практики выкупа невесты и отдельных черт матриархата) с новыми установлениями, закрепляющими патриархальный уклад и отражающими влияние христианской церкви, указывает на динамичный процесс трансформации. Со временем под влиянием христианизации и иных внешних факторов правовые институты подвергались существенным изменениям.

Большой интерес для изучения представляет и наследственное право в Салической правде. В Салической правде ничего не говорится о купле-продаже земли. [6].

Институт наследования земли только зарождался. Земля передавалась по наследству мужским потомкам умершего. В титуле «Об аллодах» даже не ставится вопрос, кому передавался пахотный участок земли, если у умершего не было сыновей. Судя по всему, он становился выморочным имуществом или переходил роду. Согласно главе 59 «Об аллодах», земля не могла переходить к женщинам: «Земельное же наследство ни в коем случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужскому полу, т.е. братьям». В случае отсутствия сыновей у умершего земля переходила в распоряжение общины. [6]. Но Салическая правда знала и исключение из этого общего правила. Если в течение года и одного дня ни один из членов общины не высказывал протеста против поселения «чужака», Его землевладение начинало охраняться правом. Салическая правда по существу санкционировала присвоение общинной земли приближенными короля, так как запрещала высказывать протест против переселенца, если на, то была специальная королевская

грамота. Протестующий против королевского распоряжения присуждался к штрафу в 200 солидов. [5, с.157].

Через несколько веков частное землевладение получает широкое развитие.

Присущий «варварской правде» категорический запрет нарушения границ чужого землевладения отражал настойчивое стремление германцев закрепиться силой на завоеванных землях. Косвенным подтверждением этого является сохранявшаяся в течение веков традиция разрешать спор о земле с помощью поединка, если не хватало других доказательств [3, с.319].

Изначально наследственное право в Салической правде строилось на патриархальных принципах: наследование земли шло исключительно по мужской линии, женщины к нему не допускались. Такая практика обеспечивала сохранение целостности семейных владений и укрепляла родовые связи, отражая переход от общинных форм собственности к частным. Однако к середине VI века ситуация начала меняться: при отсутствии мужского потомства право наследования получили женщины. Этот сдвиг способствовал глубоким социальноэкономическим изменениям и подготовил почву для развития феодальных институтов, сделав Салическую правду значимой в истории европейского права.

Подводя итог, можно сказать, что несмотря на фрагментарность правового регулирования, Салическая правда оказала значительное влияние на становление немецкого права.

Закреплённое в Салической правде правило об отстранении женщин от наследования недвижимости сыграло важную роль, став юридическим обоснованием салической системы престолонаследия.

Семейное право Салической правды выступает индикатором переходного состояния общества раннего Средневековья, сочетая архаичные обычаи и новые правовые тенденции. Укрепление патриархальных отношений и влияние христианской церкви, особенно в контексте христианизации, они стали определяющими факторами эволюции правовых институтов данного периода.

Отражая патриархальные нормы: наследование земли ограничивалось мужской линией, исключая женщин из числа наследников. Эта практика помогала сохранять целостность родового имущества и укрепляла связи внутри рода, фиксируя эволюцию от общинных форм собственности к частным. Однако уже к середине VI века проявилась тенденция к трансформации: в отсутствие мужского потомства право наследования распространилось и на женщин. Данный поворот свидетельствовал о глубоких социальноэкономических изменениях и стал важным шагом на пути формирования феодальных отношений, благодаря чему Салическая правда заняла особое место в истории европейского правового развития.

Литература:

1. Батыр, К. И. Всеобщая история государства и права. — Москва, 1995. — 357 с.

2. Воронов, Г. Е. Салическая правда как источник первых правовых учений / Г. Е. Воронов // Молодой учёный. — 2021. — № 38 (380). — С. 85.
3. История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров / под ред. К. И. Батыра. — 5 е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2013.
4. Крашенинникова, Н. А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 х томах. — М.: Юридическое издательство Норма, 2020. — 672 с.
5. Неусыхин, А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. — М.: Изд во АН СССР, 1956. — 420 с.
6. Салическая правда / пер. Н. П. Грацианского. — М., 1950.
7. Салическая правда / Рус. пер. Lex Salica Н. П. Грацианского и А. Г. Муравьёва; с введением Н. П. Грацианского. — Казань: Маркелов и Шаронов, 1913. — XXXVIII, — 56 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Русский символизм в культуре *fin de siècle*: философия и художественная практика

Нигматуллина Эльза Булатовна, студент

Научный руководитель: Кирсанова Юлия Алексеевна, старший преподаватель
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье автор исследует русский символизм в культуре *fin de siècle*: его философию, основных представителей и художественную практику.

Ключевые слова: русский символизм, культура *fin de siècle*, Серебряный век, декаданс, модернизм, Владимир Соловьёв, Александр Блок, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов.

Понятие *fin de siècle* (фр. «конец века») первоначально появилось во Франции около 1886–1890 годов как обозначение специфического умонастроения, связанного с переживанием истощенности, усталости и надвигающегося кризиса. Оно несло в себе коннотации декаданса, разочарования и в то же время тревожного ожидания чего-то принципиально нового [1, с. 44]. Постепенно понятие вышло за пределы французского контекста и стало обозначать общеевропейский культурный климат последних десятилетий XIX — первых лет XX века. Распространение этого термина в европейской культуре свидетельствовало о том, что переживание рубежной эпохи как времени особенной, специфической культурной ситуации стало общим достоянием образованного сословия Европы, а не принадлежало исключительно французской литературной среде.

Историческим фоном для возникновения этого умонастроения послужил комплекс социально-экономических и культурных трансформаций, охвативших европейское общество во второй половине XIX века. Бурный промышленный рост и урбанизация создали новую городскую среду, далёкую от природных ритмов, в которой человек ощущал себя потерянным и отчуждённым. Торжество позитивизма и естественных наук, обещавших дать исчерпывающее объяснение мира, к концу века обернулось разочарованием: наука не решила фундаментальных вопросов о смысле существования, а обезбоженный мир казался холодным и бессмысленным [10, с. 168]. К этому следует добавить общий кризис европейской политической системы, рост социальных противоречий, обострение национальных вопросов и предчувствие надвигающейся большой войны — всё это создавало атмосферу тревожного ожидания, в которой символистское искусство

с его тягой к мистическому и запредельному приобретало особую актуальность.

Параллельно разворачивался кризис традиционных религиозных ценностей, описанный Ницше как «смерть Бога». Для значительной части европейской интеллигенции старые религиозные ориентиры утратили убедительность, а новых не появилось — отсюда острое переживание «богооставленности», характерное для культуры *fin de siècle*. Это переживание питало как декадентскую эстетику упадка, так и символистский мистицизм — «попытку обрести новый, внецерковный путь к трансцендентному» [4, с. 20]. Возникновение многочисленных оккультных и теософских обществ конца XIX века — Теософского общества Е. П. Блаватской, ордена «Золотой Зари», антропософии Р. Штайнера — свидетельствует о масштабах духовного голода эпохи и о готовности интеллигенции искать ответы на вечные вопросы за пределами как ортодоксальных конфессий, так и научного рационализма. Многие символисты — как на Западе, так и в России — вовлекались в оккультные и мистические поиски, видя в них продолжение своей художественной работы.

Символизм представляет собой одно из наиболее сложных и многогранных явлений европейской культуры рубежа XIX–XX столетий. Возникнув как литературное и художественное движение в Западной Европе, прежде всего во Франции, он быстро распространился за пределы одной страны и одного вида искусства, превратившись в подлинную культурную программу, претендовавшую на коренное переосмысление отношений человека с миром, языком, трансцендентным. Понятие *fin de siècle* («конец века»), первоначально несшее иронический и пессимистический смысл, со временем стало обозначением целой эпохи со специфическим мировоззрением, эстетикой

и образом жизни — эпохи, породившей символизм в его всеевропейском масштабе. Изучение этого феномена требует комплексного культурологического подхода, учитывающего как философские основания движения, так и многообразие его художественных воплощений.

Декаданс и символизм нередко смешиваются и в научной литературе трактуются как одно явление, хотя между ними существуют важные различия. Декаданс акцентировал переживание упадка, болезненную рафинированность чувств, культ красоты ради красоты и эстетизацию страдания, тогда как символизм стремился к активному преобразению действительности силой искусства. Тем не менее оба явления вышли из одного культурного климата и нередко объединяли одних и тех же авторов. Так, Шарль Бодлер был и предтечей декаданса, и «первым поэтом-символистом» (определение С. Малларме). Различие между этими двумя явлениями часто оказывается различием не идеологическим, а темпераментным: там, где декадент констатирует упадок и погружается в него с утончённым самолюбованием, символист преодолевает упадок в акте художественного творчества, преобразующего данность в символ.

В области метафизики ключевую роль для русских символистов сыграла философия Владимира Соловьёва (1853–1900) с её учением о Всеединстве и Вечной Женственности (Мировой Душе). Соловьёв разработал концепцию теургии — преобразования мира силой религиозно-художественного творчества, что непосредственно переходило в символистскую программу «жизнетворчества и соответствия искусства религиозному деланию» [5, с. 154]. Поэзия самого Соловьёва, особенно его стихотворения, посвящённые Софии, Премудрости Божией, стала непосредственным источником вдохновения для младших символистов — прежде всего для Блока и Белого. Соловьёвская метафизика, соединяющая платонизм, христианскую догматику и романтическую традицию, предложила русскому символизму ту философскую глубину, которой недоставало его западным аналогам, нередко остававшимся в рамках эстетической программы.

Символизм выработал собственный концептуальный аппарат, отличавший его от предшествующих художественных направлений и ставший основой его эстетической программы. Рассмотрим ключевые категории этого аппарата. Следует сразу отметить, что эти категории не были произвольными изобретениями отдельных авторов, но возникли в результате длительной рефлексии над природой искусства и его отношения к действительности, волевав в себя опыт предшествующих эпох — прежде всего романтизма и немецкого идеализма — и придав ему новую, специфически символистскую форму.

Центральной категорией, определяющей само название направления, является символ. В отличие от аллегии, которая даёт однозначное соответствие между образом и понятием, символ принципиально многозначен и неисчерпаем. Андрей Белый определял символ как «соединение разнородного», как образ, который указывает на нечто за-

предельное и при этом остаётся неисчерпаемым в своём смысловом богатстве [2, с. 143]. Вячеслав Иванов различал два типа символа: «восходящий», который возводит от видимого к умопостигаемому, и «нисходящий», при котором идея воплощается в чувственном образе [5, с. 199]. В обоих случаях символ мыслился как точка сгущения смыслов, где земное и небесное, временное и вечное пересекаются в едином образе. Такое понимание символа принципиально отличает его от метафоры, от аллегии, от эмблемы и от любых других форм опосредованной репрезентации. Метафора переносит смысл с одного предмета на другой на основании сходства; аллегия шифрует отвлечённую идею в конкретном образе; эмблема представляет собой устоявшееся культурное соответствие. Для понимания символизма необходима также категория теургии, разработанная прежде всего в рамках русского символизма. Теургия — буквально «богоделание» — означала представление о том, что художественное творчество не просто отражает или украшает мир, но реально преобразует его, приближая к Абсолюту. Вячеслав Иванов и Андрей Белый развивали идею о том, что «истинный художник-символист совершает религиозное по своей природе действие, участвуя в создании нового, преображённого бытия» [5, с. 212]. Эта концепция вела к нераздельности жизни и творчества, к знаменитому символистскому «жизнетворчеству» — стиранию границы между искусством и биографией художника. Практика жизнетворчества нашла своё наиболее яркое воплощение в жизни и творчестве таких фигур, как Александр Блок, превративший свою любовь к Л. Д. Менделеевой в религиозно-мистическое событие, или Андрей Белый, для которого каждый жизненный поступок становился элементом грандиозного художественного и духовного проекта.

Значимой категорией является синтез искусств, восходящий к вагнеровской идее *Gesamtkunstwerk*. Символисты стремились преодолеть специализацию отдельных искусств, добиваясь их взаимопроникновения. Отсюда — характерная для эпохи тяга к созданию произведений, соединяющих поэзию и музыку, живопись и театр, архитектуру и орнаментику. Журнал «Мир искусства» в России был посвящён именно пропаганде такого синтетического подхода к культуре [9, с. 145]. Идея синтеза искусств реализовывалась не только в теоретическом дискурсе, но и в конкретных художественных проектах: в антрепризе «Русских сезонов» С. П. Дягилева, где музыка, хореография, живопись декораций и костюмов сплетались в единое целое; в поэтических вечерах с музыкальным сопровождением; в оформлении интерьеров и книжных изданий, где текст, иллюстрация, орнамент и шрифт мыслились как взаимосвязанные элементы единого произведения. Символистский синтез искусств стал одним из истоков всего позднейшего художественного авангарда с его тягой к преодолению жанровых и видовых границ.

Русский символизм занимает особое место в истории европейской культуры рубежа XIX–XX веков. Он не был простым заимствованием западных образцов, но пред-

ставял собой «самобытное явление, вобравшее и переработавшее западные влияния в соответствии с отечественной философской традицией, религиозными исканиями и социальной ситуацией в России» [8, с. 7]. Русский символизм возник в стране, переживавшей период глубоких социальных трансформаций: отмена крепостного права, промышленная модернизация, рост городской интеллигенции, обострение социальных противоречий — всё это создавало напряжённый исторический фон, на котором развивалось новое художественное движение. Русские символисты с самого начала мыслили своё движение не просто как литературную школу, но как ответ на духовные запросы эпохи, как программу культурного обновления России.

В истории русского символизма принято выделять два поколения: «старших символистов» (1890-е годы) и «младших символистов» (1900-е годы). Это деление, несмотря на свою условность, отражает реальные различия в мировоззрении и эстетических установках двух групп. Различия эти касались не только хронологии, но и самого понимания природы и задач символизма: если старшие символисты видели в нём прежде всего художественный метод и стилистическую программу, то младшие трактовали его как целостную религиозно-философскую установку, органически связанную с соловьёвской метафизикой и эсхатологическими настроениями начала века.

«Старшие символисты» — Валерий Брюсов (1873–1924), Константин Бальмонт (1867–1942), Фёдор Сологуб (1863–1927), Дмитрий Мережковский (1865–1941) и Зинаида Гиппиус (1869–1945) — воспринимали символизм прежде всего как художественный метод, позволяющий преодолеть ограниченность позитивистского и реалистического подходов к действительности. Мережковский в своей книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) сформулировал программу русского символизма, выделив три его опоры: мистическое содержание, символ как художественное средство и расширение художественной впечатлительности [7, с. 56]. Брюсов, главный организатор движения, три сборника «Русские символисты» (1894–1895) сделал первым печатным манифестом нового направления в русской поэзии. Брюсовская поэзия с её культом формального мастерства, эрудиции, исторических и мифологических аллюзий, а также его теоретические статьи в журнале «Весы» определили лицо русского символизма в его начальный период. Бальмонт принёс в русскую поэзию новое звучание — музыкальность, импрессионистическую размытость образа, культ мгновения и экзотических впечатлений. Сологуб в своих стихах и особенно в романе «Мелкий бес» (1905) разработал мрачную символику житейского уродства и метафизического зла, ставшую одной из самых характерных черт русского декаданса.

«Младшие символисты» — Александр Блок (1880–1921), Андрей Белый (1880–1934), Вячеслав Иванов (1866–1949), Сергей Соловьёв (1885–1942) — были напрямую связаны с религиозно-философской традицией Вл. Со-

ловьёва и разрабатывали символизм как целостную философию культуры, а не просто как поэтическую школу. Для «младших» символизм был прежде всего жизненной и религиозной установкой, а теургия — практическим заданием художника [2, с. 246]. Мировоззренческое ядро младшего символизма составляло ожидание грядущего преображения мира, понимаемого в софиологических и эсхатологических категориях. Это ожидание пронизывало как их художественную практику, так и повседневную жизнь, превращая дружеские кружки в мистические братства, а поэтические собрания — в сакральные события.

Особое место в русском символизме занимает творчество Александра Блока. Его ранняя «мистическая» лирика, вышедшая под влиянием соловьёвского учения о Вечной Женственности («Стихи о Прекрасной Даме», 1904), воплощает символистский идеал в его наиболее чистом виде: земная возлюбленная поэта просвечивает сквозь образ вневременной духовной сущности, горизонт имманентного и трансцендентного сдвигается, создавая напряжение между мирами. В поздних циклах («Снежная Маска», «Страшный мир») Блок переживает крушение символистской утопии, однако не отказывается от масштабного символического мышления [3, с. 12]. Поэма «Двенадцать» (1918), написанная Блоком под непосредственным впечатлением от Октябрьской революции, стала его последним великим произведением и одновременно точкой, в которой символистская эсхатология встретила историческую реальность, породив один из самых загадочных и обсуждаемых текстов русской литературы XX века. Статья «Интеллигенция и Революция» (1918) и речь «О назначении поэта» (1921) представляют собой последние манифесты символистского мировоззрения, сформулированные на пороге новой эпохи.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) стал наиболее радикальным теоретиком русского символизма. Его книга «Символизм как миропонимание» (1910) систематизировала теоретические основы движения, а романы «Серебряный голубь» (1910) и «Петербург» (1913–1914) стали высшими достижениями символистской прозы. «Петербург» [2, с. 382] — произведение, где символистский метод применён на уровне самого языка, ритмической организации прозы, превращающейся в партитуру. Белый разработал уникальную концепцию «ритма как диалектики», опираясь на антропософское учение Рудольфа Штайнера, к которому он пришёл во второй половине 1910-х годов. Его теоретические работы — «Символизм» (1910), «Луг зелёный» (1910), «Арабески» (1911) — представляют собой едва ли не самый значительный вклад в теорию символизма во всей европейской традиции, сочетая филологическую виртуозность с философской глубиной и визионерской страстностью.

Вячеслав Иванов являлся наиболее философски образованным представителем русского символизма. Его концепция «реального символизма», разработанная в трактатах «По звёздам» (1909) и «Борозды и межи» (1916),

настаивала на онтологическом статусе символа: символ не просто художественный приём, но инструмент подлинного познания реальности [5, с. 203]. Ивановская «Башня» — его петербургская квартира на Таврической улице — стала культурным центром символистской эпохи, местом знаменитых «Сред», на которых встречалась вся культурная элита России начала XX века. На «Средах» Иванова бывали не только поэты-символисты, но и философы (Н. Бердяев, Л. Шестов), представители других художественных направлений, религиозные мыслители. Французская традиция по праву считается колыбелью символизма в литературе. Её истоки принято возводить к Шарлю Бодлеру (1821–1867), чья книга «Цветы зла» (1857) стала подлинным манифестом новой чувствительности. Бодлер первым в европейской поэзии ввёл в качестве полноправных поэтических тем урбанистический пейзаж, болезненное и уродливое, трагическую дисгармонию красоты и порока. «Башня» Иванова стала своеобразным аналогом парижских «вторников» Малларме, но превзошла их масштабом культурного влияния и интенсивностью духовных исканий.

Значимым институтом русского символизма стали журналы и издательства. Журнал «Мир искусства» (1898–1904) под редакцией Сергея Дягилева, хотя и не был собственно символистским, выражал близкие эстетические позиции и познакомил русскую публику с западным символистским искусством. Журнал «Весы» (1904–1909) под руководством Брюсова стал главным теоретическим органом символизма. Издательство «Мусaget» [4, с. 27], основанное в 1910 году, специализировалось на символистской литературе и философии. Помимо этих ключевых изданий, следует упомянуть журналы «Новый путь», «Вопросы жизни», «Золотое руно», «Труды и дни», каждый из которых играл свою роль в символистском культурном строительстве. Совокупность этих изданий создавала плотную культурную инфраструктуру, в рамках которой символизм мог развиваться как целостное движение, а не как совокупность разрозненных индивидуальных усилий.

Специфику русского символизма определяли несколько факторов. Во-первых, глубокая укоренённость в национальной религиозной традиции и православной духовности: русские символисты, в отличие от многих западных коллег, разрабатывали символизм не как эстетику, но как религиозное делание. Во-вторых, острое ощущение социального кризиса и «историко-апокалиптические» настроения, усиленные революционными потрясениями 1905 и 1917 годов. В-третьих, соединение западноевропейского символизма с отечественной традицией — «соловьёвской метафизикой, Достоевской эсхатологией, тютчевской лирикой» [8, с. 98]. Эти три фактора, действуя совместно, породили явление, не имеющее прямых ана-

логов в европейской культуре рубежа веков. Русский символизм оказался одновременно более философски нагруженным и более религиозно ориентированным, чем его западные аналоги, и одновременно — более политически чутким, более способным отзываться на исторические потрясения эпохи.

В кинематографе символистское наследие проявилось в творчестве ряда режиссёров, разработавших язык «визуальной поэзии»: Андрей Тарковский, Ингмар Бергман, Федерико Феллини создавали фильмы, в которых визуальный образ несёт смысловую нагрузку, несводимую к нарративу, а структура произведения подчиняется музыкальным принципам. Это прямое наследование символистской программы музыкальности как высшего принципа художественной организации [10, с. 173]. «Зеркало» (1974) и «Сталкер» (1979) Тарковского представляют собой наиболее очевидные примеры кинематографического символизма второй половины XX века. В этих фильмах единичный образ — как в символистской поэзии — оказывается заряжен смысловой избыточностью, превосходящей любую однозначную интерпретацию; нарратив подчиняется не линейной логике, а логике «лирической композиции», где ритм и метафора важнее фабулы.

Важно также отметить влияние символизма на структурализм и семиотику. Юрий Лотман и московско-тартуская семиотическая школа разрабатывали теорию символа как такого знака, который обладает избыточной смысловой памятью, несёт культурный «архив» значений и не исчерпывается ни одним отдельным смыслом [6, с. 192]. Это понимание символа является прямым научным оформлением того, что символисты формулировали в интуитивно-поэтической форме. Лотмановские работы «Символ в системе культуры» (1987), «О двух моделях коммуникации в системе культуры» (1973) и другие показывают, как символистская интуиция о многозначной природе символического образа может быть превращена в строгий концептуальный инструмент анализа культурных явлений. Аналогичные процессы происходили в западной семиотике — у Умберто Эко, Поля Рикёра, Цветана Тодорова — также по-своему разрабатывавших теорию символа в прямом диалоге с символистской эстетической традицией.

Подводя итог, можно констатировать, что русский символизм представлял собой самостоятельный и оригинальный вклад в общеевропейскую культуру рубежа XIX–XX веков. Уникальное сочетание западных влияний с национальными философскими и религиозными традициями создало явление, превзошедшее своих западных источников в плане философской глубины и культурной амбициозности. Именно поэтому русский символизм сегодня воспринимается как одна из вершин европейской культуры «серебряного века».

Литература:

1. Беззубова, О. В. Концепция «конца века» и культурная программа *fin de siècle* / О. В. Беззубова // *Studia Culturae*. — 2021. — Вып. 47. — С. 41–53.

2. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый; сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. — М.: Республика, 1994. — 528 с.
3. Блок, А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5 / А. А. Блок; ред. В. Н. Орлов. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. — 799 с.
4. Богомолов, Н. А. Русский символизм: проблемы и перспективы изучения / Н. А. Богомолов // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 161. — С. 16–29.
5. Иванов, Вяч. Борозды и межи. Опыты эстетические и критические [Электронный ресурс] / Вяч. Иванов. — URL: https://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0050.shtml (дата обращения: 10.03.2026).
6. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПб, 2005. — 704 с.
7. Мережковский, Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д. С. Мережковский; вступ. ст. Д. С. Устинова. — М.: Юрайт, 2024. — 118 с.
8. Пэйман, А. История русского символизма / А. Пэйман; пер. с англ. В. В. Исакович. — М.: Республика, 2000. — 415 с.
9. Сарабьянов, Д. В. Стиль модерн: истоки, история, проблемы / Д. В. Сарабьянов. — М.: Искусство, 1989. — 294 с.
10. Соловьёва, Т. А. Эстетическая программа символизма в контексте европейской культуры рубежа XIX–XX веков / Т. А. Соловьёва // Вопросы философии. — 2022. — № 8. — С. 167–178.

ПЕДАГОГИКА

Проектная деятельность как средство развития критического мышления у младших школьников на уроках математики

Анфалова Екатерина Юрьевна, студент

Научный руководитель: Макарчук Яна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В статье рассматривается проблема развития критического мышления у обучающихся третьих классов на уроках математики. На основе анализа психолого-педагогической литературы и результатов опытно-экспериментальной работы автором обосновывается эффективность проектной деятельности как средства формирования аналитических, логических и рефлексивных умений. Представлен и подробно описан комплекс проектных заданий по математике, интегрирующий приёмы технологии развития критического мышления.

Ключевые слова: критическое мышление, проектная деятельность, младший школьник, урок математики, универсальные учебные действия, эксперимент.

Project activities as a means of developing critical thinking in primary school students in mathematics lessons

The article deals with the problem of developing critical thinking in third-grade students in mathematics lessons. Based on the analysis of psychological and pedagogical literature and the results of experimental work, the author substantiates the effectiveness of project activity as a means of forming analytical, logical and reflexive skills. A set of project tasks in mathematics, integrating the techniques of critical thinking development technology, is presented and described in detail.

Keywords: critical thinking, project activity, primary school student, mathematics lesson, universal learning actions, experiment.

Современная система начального образования в соответствии с ФГОС НОО ориентирует педагогов не на передачу готовых знаний, а на формирование у обучающихся универсальных учебных действий, среди которых особое место занимают познавательные и регулятивные. В условиях стремительного роста информационного потока способность критически оценивать информацию, анализировать факты и принимать обоснованные решения становится необходимым условием успешного обучения и социализации [6].

Под критическим мышлением вслед за Д. Халперн и Д. Клустером мы понимаем способность анализировать информацию, выделять причинно-следственные связи, отделять факты от мнений, аргументировать свою позицию и делать логически обоснованные выводы [2; 5]. Младший школьный возраст (7–10 лет) является сензитивным периодом для развития элементов критического мышления. В этот период, как отмечают Л. С. Выготский и Д. Б. Эльконин, происходит переход от наглядно-образ-

ного мышления к словесно-логическому, формируются основы учебной деятельности и развивается рефлексия [1; 7].

Уроки математики обладают уникальным потенциалом для развития критического мышления, что обусловлено логической строгостью математического содержания, наличием различных способов решения задач, необходимостью анализа условий и работы с противоречиями и ошибками. Однако традиционная репродуктивная методика обучения, основанная на объяснении, показе и тренировке, недостаточно эффективна для решения данной задачи.

Одним из наиболее эффективных средств развития критического мышления на уроках математики является проектная деятельность. Как отмечают С. Н. Фортыхина и Н. А. Козлова, наиболее продуктивной методикой развития критического мышления является именно проектная деятельность, поскольку пошаговое создание продукта предполагает наличие структурных элементов

критического мышления [4]. Однако, как показывает анализ научно-методической литературы, потенциал проектной деятельности в начальной школе используется недостаточно, эпизодически, без опоры на четкую систему приемов, направленных именно на развитие критического мышления. Данное противоречие определило проблему и тему настоящего исследования.

Цель исследования — теоретически обосновать и опытно-экспериментальным путем выявить эффективность использования проектной деятельности для развития критического мышления младших школьников на уроках математики.

Теоретической основой исследования послужили труды Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина (системно-деятельностный подход); концепция критического мышления Д. Халперн, Д. Клустера, Ч. Темпла; а также теоретические основы проектной деятельности в образовании (Е. С. Полат, Н. Ю. Пахомова).

Исследование проводилось на базе МОБУ СОШ № 9 г. Минусинск. В нём приняли участие 50 обучающихся третьих классов в возрасте 9–10 лет. Были сформированы две группы: экспериментальная (ЭГ, $n=25$) и контрольная (КГ, $n=25$). Выбор третьего класса обусловлен тем, что к этому периоду у школьников уже сформированы основы учебной деятельности, и они способны к работе над учебными проектами.

Исследование включало три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный. Для диагностики уровня развития критического мышления был использован комплекс из трех адаптированных методик, а также метод педагогического наблюдения.

1. Методика «Выделение существенных признаков» (адаптация теста «Простые аналогии»). Цель: оценка операций анализа, сравнения и обобщения на математическом материале. Учащимся предлагалось 5 заданий, в каждом из которых нужно было найти «лишнее» математическое понятие в ряду и обосновать свой выбор. Максимальный балл — 10.

2. Методика «Нахождение нескольких способов решения задачи» (авторская разработка на основе работ Н. Б. Истоминой). Цель: оценка гибкости мышления и способности отказаться от шаблонного решения. Учащимся предлагалась задача на нахождение периметра прямоугольника, которую нужно было решить тремя различными способами. Максимальный балл — 3.

3. Методика «Оценка достоверности утверждений» (адаптация субтеста «Логические рассуждения»). Цель: выявление умения находить ошибки в готовых рассуждениях и аргументировать свою позицию. Учащимся предлагалось 5 математических утверждений; нужно было определить, верно оно или нет, и доказать свою точку зрения. Максимальный балл — 5.

Оценка проводилась по трёхуровневой шкале (высокий, средний, низкий уровень) по параметрам: полнота и точность анализа, количество найденных способов решения, аргументированность суждений.

Результаты первичной диагностики показали, что исходный уровень сформированности критического мышления в обеих группах был сопоставим и являлся преимущественно низким и средним. Высокий уровень был зафиксирован лишь у 12–16 % третьеклассников. Наибольшие затруднения у обучающихся вызывали задания, требующие гибкости мышления (поиск нескольких способов решения задачи: 56 % низкого уровня в ЭГ и 52 % в КГ) и аргументированной оценки информации (48 % низкого уровня в обеих группах). Пересказ математического текста и поиск альтернативных способов решения оказывался для большинства учащихся значительно более сложным, чем выполнение стандартных вычислительных заданий.

Наиболее показательными стали результаты диагностики способности к аргументации (методика № 3). Даже при верном определении достоверности утверждения дать развёрнутое обоснование смогли лишь единицы (8 % в ЭГ и 12 % в КГ). Типичным был ответ: «Нет, это неправильно» — без объяснения причин. Полученные данные подтвердили необходимость разработки и внедрения специальной системы работы.

На формирующем этапе в экспериментальной группе в течение десяти недель (февраль — апрель 2026 года) на уроках математики и во внеурочной деятельности реализовывался разработанный нами комплекс проектных заданий. Контрольная группа занималась по традиционной программе без использования проектной деятельности.

Комплекс включал пять проектов, построенных по принципу постепенного усложнения — от индивидуальных мини-проектов к коллективному проекту.

Проект 1. «Геометрия вокруг нас» (индивидуальный мини-проект). Направлен на развитие умений анализировать, сравнивать и классифицировать геометрические фигуры. Учащиеся находили в окружающей обстановке (классная комната, улица) предметы, имеющие форму геометрических фигур, зарисовывали их и составляли кластер «Геометрические фигуры вокруг нас». Использовались приёмы «Корзина идей» и классификация.

Проект 2. «Числовые закономерности в дате моего рождения» (индивидуальный мини-проект). Направлен на развитие аналитических способностей и умения выявлять закономерности. Каждый учащийся исследовал свою дату рождения: определял чётность/нечётность, разрядный состав, сумму цифр, составлял магические квадраты. Использовался приём «Дерево предсказаний».

Проект 3. «Задачи в стихах» (парный проект). Направлен на развитие умения анализировать условие задачи, находить несколько способов решения и аргументировать выбор наиболее рационального. Каждая пара придумывала задачу в стихах, затем обменивалась с другой парой и решала её двумя-тремя различными способами. На этапе презентации учащиеся аргументировали, какой способ является наиболее рациональным.

Проект 4. «Измерение площади и периметра нашего класса» (групповой проект, 4–5 человек). Направлен на развитие умений планировать, анализировать, оцени-

вать и рефлексировать. Учащиеся измеряли длину и ширину классной комнаты, вычисляли периметр и площадь, сравнивали с нормативами, предлагали варианты рациональной расстановки мебели. На этапе рефлексии использовалась «Лестница успеха».

Проект 5. «Математический журнал класса» (коллективный проект). Направлен на развитие умений синтезировать, оценивать, аргументировать и рефлексировать. Каждый учащийся придумывал математическую задачу, головоломку или сказку, класс отбирал лучшие работы, и редакционная группа оформляла сборник. Использовались приёмы «Шесть шляп мышления» и синквейн.

Каждый этап проектной деятельности (проблематизация, планирование, поиск информации, анализ, презентация, рефлексия) сопровождался соответствующими приёмами технологии развития критического мышления

(кластер, «Верю — не верю», «Мозговой штурм», «Совместный поиск», решение задач с «ловушками», синквейн, оценочные листы).

Важным компонентом системы стало формирование навыков самоанализа и взаимооценки с использованием оценочных листов по критериям: полнота анализа, количество найденных способов, аргументированность и самостоятельность.

После завершения формирующего эксперимента была проведена повторная диагностика с использованием того же диагностического инструментария. Сравнительный анализ данных констатирующего и контрольного этапов выявил устойчивую положительную динамику в экспериментальной группе по всем диагностируемым параметрам, в отличие от контрольной группы, где значимых изменений не произошло.

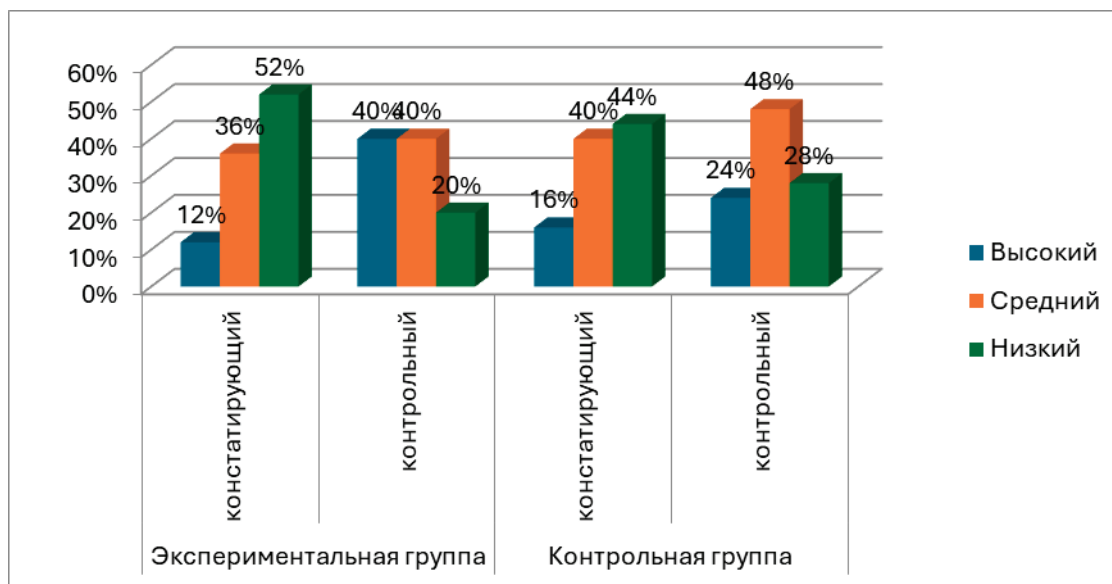

Рис. 1. Сравнительная диаграмма распределения учащихся по общему уровню сформированности критического мышления (контрольный этап)

Как видно на рисунке 1, в экспериментальной группе количество учащихся с низким уровнем критического мышления сократилось с 52 % до 20 % (снижение на 32 %), тогда как в контрольной группе — с 44 % до 28 % (снижение на 16 %). Количество учащихся с высоким уровнем в ЭГ увеличилось с 12 % до 40 % (прирост 28 %), в КГ — с 16 % до 24 % (прирост 8 %). Наиболее заметная динамика в ЭГ зафиксирована по показателям гибкости мышления (высокий уровень по методике № 2 вырос с 12 % до 32 %) и умения аргументировать свою позицию (с 8 % до 40 %).

У детей ЭГ были зафиксированы качественные изменения в речевых и мыслительных действиях. При выполнении задания на выделение существенных признаков учащиеся стали давать развёрнутые обоснования, например: «лишний отрезок, потому что он не является геометрической фигурой, в отличие от треугольника, квадрата и круга». При решении задач на нахождение периметра учащиеся предлагали два-три способа (по определению,

через сумму двух сторон, через сумму произведений) и аргументировали, какой способ рациональнее: $(6+4) \times 2$ — это быстрее, потому что мы сначала складываем, а потом умножаем». При оценке достоверности утверждений учащиеся использовали логические связки: «если..., то...», «потому что...», «следовательно...». В контрольной группе большинство учащихся продолжали использовать шаблонные способы решения, а аргументация оставалась поверхностной («так правильно», «учительница так говорила»).

Интегральным результатом стал переход большинства детей ЭГ (80 %) на средний и высокий уровни критического мышления, для которых характерно самостоятельное выполнение заданий, требующих анализа, поиска альтернатив и аргументации.

Проведённое экспериментальное исследование подтвердило гипотезу об эффективности разработанного комплекса проектных заданий. Системная реализация

проектной деятельности на уроках математики с интеграцией приёмов технологии развития критического мышления позволяет:

1. Значительно повысить гибкость мышления младших школьников, их способность находить несколько способов решения одной задачи.
2. Развить умения анализировать, сравнивать, обобщать и классифицировать математический материал.
3. Сформировать умение аргументированно оценивать достоверность утверждений и обосновывать свою позицию.
4. Добиться перехода от преимущественно низкого и среднего уровня критического мышления к высокому у большинства учащихся экспериментальной группы.

Таким образом, проектная деятельность на уроках математики является эффективным средством развития

критического мышления младших школьников. Ключевой принцип, которым следует руководствоваться при организации такой работы, — систематичность, постепенное усложнение проектных заданий (от индивидуальных мини-проектов к коллективным) и обязательная интеграция приёмов развития критического мышления в каждый этап проектной деятельности.

Результаты исследования могут быть использованы в практике работы учителей начальных классов на уроках математики, а также в системе повышения квалификации педагогических кадров. Дальнейшие исследования могут быть направлены на адаптацию разработанного комплекса для 2-х и 4-х классов, а также на изучение возможностей цифровых образовательных платформ для организации проектной деятельности.

Литература:

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 2022. 352 с.
2. Клустер Д. Что такое критическое мышление? // Русский язык. 2015. № 29. С. 3–6.
3. Пахомова Н. Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении. М.: АРКТИ, 2015. 112 с.
4. Фортыхина С. Н., Козлова Н. А. Развитие критического мышления младшего школьника посредством проектной деятельности // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 11 (189). С. 528–531.
5. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2018. 512 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]: утв. Приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 № 286. URL: <https://fgos.ru>
7. Эльконин Д. Б. Психология развития человека. М.: Академия, 2016. 480 с.

Изучение опыта работы учителей-логопедов по профилактике общего недоразвития речи у детей дошкольного возраста

Бабиц Анна Сергеевна, студент

Научный руководитель: Сапогова Ольга Леонидовна, старший преподаватель
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка (г. Минск, Беларусь)

В статье представлены результаты изучения опыта работы учителей-логопедов по профилактике общего недоразвития речи у детей дошкольного возраста. Исследование проводилось методом анкетирования с использованием Google Forms. Анкета включала пять блоков вопросов, охватывающих общую информацию о респондентах, определение целей и содержания консультирования, организация процесса взаимодействия с родителями, оценка эффективности и трудности и рекомендации и предложения по улучшению процесса консультирования. На основе анализа ответов 23 респондентов сделаны выводы о современном состоянии профилактической работы и предложены направления её совершенствования.

Ключевые слова: общее недоразвитие речи, профилактика речевых нарушений, учитель-логопед, анкетирование, опыт работы, дошкольный возраст.

Проблема общего недоразвития речи (ОНР) остаётся одной из наиболее острых в современной логопедии. Согласно данным специальной литературы, дети с ОНР составляют от 40 % до 60 % от общего числа дошкольников с речевой патологией. При этом специалисты всё чаще говорят о необходимости не только коррекции уже сформировавшихся нарушений, но и их ранней про-

филактики. Однако остаётся открытым вопрос о том, как организована профилактическая работа в реальной практике дошкольных учреждений и с какими трудностями сталкиваются учителя-логопеды ежедневно. Для ответа на эти вопросы было проведено эмпирическое исследование, в котором изучался опыт работы учителей-логопедов по профилактике ОНР.

Исследование проводилось в период с апреля по май 2026 года. В нём приняли участие 23 учителя-логопеда, работающих в учреждениях дошкольного образования. Для сбора данных использовалось анкетирование, которое проводилось с помощью Google Форм. Такой формат позволил охватить специалистов из разных учреждений, обеспечить анонимность ответов и удобство обработки данных.

Анкета включала пять блоков вопросов. Первый блок был посвящён общим сведениям о респондентах (стаж работы, контингент детей, частота ОНР в работе). Второй блок касался целей и задач консультирования (что важнее всего донести до родителей на этапе ранней диагностики, какие методы профилактики рекомендуются чаще всего). Третий блок выявлял информацию о самом процессе консультирования родителей (какая форма консультаций является наиболее эффективной, частота их проведения). Четвёртый блок был направлен на изучение эффективности и трудности консультирования (главные проблемы, осведомлённость родителей и оценка взаимодействия с родителями). Пятый блок фиксировал рекомендации, непосредственно от учителей-логопедов, по улучшению условий консультирования родителей.

Результаты анкетирования. Первый блок: общие сведения о респондентах. Анализ ответов показал, что большинство опрошенных (60 %) имеют стаж работы менее 3 лет. Наиболее распространенный контингент детей — категория ТНР (тяжелые нарушения речи). Касательно вопроса, как часто встречаются случаи конкретно ОНР разного уровня, выяснилось, что это основная категория детей. Учителя-логопеды буквально ежедневно сталкиваются с данной категорией детей. Это означает что, консультативная работа в контексте профилактики ОНР играет очень важную роль.

Второй блок: цели и содержание консультирования. Было определено, что, на этапе ранней профилактики ОНР до родителей лучше всего будет донести о важности речевого окружения и общения с ребенком, так посчитало около 90 % отвечающих. Этому есть объяснение. Большинство родителей, как показывает практика, в современном мире весьма мало уделяют внимание живому общению с ребенком. К сожалению, в 21 веке его заменяют внушительным разнообразием гаджетов, что плохо сказывается на дальнейшем речевом развитии ребенка. Что касается рекомендуемых методов профилактики ОНР, ответы учителей-логопедов расходились. Исходя из анализа, более 80 % предпочитают включать в свои рекомендации проведение артикуляционных гимнастик в игровой форме, а также расширение пассивного и активного словаря через бытовые ситуации.

Третий блок: организация процесса консультирования. На вопрос «Какую форму организации консультирования родителей Вы считаете наиболее эффективной?» задействованы были всего два варианта ответа из предложенных. 80 % учителей-логопедов предпочитают индивидуальные беседы (очные), где можно с глазу на глаз поговорить с родителями и ответить на интересующие их вопросы. Остальная часть отвечающих (20 %) предпочли

вариант групповых родительских собраний, что тоже в свою очередь весьма неплохо, ведь когда несколько родителей обращаются с одним и тем же запросом, целесообразнее будет провести групповую консультацию.

При обработке данных, касающихся частоты проведения профилактических консультаций, мнения респондентов кардинально расходились. 30 % придерживались варианта проведения консультаций два раза в месяц, 30 % — один раз в месяц, еще 40 % — по запросу родителей (интенсивно, пока есть проблема). Также выяснилось, что большинство учителей-логопедов регулярно используют в своей практике консультирования наглядность для родителей в виде видеоупражнений, различных схем и чек-листов.

Четвёртый блок: оценка эффективности и трудности самого процесса консультирования. Благодаря опросу удалось выяснить наиболее частые проблемы в консультировании родителей, с которыми учителя-логопеды сталкиваются ежедневно. Ответы разделились поровну, 50 % — низкая мотивация родителей («Само пройдет») и 50 % — нехватка времени у родителей на выполнение рекомендаций.

Что касается нехватки времени у родителей — это наиболее частая проблема, так как некоторые родители работают допоздна, или имеют два и более ребенка.

Исходя из вопроса «Как по Вашему мнению родители понимают разницу между «профилактикой» (предотвращение нарушения) и «коррекцией» (исправление нарушения)?», выяснилось, родители либо путают данные термины, требуя коррекции там, где нужна профилактика и наоборот, либо априори не вникают в подобную терминологию, что весьма печально.

В данном блоке также рассматривался и вопрос удовлетворенности взаимодействием с родителями в контексте профилактики ОНР в учреждениях дошкольного образования. Более 60 % отвечающих удовлетворены, около 30 % считают, что система хорошо построена и всего 5 % — не удовлетворены. Это очень хорошие показатели, так как наличие системы организации консультирования повышает ее эффективность.

Пятый, заключительный блок предполагал рекомендации непосредственно от учителей-логопедов. На вопрос «Какие три главных совета Вы бы дали молодым родителям для профилактики ОНР у их 2-летнего ребенка?» были получены следующие наиболее популярные ответы:

- общение с ребенком (в том числе оречевление своих действий);
- развитие мелкой моторики и артикуляции;
- ограничить использование гаджетов;
- игры, включающие лепет, звукоподражания;
- чтение познавательной литературы (сказки, больше наглядного материала).

Также удалось выяснить какие конкретно методические или технические ресурсы помогли бы сделать консультирование более эффективным. По сути, это именно то, чего не хватает учителям-логопедам, а именно:

- расширение информации в интернете;
- интерактивные панели;
- сайт с готовой информацией для родителей;
- наличие интернета в детском саду.

Ну и по завершению анкетирования было предложено поделиться предложениями об улучшении процесса консультирования родителей в целях профилактики ОНР. Получены следующие данные:

- усиление раннего выявления и профилактики;
- предлагать конкретные, подробно расписанные рекомендации, игры и упражнения;
- создавать круглые столы для родителей, беседы.

Сравнение ответов по всем пяти блокам позволило выделить несколько важных моментов. Логопеды в целом правильно определяют цели и содержание консультативной работы по профилактике ОНР. Сама организация процесса консультирования выстроена достаточно хорошо и имеет систему, однако периодичность консультаций очень различается у специалистов, это может свидетельствовать о высокой загруженности специалистов. Оказалось, что большую трудность в осуществлении консультативной работы вызывают именно родители, исходя из результатов анализа четвертого блока. А также, выяснилось, чего конкретно не хватает учителям-логопедам в учреждениях дошкольного образования для проведения наиболее эффективных консультаций — технических средств.

Обработка результатов анкетирования показала, что проблема организации консультирования по профилактике ОНР стоит достаточно остро. Полученные данные убедительно свидетельствуют о необходимости разработки более четкой модели консультирования, в которой профилактика общего недоразвития речи станет не такой уж и страшной и энергозатратной для родителей.

На основе анализа результатов анкетирования у нас сложилось несколько твердых убеждений относительно современного состояния профилактики ОНР.

Необходима разработка специальных программ ранней профилактики для детей 2–3 лет, с четкими критериями отбора, конкретными упражнениями и простым языком для родителей.

Родители — это не проблема, а ресурс. Да, они часто не мотивированы, не понимают важности занятий, не умеют

заниматься. Но это не их вина. Их не научили. Задача логопеда — не требовать, а обучать. И обучать нужно на понятном языке, с конкретными примерами, с четкими инструкциями. Мы убеждены, что правильно составленная консультация, доступная и практичная, способна изменить поведение родителей гораздо эффективнее, чем любые уговоры и запугивания.

Система профилактики ОНР нуждается в стандартизации. Каждый логопед работает «как умеет» и «как привык». Нет единых критериев, по которым оценивалась бы эффективность профилактической работы. Нет обязательного минимума консультаций для родителей. Нет типовых программ для детей разного возраста. Мы понимаем, что полная унификация невозможна и не нужна, но базовый стандарт, включающий обязательный объем консультативной работы и минимальный набор методов, необходим.

Разработка систематизированной «библиотеки» консультаций для родителей — одна из самых актуальных задач современной логопедической практики.

Проведенное исследование позволило нам изучить реальный опыт работы учителей-логопедов по профилактике ОНР у детей дошкольного возраста. Результаты анкетирования, охватившего пять блоков вопросов, показали следующее.

Практика консультирования родителей по профилактике ОНР в дошкольных учреждениях в целом сложилась, специалисты владеют необходимыми методами и приемами, осознают важность данного направления работы. Однако существуют системные трудности: нерегулярность консультаций в ряде случаев, низкая мотивация части родителей и их нехватка времени, терминологическая путаница.

Вследствие этого наиболее перспективными направлениями совершенствования консультативной работы можно считать необходимость разработки унифицированных, доступных для восприятия материалов, акцент на разъяснении разницы между профилактикой и коррекцией, а также поиск гибких форм взаимодействия, учитывающих занятость современных родителей. Такая работа позволит логопедам более эффективно организовать взаимодействие с семьей и повысить качество профилактической работы в целом.

Развитие эмоционально-эстетических чувств у дошкольников специализированной группы

Беликова Нина Александровна, воспитатель;

Хороших Наталья Николаевна, воспитатель;

Черепнёва Ольга Васильевна, воспитатель

МБДОУ Детский сад № 40 «Золотая рыбка» г. Старый Оскол (Белгородская область)

Ключевые слова: родители, педагоги, компенсирующей направленности

Уже с раннего возраста у ребёнка должно развиваться эстетическое восприятие, умение понимать и ценить произведения искусства, красоту и богатство родной природы.

Художественно-эстетическое образование — сложный и длительный процесс, во время которого дети получают первые художественные впечатления, приобщаются к искусству, овладевают разными видами художественной деятельности, среди которых большое место занимают рисование, лепка, аппликация, конструирование, музыка и др.

В концепции дошкольного образования говорится о необходимости развития у детей чувства прекрасного, формирования эстетического вкуса, желания выражать себя в художественной деятельности. Коллектив нашей группы особенно интересуется эта проблема.

Для решения задач нравственно-эстетического образования в группе компенсирующей направленности для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата мы создаём соответствующие условия, продумываем организацию воспитательно-образовательного процесса, находим новые формы работы: проектный метод, личностно ориентированный подход. С родителями проводим нетрадиционные собрания. Создаём в группе условия, где художественно-эстетическое образование является как бы фоном общевоспитательной работы, чтобы ребёнок, переступая порог детского сада, попадал в обстановку, способствующую развитию эстетического вкуса, и мог заниматься художественной деятельностью в групповой комнате.

Что мы сделали? В центре художественного творчества разместили мольберты, необходимое оборудование для творчества, на стенах — фриз (для рисования мелками, аппликации). Установили индивидуальные фланелеграфы разной формы с набором геометрических и сюжетных фигур. Разместили в родительском уголке галерею детских рисунков, где также выставляются репродукции картин художников. Таким образом, в группе создали условия для разнообразной художественной деятельности, которой дети занимаются как под руководством воспитателя, так и по собственной инициативе.

Для творчества в рисовании, лепке, аппликации большое значение в нашей работе имеет художественное слово, музыка.

Мы организовали кружковую работу. Тема: «Знакомство детей с художественным искусством». Разработали

перспективный план на год с учётом всех форм методической работы.

Составили конспекты непосредственно образовательной деятельности. Сценарии разработали поквартально — с краткой характеристикой программных задач на каждый квартал.

Свои впечатления и новые знания дети передают в художественно-продуктивной деятельности, используя нетрадиционные виды рисования (граттаж, рисование по мягкой бумаге, пальчики-кисти). Элементы художественного творчества применяются во многих видах деятельности в качестве интеграции. Например, во время деятельности познавательного цикла ребята рисуют или лепят то, о чём узнали, ведь детям с ограниченными возможностями необходимо развивать мелкую моторику рук.

Детей стимулируют реальные образы, используются стилевые особенности цвета, присущие художественной росписи.

Главное внимание уделяем формированию у детей нравственно-волевых качеств личности, эмоционально-образного восприятия изобразительного искусства, художественно-образного начала в рисунках, лепке, аппликации. Рассматриваем и такие вопросы, как сочетание разных способов изображения предметов и явлений действительности (графических, пластических, декоративно-силуэтных), соотношение творчества и методов развивающего обучения в заданиях разного характера.

Мы проводим с родителями беседы, консультации, предлагаем разнообразные домашние задания, рекомендуемые для каждого ребёнка. В результате такой работы родители приобщают детей к художественному образованию: стараются бывать с ними в музеях, выставочных залах. Работы ребёнка украшают интерьер квартиры, используются при оформлении помещений к празднику, для подарков родителям, сверстникам.

Развиваем интерес, внимание, любознательность, эмоциональный отклик на отдельные эстетические свойства и качества предметов окружающей действительности.

Формируем умение рассматривать картинку, рисунок, узнавать в изображённом знакомые образы предметов, живых объектов, понимать сюжет, эмоционально и эстетически реагировать, сопереживать героям.

Рисунки используем для создания панорамы, на декоративно оформленных салфетках дети расставляют вы-

лепленные и украшенные узором чашечки — всё это побуждает к творческой деятельности.

К концу пребывания в детском саду дети достигают определённого уровня художественного развития: эмоционально воспринимают содержание произведения, запоминают и узнают знакомые картины, иллюстрации, народные игрушки; замечают изобразительно-выразительные средства (ритм, цвет, форму, композицию и т. д.), с помощью этих средств создают образ в рисунке, лепке

и аппликации, оценивают то, что получилось: отмечают выразительность формы, линии, силуэта, цветового сочетания, симметричность декоративного узора, орнаментальной аппликации. Таким образом формируются творческие способности, необходимые для последующего обучения изобразительному искусству в школе, так как наши дети после обучения в группе компенсирующей направленности в основном обучаются в общеобразовательных школах.

Литература:

1. Дошкольное воспитание. — 2026. — № 10.
2. Детство: Программа развития и воспитания детей в детском саду / В. И. Логинова, Т. И. Бабаева, Н. А. Ноткина [и др.] ; под ред. Т. И. Бабаевой, З. А. Михайловой, Л. М. Гурович. — 3-е изд., перераб. — Санкт-Петербург : Детство-Пресс, 2004. — 244 с.
3. Казакова, Т. Г. Развивайте у дошкольников творчество (Конспекты занятий рисованием, лепкой, аппликацией). Пособие для воспитателя детского сада / Т. Г. Казакова. — Москва : Просвещение, 1985. — 192 с.

Перспективы реализации модели управления процессом формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников

Волков Александр Николаевич, студент магистратуры
Томский государственный педагогический университет

В статье выявляется значимость формирования гражданской ответственности и патриотизма современных школьников, описывается проведённое исследование по разработке и реализации модели управления процессом формирования у них гражданской ответственности и патриотизма, а также предлагается создание определённых организационно-педагогических условий реализации модели для эффективной модернизации управления процессом формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников в общеобразовательном учреждении.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, гражданско-патриотическое воспитание, модель, управление, процесс формирования гражданской ответственности и патриотизма.

Каждое цивилизованное государство на сегодняшний день заинтересовано в формировании граждан-патриотов. Российская Федерация среди задач политики внутри государства имеет создание специальных условий для формирования патриотизма и гражданской ответственности детей и подростков, как отмечено в статье 67.1 Конституции РФ [1]. Особенное значение данная задача приобретает в период проведения военных операций, направленных на защиту национальных интересов, целостности территории и безопасности населения своей страны от внешней угрозы со стороны других государств.

Формирование у обучающихся гражданской ответственности и патриотизма, духовности, любви к своей Родине является не только одной из задач педагогов школы, но и всей работы общеобразовательного учреждения, процесс осуществления которого требует специального управления.

Несмотря на достаточно большое количество проведенных исследований по проблеме формирования гражданской ответственности и патриотизма в рамках гражданско-патриотического воспитания школьников, на данный

момент до сих пор не были раскрыты полностью понятия «гражданственность» и «патриотизм», не сформирован исчерпывающий перечень личностных качеств гражданина и патриота страны. Кроме того, практически не исследован процесс управления формированием гражданской ответственности и патриотизма школьников в общеобразовательном учреждении. Так, на сегодня можно отметить единичные публикации в области управления процессом гражданско-патриотического воспитания, формирования гражданско-патриотических качеств у школьников (О. А. Талиповой, Р. Ф. Гатауллиной Р. Ф., А. М. Богдановой [3] и др.).

Практика показывает, что управленческая деятельность различных структур, организаций и объединений, участвующих в решении задачи формирования гражданина и патриота в общеобразовательных учреждениях, зачастую характеризуется бессистемностью, обязательные мероприятия в общеобразовательных учреждениях по гражданско-патриотическому воспитанию школьников проводятся чаще в канун праздничных дат, редко применяются инно-

вационные формы работы с учениками в соответствии с их возрастными и психологическими особенностями.

Проблема управления в исследуемом ключе заключается и в наличии широко применяемой практики редукции новых организационных форм управления применительно к функционированию общеобразовательного учреждения, что обусловлено недостаточной разработанностью концепций, моделей и методики управления процессом формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников.

При этом, определённые проблемы в области управления процессом формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников возникают вследствие того, что до сих пор еще не принят единый нормативно-правовой акт, который бы закрепил на федеральном уровне дефиниции «гражданственность» и «патриотизм» и процесс их формирования, распределил обязанности между разными субъектами гражданско-патриотического воспитания, возложил ответственность за отсутствие принимаемых мер в направлении гражданско-патриотического воспитания обучающихся в школах. Также не выработана и единая (основная) методика формирования гражданской ответственности и патриотизма современных школьников.

Нормативную базу исследования составили федеральные законы и нормативные акты Министерства просвещения, а также ряд региональных нормативно-правовых актов, в которых определяется актуальность и направления патриотического воспитания на определённый период, а гражданственность рассматривается в контексте формирования патриотизма гражданина своей страны [2].

Анализ литературы по проблемам формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников, а также практики реализации данного процесса в общеобразовательных учреждениях позволили выявить противоречия между современными требованиями общества и государства к системному управлению процессом формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников и недостаточной готовностью общеобразовательного учреждения к его разработке и осуществлению, между необходимостью создания условий осуществления данного процесса и недостаточной организационной и теоретико-методической разработанностью управления процессом формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников в деятельности общеобразовательного учреждения.

Решению данных противоречий, по-нашему мнению, может способствовать модернизация управления данным процессом в реалиях деятельности общеобразовательного учреждения, в том числе посредством внедрения модели управления формированием гражданской ответственности и патриотизма школьников.

Выявленные противоречия и недостаточная разработанность организационно-управленческих аспектов формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников обусловили цель исследования как теоретически обосновать, разработать и апробировать модель управления процессом формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников в общеобразовательном учреждении.

В ходе исследования был проведен эксперимент, состоящий из трех этапов: констатирующий, формирующий и контролирующий. В процессе проведения констатирующего этапа была теоретически обоснована актуальность модернизации процесса управления формированием гражданской ответственности и патриотизма школьников, проведено анкетирование и тестирование респондентов, в результате которого был выявлен низкий и средний уровень сформированности гражданской ответственности и патриотизма школьников МАОУ СОШ № 19 г. Томска, потребность во внедрении инновационных форм проведения внеурочных занятий по гражданско-патриотическому воспитанию, проведения курсов повышения квалификации педагогов по инновационным формам развития гражданской ответственности и патриотизма учеников, реализации программ совместной деятельности с общественными организациями по гражданско-патриотическому воспитанию. Также была установлена необходимость реализации ряда организационно-педагогических условий для более эффективного формирования гражданской ответственности и патриотизма учеников, специальной деятельности рабочей группы в данном направлении.

На формирующем этапе эксперимента была разработана и реализована модель управления процессом формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников с целью модернизации данного процесса и повышения степени сформированности гражданской ответственности и патриотизма школьников (рисунок 1). Гражданственность и патриотизм непосредственно формируются под влиянием разнообразных факторов и условий, в которых находится личность. Современные школьники уже начиная с 1 класса приобщаются к ценностям своего народа и государства, а с 5 класса они получают представление о гражданской ответственности и патриотизме как консолидирующих качествах личности. В связи с чем, гражданско-патриотическое воспитание обучающихся на уровне получения основного общего образования требует применения разнообразных форм и методов внеурочной деятельности, так как именно в данном периоде развития ребенка начинается процесс его взросления и формируются его важнейшие личностные качества.

В связи с чем в содержание модели входят следующие блоки:

1. Целевой блок — определяет цель реализации модели.
2. Содержательно-деятельностный блок, включающий: непосредственно преподавание учебных предметов и проведение внеурочных мероприятий (с использованием инновационных форм) в рамках реализации соответствующих программ, повышение квалификации педагогов в области внедрения инновационных форм и методов формирования гражданской ответственности и патриотизма школьников и осуществление совместной с общественными организациями деятельности по гражданско-патриотическому воспитанию; реализацию организационно-педагогических условий, средств реализации модели и рабочую группу — субъектов, ответственных за ее реализацию.

На сегодняшний день преподавание учебных предметов истории и обществознания, также, как и внеурочная деятельность по гражданско-патриотическому воспитанию на уровне основного общего образования реализуется в рамках федеральных рабочих программ («Разговоры о важном», «Россия — мои горизонты», «Памятные места моего края», «Моя семья»), поэтому целесообразным представляется добавить некоторые темы занятий, проводимых с использованием инновационных форм внеурочной деятельности.

3. Результативный блок включил инструментарий (анкеты и тесты) и критерии оценивания эффективности реализации модели интеллектуальный, аксиологический, деятельностный).

Результативность проявляется в модернизации процесса формирования гражданственности и патриотизма школьников, а оценка эффективности реализации модели — в уровне сформированности гражданственности и патриотизма школьников, которая осуществлялась по 3 показателям (гражданственность — гражданское самосознание, гражданские качества и социальная активность, а патриотизм — знания, ценности и действия).

В результате внедрение модели позволило констатировать факт повышения уровня гражданственности и патриотизма обучающихся МАОУ СОШ № 19 г. Томска. Было установлено, что планируемые результаты эксперимента были достигнуты, так как уровень гражданственности и патриотизма у всех обучающихся школы, принимающих

Рис. 1. Модель управления процессом формирования гражданственности и патриотизма школьников

участие в воспитательных мероприятиях значительно повысилось (в среднем по разным показателям от 30 до 60 %).

В связи с чем, были сделаны следующие выводы. Управление процессом формирования гражданственности и патриотизма школьников в общеобразовательном учреждении будет эффективнее, если его модернизировать на основе:

- создания организационно-педагогических условий для формирования гражданственности и патриотизма школьников;
- систематического повышения компетентности педагогического состава общеобразовательного учреждения в области осуществления гражданско-патриотического воспитания школьников;
- активизации взаимодействия общеобразовательного учреждения и семьи, общественных организаций

в направлении гражданско-патриотического воспитания обучающихся школы;

- внедрения инновационных форм внеурочной деятельности по гражданско-патриотическому воспитанию школьников;
- разработки и реализации гибкой модели управления процессом формирования гражданственности и патриотизма школьников.

Исследование проблемы управления процессом формирования гражданственности и патриотизма школьников может быть продолжено в направлении модернизации системы управления посредством реализации разных форм участия региональных центров гражданско-патриотического воспитания в организации урочной и внеурочной деятельности общеобразовательного учреждения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.04.2026).
2. О патриотическом и духовно-нравственном воспитании граждан в Томской области: Закон Томской области от 27.11.2025. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/7000202512090006> (дата обращения: 30.05.2026).
3. Талипова, О. А. Управление процессом формирования патриотических чувств у старшеклассников / О. А. Талипова, Р. Ф. Гатауллина, А. М. Богданова // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — С. 308–319. [Электронный ресурс] — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-protsessom-formirovaniya-patrioticheskikh-chuvstv-u-starsheklassnikov> (дата обращения: 26.05.2026).

Особенности предметно-пространственной среды дошкольного учреждения как условие психолого-педагогического сопровождения детей с нарушениями зрения

Горбунова Анастасия Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Королькова Юлия Александровна, кандидат педагогических наук, доцент
Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

В данной статье рассматривается предметно-пространственная среда дошкольного учреждения как условие психолого-педагогического сопровождения детей с нарушениями зрения. Акцент при ее организации делается на безопасности, развитии самостоятельности, координации движений и возможности нервно-психического развития ребенка. Дидактические материалы должны быть адаптированы к особенностям восприятия слабовидящего или слепого ребенка.

Ключевые слова: нарушения зрения, пространственно-предметная среда дошкольного учреждения, адаптация, осязание.

Features of the spatial and substantial environment of preschool institutions as a condition for psychological and pedagogical support of children with visual impairments

Gorbunova Anastasia Viktorovna, master's student

Scientific advisor: Korolkova Yulia Aleksandrovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
Altai State Pedagogical University (Barnaul)

This article discusses the spatial and material environment of a preschool institution as a condition for psychological and pedagogical support for children with visual impairments. The focus of this environment is on safety, the development of independence,

coordination of movements, and the possibility of neuropsychological development in children. The educational materials should be adapted to the specific needs of visually impaired or blind children.

Keywords: *visual impairments, spatial and object environment of a preschool institution, adaptation, and touch.*

Зрение представляет собой уникальный инструмент для установления связи ребенка с окружающим миром. Оно позволяет получить информацию о расположении любых предметов и их свойствах в пространстве относительно самого ребенка. В раннем детстве зрение является одним из ведущих сенсорных анализаторов, побуждающих ребенка к исследованию окружающей среды. Первая реакция на родителей — комплекс оживления — связана с тем, что ребенок видит родное лицо. Посредством зрения у ребенка формируются первые коммуникативные навыки — он видит реакцию окружающих на свое поведение и подражает ей. Визуальная информация позволяет ребенку координировать свои движения относительно предметов и объектов окружающей среды. Принцип наглядности является одним из ведущих принципов в процессе обучения.

Исследователи отмечают ежегодное увеличение количества детей со зрительными патологиями, структура группы детей с нарушениями зрения очень обширна и разнообразна. На формирование зрения оказывает воздействие целый комплекс внешних и внутренних факторов: врожденные патологии; перенесенные и хронические заболевания, в том числе инфекционные; различные травмы; воздействие ионизирующего и радиационного излучения и т. д. При этом патология не всегда ограничивается только нарушениями в строении и функционировании зрительного аппарата, зачастую расстройства зрения являются признаками системных заболеваний, травм центральной нервной системы и неврологических нарушений.

У детей, имеющих расстройства зрения, затруднен прием и анализ визуальной информации. Вследствие того, что видение окружающего мира им малодоступно или искажено, они не могут адекватно оценивать состояние других людей, расположение предметов, а главное — координировать свои действия в пространстве. У таких детей отмечаются нарушения в пространственной ориентации и адаптации в обществе. Л. И. Плаксина отмечает затруднения детей с нарушениями зрения, которые возникают в работе с объемными предметами, а также стремление к контактированию с предметами. В своих исследованиях автор отмечает, что у таких детей присутствует общая скудность представлений о предметах и объектах окружающего мира, снижение уровня эмпирического опыта за счет проблем с точностью движений и замедленности зрительно-пространственной ориентировки [4].

Из-за ограниченных возможностей зрения у слабовидящих детей замедляется ориентировка в пространстве на уровне предметно-практических действий, потому что некоторые из признаков зрительно у них не воспринимаются. Такие дети не имеют четких представлений о теле, а также взаимосвязи между расположением парно-про-

тивоположных частей своего тела и их словесными обозначениями. Они не могут осуществлять практическую ориентировку «на себе» и перенос действий в конкретные предметно-пространственные ситуации, так как у них отмечается неустойчивость и фрагментарность пространственных представлений о своем теле. Дефект зрения оказывает влияние на восприятие детей. Восприятие становится замедленным, фрагментарным, искажается зрительное восприятие картинок или изображений. Дефект зрения может повлиять на замену одних предметов другими, это можно объяснить узостью образа и особенностью монокулярного зрения.

Л. П. Григорьева акцентирует внимание на том, что «нарушение зрительной системы в разных ее отделах приводит к изменениям и специфичности образов восприятия слепых с остаточным зрением и слабовидящих» [1, с. 21]. Нарушение зрения тормозит полноценное развитие познавательной деятельности слепых и слабовидящих детей, что проявляется в развитии и в функционировании мнемических процессов.

Если человек с нормальным зрением использует для получения информации при взаимодействии с внешним миром пять органов чувств, то слабовидящий или слепой человек — только четыре. И. М. Сеченов говорил, что «рука, ощупывающая внешние предметы, дает слепому все, что дает нам зрачок, за исключением окрашенности предметов и чувствования вдаль, за пределы длины руки» [5, с. 49]. У людей с нарушениями зрения значительно развито осязание, что используется при их обучении и адаптации в обществе. Например, в основе азбуки, разработанной для незрячих людей Л. Брайлем, лежит принцип точечного воздействия на тактильные окончания пальцев.

Работа с детьми с нарушением зрения осуществляется посредством создания особых педагогических условий. Такая работа ведется с учетом возрастных и индивидуальных особенностей ребенка, а также с учетом специфических и дидактических принципов. При этом учитывается уровень сохранности функций зрительного анализатора, так как не у всех детей с нарушениями зрения отмечается слепота.

Грамотно организованная предметно-пространственная среда в сопровождении детей с нарушениями зрения является одним из основных требований коррекционной работы. Обустроенная для детей с нарушением зрения среда обеспечивает выполнение следующих задач:

- безопасность и комфорт: при перемещении ребенка по группе или иным помещениям должна быть исключена возможность его контакта с бьющимися, острыми предметами и неустойчивой мебелью;
- содействие в развитии: нахождение ребенка в предметно-пространственной среде детского сада должно спо-

собствовать его развитию умения ориентироваться в пространстве, восприятия за счет остаточного сохранного зрения, тактильного осязания и слуха;

– развитие самостоятельности: как правило, состояние здоровья детей с нарушениями зрения порождает нарушения волевой сферы. Такие дети привыкают к тому, что окружающие стремятся им помочь в удовлетворении различных бытовых нужд, следствием этого является инфантильность и низкий уровень сформированности навыков самообслуживания. Среда детского сада должна содействовать тому, чтобы дети с нарушением зрения максимально включались в жизнь группы, выполняли определенные обязанности по самообслуживанию [2].

Организация предметно-пространственной среды решает и специальные задачи в детском саду с детьми с нарушением зрения: развитие зрительно-двигательной координации; обогащение зрительных представлений; включение в предметно-практическую деятельность мыслительных операций; развитие слухового внимания (ориентировка на звуковые свойства предмета); развитие зрительного восприятия в единстве с развитием несенсорных психических функций; стимуляция зрительно-познавательной активности.

Материально-техническое обеспечение общеобразовательного учреждения, в том числе, детского сада, обеспечивает создание условий для передвижения детей с нарушениями зрения по коридору, группе и иным помещениям: таблички по специальной системе Брайля с названием кабинетов; дорожка на полу с шероховатой поверхностью; для коридоров и лестниц зрительные ориентиры, которые обозначаются контрастным цветом; тактильные ориентиры для дверей и стен; звуковые ориентиры в здании для сопровождения слабовидящего; сигнальные пятна на скамейках, шведской стенке в спортивном зале; в группах обязательным предметом являются подставки, меняющие угол наклона в зависимости от диагноза ребенка, для действий с дидактическим материалом; в группах и кабинетах специалистов схемы зрительных траекторий по В. Ф. Базарному и метку на стекле по Аветисову, коррекционно-развивающие пособия для развития зрительного восприятия, прослеживающей функции глаза (зрительные траектории, зрительные панно); для восприятия дидактического материала в режиме движения используются вертушки, горки-волны, зрительные лабиринты; использование с детьми с нарушением зрения компьютерных программ для лечения, диагностики и коррекции; специальные игры для развития и тренировки зрения; диски «Здоровье»; пособия для профилактики плоскостопия — «Дорожки здоровья» и т. п. Для слабовидящих детей на рабочем месте должно быть дополнительное освещение.

Литература:

1. Григорьева, Л. П. Развитие восприятия у ребёнка. Пособие для коррекционных занятий с детьми с ослабленным зрением в семье, детском саду, начальной школе / Л. П. Григорьева, М. Э. Вернадская, И. В. Блинникова. — Москва: Школьная Пресса, 2007. — 72 с.

Исследователи уделяют особое внимание использованию сохраненного или имеющегося зрения у детей при организации занятий [3]. Дидактический материал должен иметь специальную окраску и величину, также необходимо использовать рельефные картинки. Особое внимание уделяется природной наглядности в целях формирования представлений о предметном мире. Обстановка во время занятий должна быть продумана, ребенка не должно ничего отвлекать. Освещение в помещении должно быть не сильно ярким и не особо тусклым, достаточным, чтобы ребенок мог полноценно видеть специалиста и его движения. Также необходимо, чтобы на занятиях было большое зеркало, с помощью которого ребенок мог бы отрабатывать приемы мимических упражнений.

Размещение наглядного материала необходимо на фоне других объектов при проведении фронтальных занятий с детьми для лучшего зрительного восприятия. Детей следует рассаживать близко к предмету, который рассматривают дети, а для детей с низкой остротой зрения — использовать индивидуальную наглядность. Если предметы размером 10–15 см, то их необходимо размещать в количестве не более 8–10 штук, а если объекты размером 20–25 см, то не более 6 штук за один раз. Предметы должны рассматриваться отдельно друг от друга и не сливались в единую линию либо пятно, то есть не отвлекали детей при сосредоточении на отдельном предмете.

Условия, которые необходимы для точного восприятия детьми демонстрируемого объекта, включают: адекватный фон; оптимальный цвет; если у ребенка окклюзия, то он находится у доски лишь со стороны открытого глаза; педагог всегда находится у доски справа и повернут лицом к детям; все объекты должны иметь четкий контур при рассматривании картины; зрительная нагрузка не должна превышать 10 минут.

Таким образом, зрение является ключевым инструментом, формирующим связь ребенка с окружающим миром, и играет важную роль в его понимании пространства и коммуникации. Однако рост числа детей с нарушениями зрения подчеркивает необходимость создания специальных условий для их обучения и адаптации, учитывая индивидуальные особенности и потребности. Организация предметно-пространственной среды в образовательных учреждениях с акцентом на безопасность, развитие самостоятельности и координацию движений становится основополагающим аспектом коррекционной работы. Для эффективного обучения детей с нарушениями зрения важно использовать активные и доступные методы взаимодействия, а также адаптировать дидактические материалы и условия занятий.

2. Зязева, И. В. Психолого-педагогическое сопровождение и поддержка семей, имеющих детей с нарушением зрения, посещающих дошкольное образовательное учреждение / И. В. Зязева, Т. В. Слюсарская // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. — Чебоксары, 2020. — С. 123–125.
3. Панкова, О. В. Психолого-педагогические основания особенностей построения предметно-развивающей среды в условиях нарушенного зрения / О. В. Панкова // Студенческий. — 2020. — № 36–1 (122). — С. 38–40.
4. Плаксина, Л. И. Инклюзивное обучение детей с ограниченными возможностями здоровья: психолого-педагогическое сопровождение дошкольников с нарушениями зрения: учебно-методическое пособие / Л. И. Плаксина, Л. А. Дружинина, Л. Б. Осипова. — Москва: ИНФРА-М, 2025. — 192 с.
5. Сеченов, И. М. Впечатления и действительность. Избранные труды / И. М. Сеченов. — Москва: Юрайт, 2025. — 134 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (626) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 17.06.2026. Дата выхода в свет: 24.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.